

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ WORKING PAPERS

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ CARNEGIE MOSCOW CENTER

Общество и граждане в 2008–2010 гг.

Под редакцией Марии Липман и Николая Петрова

3
2010

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ № 3 • 2010

Общество и граждане в 2008–2010 гг.

Под редакцией Марии Липман и Николая Петрова

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ WORKING PAPERS

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009 Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: +7 (495) 935-8904.

Факс: +7 (495) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:

<http://www.carnegie.ru/publications>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В издании отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Редактор А. И. Иоффе

Идея провести инвентаризацию современного состояния гражданского общества в России и проанализировать сдвиги последнего времени возникла в связи с началом работы российско-американской рабочей группы «Гражданское общество». В мае 2010 г. в Московском Центре Карнеги прошли два «круглых стола» с участием экспертов и гражданских активистов. Их мнения по поводу развития гражданского общества и связанных с ним проблем, а также по поводу взаимоотношений гражданского общества и государства представлены в предлагаемой публикации. Кроме того, в нее вошли материалы анкеты, которую заполняли эксперты, очерк современного состояния гражданского общества и хронология основных событий в этой сфере, подготовленные Московским Центром Карнеги, а также интервью с руководителем рабочей группы «Гражданское общество» со стороны США Майклом Макфолом.

Об авторах

Липман Мария Александровна — главный редактор журнала «Pro et Contra».

Петров Николай Владимирович — кандидат географических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Общество и региональная политика».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Мария Липман, Николай Петров</i>).....	4
Российское общество и его взаимоотношения	
с властью (<i>Мария Липман, Николай Петров</i>).....	8
Гражданские инициативы и протестные действия.....	8
Уличные протесты.....	8
Рабочее движение.....	8
Реакция на социальную несправедливость.....	10
Интернет.....	13
Музыкальная оппозиционность.....	15
Благотворительность.....	17
Инициативы власти.....	18
Демонтаж выборов.....	18
Модерируемые площадки диалога власти и общества.....	22
«Альтернативное гражданское общество».....	24
«Наши».....	25
Ужесточение законодательства.....	26
Взаимоотношения «бизнес — общество».....	27
Северный Кавказ.....	29
«Круглый стол» по проблемам гражданского общества	
в Московском Центре Карнеги 26 мая 2010 г.	33
Участники.....	33
Дискуссия.....	33
Приложение 1. набросок общественной активности в России (<i>Игорь Аверкиев</i>).....	45
Приложение 2. Христианские общины и гражданское общество (<i>Сергей Филатов</i>).....	49
Приложение 3. Результаты проведенного в мае 2010 г. Московским Центром Карнеги анкетного опроса экспертов о состоянии гражданского общества и динамике двух последних лет.....	52
Хронология (<i>Мария Липман, Николай Петров</i>).....	55
Интервью с Майклом Макфолом, сопредседателем российско-американской рабочей группы «Гражданское общество»	83
О Фонде Карнеги	87

ВВЕДЕНИЕ

Мария Липман, Николай Петров

Доминирование государства над обществом — неизменная особенность российского порядка практически на всем протяжении истории страны. Сохраняется оно и теперь. Изменение этого уклада в короткий период после распада СССР произошло в результате резкого ослабления государства, а не усиления общества. Общество осталось атомизированным, в нем не сформировались сколько-нибудь значительные группы интересов, и уж тем более не возникли способы и каналы их артикуляции. По этой причине восстановление доминирующей роли государства и сокращение общественного пространства, начавшиеся с приходом к власти Владимира Путина, практически не встретили сопротивления со стороны общества. Путинское правление сопровождается непрерывной государственной экспансией в разные сферы жизни граждан — за исключением разве что частной.

Возвращение к привычной патерналистской модели взаимоотношений с государством принято подавляющим большинством российского общества, однако некоторые сдвиги в сторону социальной модернизации все-таки происходят. Опыт жизни в условиях индивидуальной свободы и рыночной экономики постепенно формирует «новый городской класс» — людей, умеющих принимать решения и брать на себя ответственность, строящих свою жизнь, в том числе и профессиональную, самостоятельно, без иждивенческой зависимости от государства.

Эта модернизированная прослойка на сегодняшний день составляет, по оценкам Левада-Центра, не более 4–6% населения. Но даже эта группа не представляет собой организованную силу, объединенную общим интересом, она в той же мере отстранена от принятия решений, как и патерналистское большинство. В ее состав входят люди с хорошим образованием, относительно достатком, информированные, с широким кругозором и трезвым мышлением. Они весьма критически относятся к политическому порядку, сложившемуся в стране, ни в грош не ставят декларации правителей, однако их активность за редчайшими исключениями ограничена личным интересом. По словам социолога Льва Гудкова, у этой группы «...разорвана связь действий с рефлексией... Они пальцем о палец не ударят, [чтобы изменить то, что им не нравится в собственной стране]»¹.

Тем не менее в обществе возникают и развиваются гражданские инициативы, которые в неполитической сфере могут быть вполне успешными (например, активно растет частная и корпоративная благотворительность). Но в том, что касается политики, государство обладает безусловным преимуществом и по-прежнему способно пресечь любую общественную инициативу, если она не соответствует его интересам. При этом государственное противодействие совсем не всегда осуществляется в форме насилия; власть, а также близкие к ней административные и бизнес-структуры располагают огромным арсеналом инструментов, которые позволяют эффективно нейтрализовать автономные общественные усилия.

Власть может учитывать общественный фактор, если пренебрежение им чревато неприемлемыми социальными издержками, но подобный «учет» — не результат согласования интересов или компромисса, а собственное решение власти, которое принимается скрытно от общественных взоров. После того как решение принято, о нем объявляется населению по каналу односторонней связи. Примерами могут служить отмена монетизации льгот, снижение транспортного налога, перенесение маршрута трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», отмена повышения коммунальных тарифов и др.

Помимо общей атомизированности и пассивности есть и иные препятствия, которые не позволяют российским гражданам успешно отстаивать свои интересы: у общества нет институциональных каналов взаимодействия с государством (референдумы, выборы, независимый суд и парламент и т. д. существуют лишь формально) и нет собственных лидеров (индивидуальных или институциональных), которые пользовались бы доверием и вокруг которых могло бы происходить общественное объединение. Центрами влияния и авторитета могут быть различные институты, например, церковь, как это было в Германии в 1970-е годы или в Польше практически на всем протяжении «советского» периода, а также конкретные личности вроде Леха Валенсы или Нельсона Манделы.

Власть умело пользуется слабостью общества и всеми способами старается ее закреплять. Редкие случаи, когда коллективное гражданское усилие приносит желаемый результат, оказываются отрезаны от каналов массовой коммуникации — чтобы опыт автономного успеха не тиражировался, не становился образцом, чтобы закреплялись социальная парализация, пассив-

¹ Из беседы авторов с Л. Гудковым.

ность, разобщенность, чтобы сохранялся цинизм, не ослабевало ощущение, что от отдельного человека ничего не зависит, а от перемен будет только хуже. Власть бдительно следит, чтобы в обществе не возникали автономные авторитеты («манделы», «валенсы»), а при малейшем подозрении, что кто-то может привлечь к себе общественное внимание и стать центром влияния, он становится объектом маргинализации, дискредитации, а то и преследования.

Отличие России от других посткоммунистических стран, создающее дополнительное тяжелое препятствие для модернизации, социальной модернизации, в частности, состоит в том, что здесь отсутствует определенность в видении как прошлого, так и будущего. Если другие посткоммунистические страны могут формулировать свой национальный путь как воссоединение с Европой, из которой они были на несколько десятилетий насильно вырваны внешними силами (в практическом плане этот национальный консенсус означает курс на вступление в Евросоюз), то в России нет ясности ни по поводу прошлого, ни по поводу будущего. После краха коммунизма и распада СССР в России не только не сформировался национальный консенсус о причинах этих событий, напротив, обсуждение соответствующих тем только углубляло раскол. В период президентства Путина общественная дискуссия была насильственно свернута, а либеральный, антикоммунистический, «западнический» дискурс последовательно маргинализован. Это удалось довольно легко, поскольку к этому времени антикоммунисты-«западники» растеряли былую популярность (среди важнейших причин — издержки невиданного по масштабам перехода от советской системы государственного управления и хозяйствования, в частности, негативные социально-экономические последствия этого перехода для большинства населения).

Стремясь к консолидации общества, путинская элита положила конец дискуссии о сути и итогах 70 лет коммунизма. В том числе во имя успокоения общественных страстей Кремль вернул советский гимн. Однако он не смог предложить новые ориентиры, и смена гимна обернулось большим, чем возрождение символов: в России оказался релетигимирован — по крайней мере отчасти — советский принцип государственного порядка, в основе которого лежит отчуждение общества от управления страной. И чем громче звучит государственная риторика модернизации, тем очевиднее антимодернизационный характер политического и социального порядка, в котором автономная инициатива неукоснительно подавляется и граждане надежно отстранены от принятия решений.

Появление новой властной конфигурации в 2008 г. и разразившийся вслед за тем экономический кризис внесли некоторые изменения во взаимоотношения власти и общества. Но основные параметры этих взаимоотношений пока остаются неизменными.

Тон в отношениях «власть — общество» задает прежде всего сама власть. Это не значит, однако, что она всегда действует адекватно и рационально даже в преследовании собственных интересов. В действиях власти бывает много близорукости, когда стратегические цели (кстати, четко не сформулированные и не артикулированные) приносятся в жертву конъюнктурным задачам. Кроме того, эти действия часто диктуются интересами не власти в целом, а ее отдельных групп, корпораций, даже персон. Последнее облегчается закрытостью власти, ее неподотчетностью гражданам, отсутствием содержательных публичных дискуссий относительно целей и задач государства и общества. На все это в последнее время наслаиваются элементы предвыборной кампании, шоу-политики, характерные для всего периода правления Медведева-Путина.

В условиях разобщенности общества и взаимного недоверия — не только между гражданами и властью, но и между гражданами и другими гражданами — в качестве реальных факторов консолидации выступают прежде всего действия самой власти, против которых может происходить сплочение граждан на низовом уровне для локальных протестов. Эти протесты, как правило, ограничены рамками жилого дома, предприятия, микрорайона, в исключительных случаях — города. Причина здесь среди прочего в том, что именно на этом уровне вторжение в «пространство граждан» воспринимается ими как нарушение некоего негласного пакта о ненападении. В отличие от этого экспансия власти в политическое пространство, будь то на федеральном или региональном уровне, не вызывает массового сопротивления, поскольку большинство граждан не воспринимает это пространство как «свое».

Все последние годы шла примитивизация политической и управленческой систем по мере того как чиновники перестраивали их, руководствуясь соображениями собственного удобства. Эффективность системы при этом снижалась, но поскольку благодаря удачной конъюнктуре цен на экспортируемое сырье неэффективность с лихвой компенсировалась ростом финансового благополучия, бюрократический класс этого не ощущал. В нормальных условиях первый же кризис привел бы чиновников в чувство. В условиях тепличных, когда возникающие

проблемы удавалось решать путем денежных вливаний, отрезвления не происходило. Если с точки зрения чиновников регионы проявляли чрезмерную самостоятельность, чиновники демонтировали федерализм. Сталкиваясь с самостоятельностью депутатского корпуса, они демонтировали парламентаризм, сталкиваясь с трудностями на выборах — решали, что проще от них отказаться вовсе.

Продолжающийся экономический кризис стал ставить перед властью сложные и нестандартные задачи, которые примитивизированная управленческая машина, привыкшая ехать по прямой и под горку, решать не в состоянии. Кризис повысил требования также в отношении оперативности и маневренности, и тут к общим недостаткам системы добавились два новых, связанных с так называемым тандемом. С одной стороны, в персоналистской системе наличие двух голов у власти, какой бы виртуальной ни была одна из них, дезориентирует политические элиты и усложняет и без того нерациональную систему принятия решений. С другой стороны, автор нового институционального дизайна Путин, сохраняя власть над системой, но не находясь в главном формальном центре власти, противится любому ее организационному и политическому переустройству, справедливо опасаясь за сохранение своей власти. Таким образом, система мало того что неэффективна, она еще и лишена возможности быстро перестраиваться, по крайней мере до тех пор, пока формальный и реальный центры власти в ней снова не совместятся.

Существенное влияние оказывает кризис и на общество. Постепенно размывается финансовая база для проведения традиционного популистского курса со стороны государства. В обществе нарастают усталость, разочарование, раздражение по отношению к власти, и по любому, иной раз незначительному поводу, эти настроения могут выплеснуться наружу. Неважное настроение периодически прорывается в уличных протестах и взрывах возмущения в Интернете, но хотя всплески этой протестной/эмоциональной активности учащаются, они затрагивают небольшую часть населения и в большинстве своем кратковременны. Активность вскоре стихает, практически не оставляя организационных следов. Тем не менее власти приходится реагировать на недовольство, а способы, которые использовались раньше, сегодня оказываются неэффективными. Власть пытается переждать, сманеврировать, чтобы в конце концов настоять на своем. Но такая тактика не всегда срабатывает, и подобные сбои происходят чаще.

Несмотря на некоторое ухудшение настроения, большинство российских граждан по-прежнему устраивает патерналистская схема отношений, в рамках которой ответственность за все, что лежит вне сферы собственной семьи и ближайшего круга, передовверена государству. Имеет место именно модель *передоверения*² (*surrendered responsibility*), а не доверия по отношению к власти. Такая схема отношений строится на том, что люди не питают особых иллюзий по поводу того, что может сделать для них власть, при этом они полагают, что любые политические изменения только ухудшат дело. Поэтому граждане предпочитают сохранение статус-кво, но исходят из того, что их все равно никто не спрашивает и от них ничего не зависит. Пока всё более или менее на своих местах, люди готовы приспосабливаться даже к некоторым не слишком значительным ухудшениям. И предпочитают не задумываться: большинство, по опросам Левада-Центра, не планирует дальше, чем на год-два вперед³, а потому не слишком склонно рассуждать о том, что будет, если власть примет то или иное решение.

Более подробно модель взаимоотношений между обществом и государством может быть описана следующим образом:

1. Социальный контракт «экономические возможности вместо политических прав», который предложен властью неструктурированной массе граждан, пока на месте, да и масштабы социальных протестов относительно невелики (см. разделы «Рабочее движение» и «Музыкальная оппозиционность»), но ситуация меняется. Сама власть при этом выступает и как причина массовых акций, и как фактор консолидации местного сообщества.

2. В действиях власти патернализм и стремление любой ценой избежать конфронтации (особенно синхронной в различных местах) с массой граждан сочетаются с демонстративной жесткостью по отношению к «нарушителям спокойствия» (см. подробнее в «Хронологии»). Чрезвычайно тревожным обстоятельством являются продолжающиеся нападения на гражд-

² Дубин Б. Характер массовой поддержки нынешнего режима: Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении» 19 января 2010 г. (<http://www.levada.ru/press/2010022406.html>).

³ Представления россиян о будущем: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 21 июля (<http://www.levada.ru/press/2010072101.html>).

данских активистов и журналистов; их убийства, как правило, остаются нераскрытыми⁴. Причиной для применения жестких методов может быть стремление властей подавить активность на самом раннем этапе, пока она не «вышла из берегов», а иногда, особенно в регионах, — и просто неумение или нежелание проявлять «политичность» и «тонкость».

3. При всех либерально-модернизационных заявлениях власти пространство действий, политического участия для граждан не расширяется. Есть, однако, расширение пространства дискуссий, в первую очередь в Интернете, распространение которого быстро повышает информированность общества о «прегрешениях» власти и скорость реакции на них (см. раздел «Интернет»). Между тем пространство политического действия скорее даже сужается — иллюстрацией могут служить отказ от выборности, крайне жесткие ограничения на проведение референдумов (см. раздел «Демонтаж выборов»). Это уменьшает возможности прямого диалога власти и общества за пределами протестных акций. Что касается смягчения официальной риторики, то было бы неверно вовсе не обращать на него внимания, но и переоценивать его не стоит.

4. Деинституционализация власти — продолжающееся ослабление государственных институтов — сопровождается деинституционализацией в обществе. В немалой степени этому способствует отсутствие публичной политики и, в частности, конкурентных выборов; есть элементы и сознательной дискредитации независимых активистов со стороны власти. Прямым следствием этого является дальнейшее затруднение диалога с обеих сторон.

5. Активность власти по отношению к гражданскому обществу имеет две стороны: прикармливание «хороших» и выдавливание «плохих». В прикармливании, осуществляемом посредством общественных палат и советов (см. раздел «Модерируемые площадки диалога власти и общества»), раздачи грантов, облегчения положения «социально-ориентированных» некоммерческих организаций (НКО) и др., не было бы ничего плохого, если бы оно происходило не в условиях политической монополии и жесткой централизации и не сопровождалось созданием многочисленных псевдо-НКО, или ГОНГО (GONGO — Government Organized Non-Government Organization — ироничная аббревиатура для обозначения псевдообщественных организаций). Выдавливание же, осуществляемое путем дискредитации, оказания административного давления и пр., плохо и само по себе, и тем, что углубляет атмосферу взаимной неприязни, конфликтности, нетерпимости, цинизма, что особенно заметно в блогосфере.

6. Намерения, выраженные в «полицейских» поправках к законодательству (ужесточение наказания за перекрытие федеральных трасс, «предупреждения» ФСБ, новая редакция «государственной измены» в Уголовном кодексе), пока отличаются большей жесткостью, чем реальная практика. Закон о ФСБ не означает — пока — немедленного привлечения людей по всей России к ответственности за «действия, создающие условия для совершения преступлений». Скорее это занесенная дубина, повод «буйным» задуматься, а также накапливание резервного арсенала на будущее. Одновременно и смягчение законодательства вовсе не обязательно означает смягчение практики. В ряде случаев система сопротивляется, например, обходя «где надо» смягчающие поправки к закону о Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) или законодательно введенное смягчение досудебных мер по экономическим преступлениям (в отношении Ходорковского и Лебедева новые меры были просто проигнорированы). Иногда система тихо бойкотирует смягчающие поправки, внесенные президентом, и продолжает работать по-старому; у верховной власти, по крайней мере, у президента, не хватает рычагов для осуществления на практике внесенных и утвержденных инициатив. Помимо общего бойкота всегда возможны изъятия — в интересах непосредственно власти или иных влиятельных групп интересов. В сочетании с «отложенным» на период после выборов 2012 г. законом о реформировании бюджетной сферы это дает основание полагать, что власть готовится к более жесткому сценарию во взаимоотношениях с обществом или во всяком случае не исключает, что придется прибегнуть к жестким насильственным мерам.

7. В целом позиции как власти по отношению к обществу, так и общества по отношению к власти характеризуются взаимным недоверием и деструктивностью, эскалацией конфронтационности. И вина за это лежит прежде всего на власти, которая практически лишила граждан любых иных способов донесения до нее своих чаяний, кроме протестных акций.

⁴ Михаил Бекетов (искалечен, ноябрь 2008 г., Московская область), Магомед Евлоев (убит, август 2008 г., Ингушетия), Наталья Эстемирова (убита, июль 2009 г., Чечня), Станислав Маркелов и Анастасия Бабурова (убиты, январь 2009 г., Москва).

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ

Мария Липман, Николай Петров

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ПРОТЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Уличные протесты

В начале 2010 г. прошла серия массовых социально-экономических протестов, вызванных последствиями кризиса, неэффективным управлением, накопившимся раздражением в адрес губернаторов-«варягов». Акции протеста имели место в Калининграде, Самаре, Архангельске, Иркутске и других городах. Эти эпизоды представляют собой не столько организованное движение, сколько спонтанное самовыражение граждан, объединенных общим порывом. Конкретные поводы протестных акций в разных городах могли различаться: в одних случаях — резкий рост транспортного налога, в других — проблемы экологии, повышение коммунальных платежей. Общим было то, что эти поводы играли роль триггера, спускового крючка и что почва для массового выражения гражданами недовольства оказывалась готова.

В ряде случаев, в частности, в Калининграде, сошлось сразу несколько причин, и устранить их привычным образом (денежными вливаниями) не получалось. Низкая влияние политических партий, почти полное отсутствие публичной политики и соответственно отсутствие ярких и авторитетных фигур, которые могли бы вести диалог с администрацией от лица общества, играют с властью злую шутку: ей приходится иметь дело с толпой, причем и у власти тоже практически нет фигур, способных к такому диалогу.

Характерно, что на митингах протеста по частным поводам нередко звучали лозунги против федеральной власти и лично Путина. Но, требуя отставки премьера, митингующие не высказывают иных политических предпочтений. Президент Медведев не воспринимается как самостоятельная фигура, никто не требует его отставки, но и не призывает видеть в нем альтернативного лидера.

Притом что общие масштабы социальных протестов в 2009–2010 гг. не выросли по сравнению с 2008-м, поддержание стабильности потребовало от властей гораздо более пристального внимания и оперативного реагирования. Особенно опасаются власти синхронных протестов в большом числе регионов, следствием чего стала быстрая реакция на волну протестов против роста коммунальных платежей. Аналогичными опасениями продиктовано решение отложить на далекий послевыборный 2012 г. введение в действие закона о бюджетных учреждениях.

В начале 2010 г. стала набирать силу волна протестов против повышения коммунальных тарифов. Хотя именно федеральная власть инициировала рост тарифов, в ряде случаев попросту выкручивая руки региональным властям⁵, Москва быстро отыграла назад и «перевела стрелки» на регионалов и муниципалов, обвинив их в самоуправстве и чрезмерном повышении цен. Были сформированы правительственная комиссия Дмитрия Козака и комиссия «Единой России» (ЕР), установлен максимум повышения в 25%, устранены «перекося». В результате удалось избежать повторения массовых протестов, подобных тем, которые в 2005 г. стали реакцией на вступление в действие закона о монетизации льгот, но опасность такого рода была вполне реальной.

Рабочее движение

Хотя официально СССР развалился в 1991 г., отдельные структуры его пережили и в слегка видоизмененном виде продолжают существовать поныне. Это в полной мере относится к советским профсоюзам. В значительной мере утратив важную социально-инфраструктурную роль, которую они играли в советской системе, профсоюзы сохранили большую часть огромной собственности, которая в общем и является главным фактором, поддерживающим их существование. Сегодня профсоюзы — это прежде всего Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), которую иногда называют «Единой Россией» профсоюзного движения. ФНПР (лидер — Сергей Шмаков), объединяющая большинство российских отраслевых профсоюзов и территориальных профобъединений, насчитывает 37,7 млн человек. Она играет роль крыши, хоть и сильно прохудившейся, под которой может найтись место и новым профсоюзам...

Из альтернативных профсоюзных объединений следует упомянуть СОЦПРОФ, Всероссийскую конфедерацию труда, Конфедерацию труда России, Межрегиональный профсоюз работников автомобилестроения. СОЦПРОФ возник еще в недрах советского времени, в 1989 г.,

⁵ Один из типичных примеров — предоставление региональным бюджетам существенной помощи в кризисном 2009 г. через Фонд реформирования ЖКХ под обещания снизить субсидирование и требование в 2010 г. либо резко это субсидирование снизить, либо вернуть деньги.

и позиционирует себя как общественную инициативу снизу в противовес ФНПР — наследнику ВЦСПС, «инструменту социальной политики государства». Согласно самому СОЦПРОФу (штаб-квартира в Петербурге, лидер — Сергей Вострецов) в нем сейчас состоит порядка 1,6 млн членов в 72 регионах.

Сильно ослабевшие, но не имеющие особой альтернативы постсоветские профсоюзы продолжают подписывать трехсторонние договоры с властями и организациями работодателей. С ними легче и удобнее иметь дело предпринимателям. С ними, естественно, предпочитает иметь дело и власть. Но при этом они не способны защищать наемного работника, так что в случае острого конфликта власти приходится брать эту функцию выразителя «народных чаяний» на себя, например, после аварии (Междуреченск, май 2010 г.) или даже превентивно (Норильск, август 2010 г., когда Путин потребовал, чтобы базовая часть зарплаты горняков была увеличена до 70%).

За последний год Медведев и Путин провели встречи с разными профсоюзами: первый — с руководством СОЦПРОФа в конце 2009 г., второй — с активом ФНПР в середине 2010 г. Отсутствие сильных профсоюзов создает проблемы для самой власти, которой приходится действовать в отсутствие профсоюзного «амортизатора», принимая на себя всю тяжесть удара, и служить модератором между хозяевами и работниками (подробнее о случае Междуреченска см. в «Хронологии»). По иронии судьбы профсоюзный скандал разгорелся и в цитадели власти — в первичной профсоюзной организации президентской администрации, аппаратов правительства России, Совета Федерации, Счетной палаты и Управления делами президента⁶. Причем руководство официальной ФНПР даже сделало заявление об усилении там влияния СОЦПРОФа, до некоторой степени «оппозиционного профсоюза».

Наряду со старыми и, как правило, довольно пассивными профсоюзами появляются и новые ячейки, причем на пустом месте они возникают легче. По иронии судьбы такими местами оказываются новые предприятия, принадлежащие иностранному бизнесу. Ярким примером может служить профсоюз на заводе «Форда» во Всеволожске (лидер — Алексей Этманов), организовавший в 2005–2007 гг. забастовки, сопоставимые по резонансу с действиями «Единства» на АвтоВАЗе (лидер — Петр Золотарев), притом что ВАЗ в тридцать раз превышает всеволожский «Форд» по числу работающих. На одном предприятии может существовать несколько профсоюзов, часто конфликтующих между собой. В свою очередь, и связь по вертикали может быть весьма условной, когда, скажем, профсоюз, входящий в ФНПР, устраивает забастовку, а ФНПР ее не поддерживает.

Случаев отраслевой консолидации больше, чем региональной. Примерами могут служить Независимый профсоюз горняков России и Межрегиональный профсоюз работников автомобилестроения.

Лидеры новых профсоюзов подвергаются преследованиям как со стороны работодателей, так и со стороны властей — в первую очередь правоохранительных органов, вызывающих профлидеров на «профилактические беседы», возбуждающих против них дела и в связи с несанкционированными акциями протеста (положения Трудового кодекса существенно урезают законные возможности для коллективного отстаивания интересов наемных работников⁷), и на основании сфабрикованных уголовных правонарушений. Например, лидера профсоюза «Профсвобода» компании АЛРОСА Валентина Урусова приговорили в декабре 2008 г. к шести годам лишения свободы якобы за хранение наркотиков (в мае 2009 г. приговор был отменен). Тяжелое положение профсоюзных активистов усугубило и определение Конституционного суда от 3 ноября 2009 г., признавшее противоречащей Конституции норму Трудового кодекса, запрещающую увольнять не освобожденных членов выборного профсоюзного органа без согласия вышестоящего профсоюзного органа. Это ударяет в первую очередь по активистам независимых профсоюзов, у которых мало освобожденных работников и борьба которых за права работников не устраивает работодателей.

Согласно данным Института коллективного действия, который ведет мониторинг протестных акций⁸, за 2009 г. имело место порядка двух сотен массовых трудовых конфликтов. Из-за кризиса, который снижает эффект от остановки производства, и ограничений трудового законодательства, фактически делающих забастовку неосуществимой в рамках закона, вместо забастовок участились уличные акции протеста. За год их прошло порядка 90 включая как массовые

⁶ Само по себе наличие такой организации, объединяющей разные центры и ветви власти, является любопытным штрихом к разделению властей.

⁷ Трудовые споры: Право действовать // Ведомости. — 2007. — 8 нояб. (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/11/08/135701>).

⁸ <http://www.ikd.ru/?q=node/12134>.

митинги, так и перекрытия трасс. Последних было особенно много в мае-июне 2009 г. — вслед за пикалевскими событиями.

Пикалево (Ленинградская область) стало символом новой протестной волны. 2 июня 2009 г. три сотни работников предприятий города и членов их семей перекрыли движение по федеральной трассе «Санкт-Петербург — Вологда». Они требовали погашения долгов по заработной плате, запуска предприятий и подключения коммунальных сетей. До этого, 20 мая, доведенные до отчаяния жители Пикалева пытались захватить здание мэрии, в то время как там проходило совещание по решению городских проблем, участие в котором принимали местные чиновники, представители прокуратуры, поставщика газа и владельцев предприятий. Путин, прибывший на место конфликта, демонстративно отреагировал на конфликт перед телекамерами, заставив владельца компании «БазэлЦемент-Пикалево» Олега Дерипаску подписать документ о запуске производства на остановленном заводе. Для решения проблем Пикалева была создана специальная правительственная комиссия, одновременно началась разработка программы по моногородам.

Масштабные акции протеста имели место в Тольятти (АвтоВАЗ), Рубцовске («Алттрак»), Калининграде («КД Авиа»), Воркуте («Воркутауголь»), Мурманске (восемь предприятий ВПК) и десятках других городов. На волне стихийного протеста активизировались профсоюзные ячейки и появлялись новые лидеры. При этом, однако, как отмечает Институт коллективного действия, «солидарность трудящихся разных предприятий, поддержку со стороны общественности нельзя назвать значительной и устойчивой»⁹. Исключения есть, но они редки — например, голодовка авиадиспетчеров, начатая в Ростове-на-Дону и поддержанная в конечном итоге в 56 регионах. Были и выступления в поддержку профсоюзных активистов Алексея Этманова и Евгения Иванова, которые были подвергнуты репрессиям.

Есть и громко заявившие о себе «территориальные» организации, часто возникающие на базе профсоюзных или партийных обломков и подпитываемые живыми инициативами. В качестве примеров можно привести «Союз жителей Кузбасса» и «Союз защиты пермяков».

Требования «Союза жителей Кузбасса», заявившего о себе во время взрывов на шахте «Распадская» в мае 2010 г. и вызвавшего особое беспокойство властей, выглядели вполне разумными. Они включали в себя: освобождение всех арестованных в Междуреченске (за перекрытие железной дороги) и прекращение их преследования; повышение зарплаты на всех рентабельных шахтах региона в три раза, считая от минимальной, но не ниже 45 тыс. руб.; прекращение преследований за независимую профсоюзную деятельность по защите интересов рабочих; вывод из Междуреченска сил МВД, привезенных из других городов; введение в практику ежемесячных «народных» встреч с главой администрации города с его отчетом о своей работе и ответами на вопросы.

«Союз защиты пермяков» активно занимается проблемами на низовом уровне (товарищества собственников жилья (ТСЖ), точечная застройка), кроме того, он принял активное участие в кампании против отмены прямых выборов мэра Перми.

Рабочее движение сильно фрагментировано, часто даже в масштабах одного предприятия, где могут действовать ячейки нескольких разных профсоюзов. Как и многие другие протестные движения, оно ситуативно и реактивно, ему не хватает организованности. При этом, однако, в кризисный период в силу повышенного внимания властей оно добилось, пожалуй, большего, чем любой другой сегмент гражданского общества.

Реакция на социальную несправедливость

Острая спонтанная реакция на несправедливость (нарушения закона, произвол со стороны представителей власти, привилегии власть имущих) проявляется в основном в Интернете и в гораздо меньших масштабах в виде акций, митингов и т. п. Самая успешная инициатива такого рода — «синие ведерки», которую отличает от других наличие организации — Федерации автовладельцев России (ФАР), лидера (Сергея Канаева) и отлаженной системы действий. Кроме того, с «ведерками» легче себя идентифицировать: возмущение по поводу «мигалок» знакомо любому московскому водителю. На словах люди охотно солидаризуются против любых несправедливых привилегий, но на дороге человек сталкивается с сословным неравенством лицом к лицу: «обычные» водители стоят, а те, что «высшего сорта», проносятся мимо.

Об успехе «ведерок» свидетельствуют данные июльского опроса московской молодежи. «Ведерки» значительно превосходят все остальные движения по соотношению «знаю — поддерживаю — мог бы сам участвовать» (табл. 1).

⁹ <http://www.ikd.ru/node/13978>.

Таблица 1

Данные опроса московской молодежи о степени поддержки различных движений

Ответ	Вопрос		
	«О каких из следующих инициатив, акций Вы когда-либо слышали?»	«Какие из этих инициатив, акций Вы поддерживаете, одобряете?»	«Каких из этих акций Вы при случае могли бы принять участие?»
«Марш несогласных»	51	13	5
«Синие ведерки»	44	27	17
Акции движений «Местные» и «Наши»	44	12	6
«Русский марш»	30	6	3
«Стратегия-31»	15	6	4
«День гнева»	15	1	1
Другие	Менее 1	Менее 1	Менее 1
Нет таких	20	31	46
Затруднились ответить	2	4	5
Нет ответа	—	22	22

Примечание. Ответы ранжированы по ответам на первый вопрос.

Источник: Московская молодежь об общественных инициативах и протестных движениях: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 28 июля (<http://www.levada.ru/press/2010072803.html>).

Но в основном такого рода активность (против несправедливости и привилегий) все-таки возникает ad hoc, не оставляя после себя организации. Среди примеров — февральская авария в Москве с участием вице-президента ЛУКОЙЛа, когда погибли две женщины-акушеры. Милиция сразу приняла сторону высокопоставленного начальника, а Интернет мгновенно взорвался возмущением. История получила еще большую огласку благодаря рэпу популярного музыканта Noize MC (см. ниже раздел «Музыкальная оппозиционность»). Президент Медведев, получив открытое письмо видных деятелей культуры, отдал распоряжение министру внутренних дел взять дело под личный контроль. Вскоре, однако, пыл угас, и в сентябре официальное заявление главы Московского ГУВД о том, что погибшие женщины признаны виновными и дело будет закрыто, уже не встретило бурного отклика. В сентябре ФАР заявила, что намерена провести акцию, чтобы выразить негативное отношение к результатам официального расследования¹⁰.

При отсутствии институциональных механизмов, с помощью которых можно канализировать общественное недовольство, взрывы гнева часто оказываются единственной формой общественной реакции. Но эмоции быстро остывают.

Например, среди событий прошлых лет большой резонанс получила история Андрея Сычева, который стал жертвой армейской дедовщины. Но интерес давно схлынул, и сегодня общество не знает (и не интересуется), что стало с изувеченным солдатом, кто и какое понес наказание. В целом, когда кампания против дедовщины стихла, а министр обороны был заменен, дедовщина вообще перестала быть сюжетом новостей и темой обсуждений в СМИ.

Масштаб общественной реакции серьезно ограничен в силу полного контроля власти над общенациональным телевидением. Любую тему можно при желании раздуть или, наоборот, задвинуть на задний план, а то и вовсе игнорировать (когда общенациональное телевидение находится под контролем, переключать внимание зрителя с одной темы на другую оказывается несложно). В случае возникновения неприятных для власти эпизодов она дает пройти первой мощной негативной волне, а побудившим ее обстоятельствам — стереться из памяти, и тогда решение, которое по горячим следам могло бы вызвать взрыв негодования, проходит не очень замеченным.

В России в разовых акциях участвуют охотнее, чем в постоянно работающих организациях («Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая сама пойдет!»), а митинг «против» всегда предпочтительнее комитета «за». Подтверждением этому служит и органичное для россиян отношение к выборам (делегативная демократия): выбрать «хорошего» и в дальнейшем снять с себя ответственность — пусть правит.

¹⁰ <http://www.far-msk.ru/?p=8066>.

Ужесточение законодательства о некоммерческих организациях, когда власть решила «навести порядок» в гражданском обществе и выстроить его на свой лад, привело к уходу многих организаций из ставшего чрезмерно регулируемым пространства. Возникла тенденция превращения НКО в неформалов, в сетевые структуры, которым не нужны ни гранты, ни регистрация. Именно таким образом инициированы активные гражданские действия последнего времени: борьба за Химкинский лес, протесты в Калининграде, «синие ведерки» (здесь, правда, важную роль сыграла ФАР), движение против строительства башни «Газпрома» в Петербурге и др. Практически все подобные акции — это борьба с властью: за сохранение Химкинского леса и озера Байкал, против строительства дороги, против коррупции, налогов, тарифов, единого государственного экзамена (ЕГЭ). Причем чаще борьба ведется по-партизански: без единого командира, печати, устава и счета в банке. Даже там, где есть организация, неформальные мероприятия получают большую огласку, чем сама организация и ее лидеры.

Власть же стремится во что бы то ни стало настоять на своем. Опасаясь автономных общественных сил, она всячески консервирует в сознании людей представление о том, что они ни что не могут повлиять. Даже в тех случаях, когда власть как будто уступает, она старается, чтобы это выглядело не как уступка общественному давлению, а как решение руководства, за исключением разве что решения заморозить строительство дороги «Москва — Петербург». Но хотя это решение Медведева и было обставлено более «демократично», в действительности оно представляет собой некий маневр: объявление тайм-аута с тем, чтобы вернуться к первоначальному решению. С одной стороны, власть исходит из понятного стремления заткнуть маленькое отверстие в плотине, пока оно не стало большим, с другой — отсутствие гибкости ведет к постоянному повышению ставок, и когда власти придется все-таки уступить, эффект может быть очень значительным. В таком случае опасения власти относительно щелочки в плотине могут стать самосбывающимися.

Часто событие, ставшее причиной той или иной акции протеста или даже целого движения, является локальным, но получает большой резонанс, поскольку ложится на готовый социально-психологический фон, сопрягаясь в сознании граждан с их собственными проблемами — в их дворе, городе, регионе. Тогда получается *think locally — act globally*. Пожалуй, первым таким резонансным событием, вызвавшим реакцию по всей стране, было в 2006 г. «дело Щербинского» — водителя, осужденного после дорожно-транспортного происшествия, в котором погиб алтайский губернатор Михаил Евдокимов. Наказание простого водителя за ДТП, в котором был очевидно виноват тот, кто управлял машиной сановника, вызвало массовые протесты. К проходившим митингам на заключительном этапе присоединилась даже «Единая Россия». Кончилось тем, что суд более высокой инстанции Олега Щербинского оправдал.

Важным отличием социальных акций и движений является их деполитизация, причем как активная, так и пассивная. Политические партии не пользуются доверием и не только не выступают в качестве организаторов большинства акций, но и не приветствуются в качестве «примазывающих». Хотя недовольство в обществе и было большим, протесты партий против массовых нарушений на выборах в октябре 2009 г. не были поддержаны их собственными избирателями, которые только что отдали им свои голоса. Даже когда на протестные акции в регионы приезжают федеральные политики включая так называемую несистемную оппозицию, отношение к ним в лучшем случае неоднозначное. В них часто видят не столько радетелей о благе протестующих, сколько политиканов, которые пытаются на чужих проблемах заработать политический капитал. Особенно это характерно для Дальнего Востока, где присутствует регионализм с элементами ментального сепаратизма.

Не работают партии и как механизмы мобилизации. Во всяком случае, летом 2010 г., когда добровольцы организовывались для борьбы с пожарами, роль партийных структур была минимальна (подробнее о пожарах см. в «Хронологии»). Существенно большую роль, чем партии, играла церковь — как сеть и как институт, пользующийся общественным доверием.

Иногда в ходе развивающегося противостояния граждан и власти возникают даже элементы самоорганизации, оргкомитеты по подготовке акций, группы по переговорам с властями, но и в этом случае, когда активная протестная фаза проходит, от них мало что остается. Хорошими примерами здесь могут служить комитеты, стихийно образовывавшиеся в период «монетизационных» протестов января 2005 г., или дальневосточный ТИГР (Товарищество инициативных граждан России) образца конца 2008 — начала 2009 г. В целом же преобладает аморфность, что имеет отрицательный эффект и для граждан, и для власти, поскольку вместо конструктивного диалога и поиска решений, позволяющих избегать конфликтов в будущем, взаимоотношения власти с обществом превращаются в тушение «лесных пожаров», возникающих то там, то тут.

И нет гарантии, что в какой то момент в социальной сфере не вспыхнет «пожар», подобный тому, что охватил «горячим летом» 2010 г. леса Центральной России.

Итак, социальный контракт пока на месте, но резервы у власти сильно ограничены, и любое ее негативно воспринимаемое действие может вызвать вспышку социального протеста. Власть это понимает и в иных случаях сдает назад, использует разные вариации на тему «кнут и пряник»: где-то задабривает, где-то запугивает, где-то организует встречные акции в свою поддержку, а где-то «переводит стрелки» на местных начальников. Такая тактика была использована в конфликте с поселком «Речник»; по всей видимости, тот же метод применен и в ответ на разрастание конфликта вокруг Химкинского леса.

Интернет

В первой половине 2010 г. месячная аудитория российского Интернета увеличилась почти на четверть по сравнению с аналогичным периодом 2009 г.¹¹ В Москве уже три четверти домохозяйств могут пользоваться широкополосным доступом в Интернет, в регионах этот показатель существенно отстает, но зато и растет он в провинции гораздо быстрее. Интернет все больше заполняет ту пустоту, которая образовалась с исчезновением негосударственных общенациональных СМИ. За пределами государственных новостей и сюжетов, которые определяются федеральными телеканалами, вновь появляются «негосударственные» новости, доступные значительной аудитории. Все сколько-нибудь заметное мгновенно распространяется и — пусть ненадолго — становится предметом общественной дискуссии, поскольку интерактивный характер современных коммуникаций позволяет участвовать в обсуждении, причем в общенациональном масштабе.

Пространство Интернета становится площадкой, помогающей устанавливать связи и объединяться в группы по самым разнообразным интересам, а также инструментом общественной организации в тех случаях, когда люди испытывают в ней потребность. Как правило, речь идет о сферах, далеких от политики. В частности, Интернет оказался замечательным подспорьем для расширения благотворительной деятельности, которая и без того активно развивалась в последние годы. Частная благотворительность получала дополнительный стимул к развитию по мере того как все большее число россиян обрело возможность делать пожертвования через Интернет. Участие в благотворительности не всегда ограничивается деньгами. Гражданская взаимопомощь во время лесных пожаров летом 2010 г. продемонстрировала, что люди готовы не просто бескорыстно и деятельно помогать попавшим в беду соотечественникам, но и способны к быстрой и эффективной организации (см. врезку «Пожары 2010 г.» в «Хронологии»).

Время от времени в Интернете случаются и политические кампании вроде сбора подписей в защиту тех, кто подвергается несправедливым преследованиям (Светланы Бахминой, Василия Алексаняна, Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева, популярного рэпера Noize MC и др.). В тех немногочисленных регионах, где политическая активность относительно высока, например, в Калининградской области, Интернет активно используется для гражданской организации; благодаря Сети организаторы Дня гнева против повышения тарифов ЖКХ сумели придать своей акции общенациональный масштаб.

Несмотря на попытки ограничить свободу в Интернете (см. ниже), он остается относительно свободным пространством, которое вкупе с рядом традиционных СМИ (некоторыми газетами, еженедельниками, отчасти радио и телевидением с не самой массовой аудиторией) создает совершенно иную новостную картину по сравнению с федеральными телеканалами — с иными событиями, иными ньюсмейкерами, иными комментариями и дискуссиями. Помимо собственно политических интернет-сайтов («Газета.Ru», «Полит.ру», «Ежедневный журнал», «Грани.Ру» и т. д.) появляются «новые СМИ» иного типа, такие как портал СЛОН, собирающий блогеров, и многие другие. Активно развиваются онлайн-версии газет и еженедельников, «Эха Москвы». Радио «Коммерсант FM» регулярно транслирует выдержки из блогов, «Эхо» пересказывает блоги и вывешивает весь контент на сайте и т. д. Процесс взаимного обогащения ускоряет и облегчает распространение информации среди российских пользователей.

Большую популярность приобрел жанр «открытых видеописем», вызывающих к первым лицам государства или просто «к городу и миру». Одним из первых примеров стало видеообращение майора Дымовского, который выступил с разоблачениями коррупции и противозаконных действий в милиции. За ним последовала целая череда других сотрудников правоохранительных органов, которые также приводили примеры противозаконной практики в своих ведомствах. Заметным событием стало видеообращение Евгения Чичваркина, ставшее еще одним эпизодом

¹¹ Данные Координационного центра домена RU. См., например: Малахов А. Интернет множит пользователей // Коммерсантъ. — 2010. — 16 авг. (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1488443>).

антимилицейской кампании (см. врезку «Кампания против злоупотреблений в МВД и реформа милиции» в «Хронологии»). Чичваркин рассказывал о правоохранителях, которые, пользуясь служебными полномочиями, осуществляют захват бизнеса, арестовывают и держат в тюрьме невинных людей. С видеоразоблачениями выступал и Данкен Файерстоун, чьим коллегой был погибший в тюрьме Сергей Магнитский (см. врезку «Дело Магнитского» в «Хронологии»).

В Интернете хорошо заметно изменение общественных настроений: усиливающиеся раздражение и гнев, как правило, связанные с несправедливостью, безнаказанностью чиновников, незаслуженными привилегиями. Среди эпизодов, получивших широкий резонанс, — трагедия на Ленинском проспекте Москвы в марте 2010 г., когда в столкновении с «мерседесом» вице-президента ЛУКОЙЛа погибли две женщины. Эта история вызвала взрыв возмущения, особенно благодаря клипу рэпера Noize MC, который посмотрели сотни тысяч пользователей (о политизации рока, рэпа см. врезку «Стратегия-31» в «Хронологии»).

В некоторых случаях подобные свидетельства и общественное возмущение даже заставляют власти принять меры. Таков был, в частности, эпизод, когда милиция использовала частные автомобили в качестве «живого щита» на Московской кольцевой автодороге.

Интернет выполняет роль «кухни», где можно ворчать и жаловаться на власть. Эта функция «выпускания пара» полезна для власти, но правительство следит за тем, чтобы «ворчание» не переходило определенной грани, за которой начинается «офлайновая» активность. Словесная вольность допустима в довольно широких пределах, а к свободе общественного действия власть относится с большой опаской. Но и граждане не проявляют большого желания действовать — для многих «сердитых» блогеров и их аудитории обмена мнениями оказывается вполне достаточно. Тем не менее по мере расширения интернет-пространства государство проявляет к ней все больше внимания. Оно троякого свойства: наращивание присутствия самой власти в Интернете, борьба с «опасным» контентом, попытки установить законодательный и административный контроль над Интернетом.

1. Президент Медведев сам является активным пользователем Интернета и блогером и требует соответствующей активности от российских чиновников. На заседании Госсовета в декабре 2009 г., посвященном «Электронному правительству», Медведев заявил, что интернет-активность станет одним из критериев эффективности работы губернаторов, и велел им завести собственные блоги и участвовать в интернет-дискуссиях. Государственным ведомствам предписано вывешивать в Сети официальную документацию. В результате там можно без труда обнаружить немало интересной, политически значимой информации, которая в иных условиях способствовала бы обеспечению подотчетности органов власти (примером могут служить данные о приобретении дорогих автомобилей для нужд МЧС, которые были обнаружены и опубликованы во время лесных пожаров летом 2010 г., когда выявилось отсутствие самых необходимых средств для тушения пожаров¹²). Однако ввиду полной выхолащенности всей системы демократических институтов подобная открытость не помогла призвать к ответу чиновников ведомства. Любовь к Интернету призвана подчеркнуть отличие более современного Медведева от более традиционного Путина, который гораздо активнее и успешнее, чем Медведев, использует форматы, предназначенные для общения с «народом», вроде разговора с телезрителями по горячей линии. Медведев неоднократно использовал жанр видеоблога для важных политических заявлений (антиукраинского в августе 2009 г., антисталинского в октябре 2009 г., о замораживании строительства трассы через Химкинский лес в августе 2010 г.). Путин по крайней мере однажды крайне пренебрежительно высказался по поводу Интернета как источника информации. На заседании Госсовета в январе 2010 г., где представители думской оппозиции жаловались на нарушения в ходе выборов осенью 2009 г., Путин с раздражением отверг данные о нарушениях, опубликованные в Сети: «Да в Интернете 50% порноматериалов!»¹³. Но даже он «оскоромился», ответив автору «письма про рынду» как блогер блогеру.

2. Кремль ведет постоянную борьбу с «нежелательным» контентом, «разбавляя» его «своими» блогерами, пытаясь сбить нежелательный тон и изменить направление дискуссии. Эти «информационные сражения» носят скорее не прокремлевский, а антиопозиционный характер, не столько опровергают нежелательные аргументы, сколько дискредитируют их авторов и даже в целом все пространство Интернета. Появление скандальных роликов на «управляемых» сайтах, призванных компрометировать известных журналистов и общественных деятелей, — своего рода практическая иллюстрация к путинскому описанию Интернета как порнографиче-

¹² Пост в «Живом журнале» Андрея Мальгина (<http://avmalgin.livejournal.com/2045221.html>).

¹³ См. выступление Путина на заседании Государственного совета 22 января 2010 г. (<http://premier.gov.ru/events/news/9065>).

ского ресурса. Жульническая компиляция «мнений» российских музыкантов против Шевчука на сайте <http://www.politonline.ru> (см. ниже в разделе «Музыкальная оппозиционность») — один из примеров такого рода деятельности. Ее эффективность трудно измерить, но важно, что она попадает на благодатную почву, поскольку опирается на присутствующее в обществе в целом — и в Сети в частности — общее настроение нетерпимости, агрессии, цинизма. Тон интернет-дискуссии (и без «наемных блогеров») почти всегда злобный, враждебный, с руганью и оскорблениями. Оскорбительный тон и разговор не по существу объективно помогает власти бороться с распространителями нежелательных настроений и усугублять неприязнь к тем, кто работает «за западные деньги» и пытается взывать к каким бы то ни было идеалам. Цинизм — удобный материал для манипулирования общественным мнением и минимизации рисков общественной активности.

3. Помимо манипулятивных методов власть использует и методы законодательного, карательного и административного контроля. Уже несколько лет предпринимаются попытки изменить законодательство, уравнивая Интернет со СМИ, впрочем, пока безуспешно. Еще один замысел состоит в том, чтобы применять особые критерии к блогерам-журналистам. Предпринята попытка, тоже пока неудачная, возложить на сайты ответственность за высказывания участников форумов. Стремление как-то обуздать пространство Интернета, по всей видимости, стоит и за проектом разработки государственного поисковика, который потеснил бы успешно работающий «Яндекс». Сам «Яндекс» уже пошел на некоторые «добровольные» самоограничения, в частности, перестал публиковать рейтинг популярных блогов и передал «золотую акцию» «Сбербанку». Множатся случаи давления на провайдеров («Йота», «Корбина Телеком» и др.), чтобы блокировали сайты, признанные «экстремистскими». Противостоять такому давлению провайдеры не могут. Нередки также примеры индивидуального преследования блогеров (за оставленный в интернет-блоге «suganov» комментарий о милиции Савва Терентьев 7 июля 2008 г. был приговорен Сыктывкарским городским судом к году лишения свободы условно, Ирек Муртазин в 2009 г. получил год и девять месяцев за сообщение в блоге о мнимой смерти Минтимера Шаймиева, в августе 2010 г. было возбуждено уголовное дело о клевете на губернатора Амана Тулеева в отношении блогера из Кемерово Александра Сорокина, который в своем «живом журнале» рассуждал о российской политической жизни, озаглавив свой пост «Латиноамериканщина по-русски...»).

Интернет играет все большую роль в жизни российского общества, но даже самые передовые коммуникации не могут изменить умонастроение людей и ту деинституционализированную модель взаимоотношений власти и общества, которая исключает общественное участие. Свобода самовыражения не обязательно способствует формированию солидарности и поддержки, особенно по отношению к тем, кто противопоставляет себя режиму. Напротив, Интернет консервирует нетерпимость и противопоставление «свой» — «чужой». Обмен мнениями между единомышленниками, даже самый эмоциональный, вовсе не обязательно свидетельствует о растущей готовности действовать в соответствующем направлении. Скорее наоборот: в Интернете люди «выпускают пар», изливая свой гнев в адрес начальства — местного или федерального, и возвращаются в свой замкнутый мир, по-прежнему исходя из того, что все останется по-прежнему и от них ничего не зависит. Тем не менее там, где у людей возникает желание действовать сообща, Интернет незаменим и позволяет быстро и оперативно наладить эффективное взаимодействие, как это произошло при организации добровольцев, тушивших пожары и помогавших погорельцам. Но автономная организация и независимые действия граждан — это как раз то, что нынешняя правящая элита воспринимает как угрозу, поэтому попытки власти контролировать Интернет и его наиболее активных пользователей будут продолжаться.

Музыкальная оппозиционность

От политического рока 1980-х, символом которого стала строка «Мы ждем перемен», сегодня ничего не осталось. Революционный пафос сегодня выглядит полным анахронизмом, а из тогдашних кумиров кто-то ушел в мир иной, а другие — кто в коммерцию, кто в гламур, кто в истовое православие. Мощное ощущение исторического сдвига, которое вдохновляло рок-музыкантов два десятилетия назад, не оставило по себе даже воспоминаний, а Юрий Шевчук, редчайший пример российского рокера, сохранившего верность прежним идеалам, у молодых поклонников вызывает скорее недоумение. Он по-прежнему остается одной из самых популярных фигур отечественного рока, но подавляющее большинство тех, кто приходит на концерты, любят его за музыку, а не за гражданскую позицию. Впрочем, в последнее время Шевчук несколько раз становился героем новостей и предметом горячих дискуссий именно благодаря общественной активности.

«Соппротивление и оппозиционность в музыке постепенно демаргинализуются», — утверждает музыкальный обозреватель «Афиши» Александр Горбачев¹⁴. Как ни осторожна формулировка, она представляется некоторым преувеличением, хотя некоторые события музыкальной жизни 2010 г. имеют очевидный социально-политический аспект. По всей видимости, это соответствует тем изменениям общественных настроений (впрочем, ограниченного масштаба), о которых шла речь выше: росту раздражения, протестной активности и периодическим всплескам гневных эмоций.

Кроме Шевчука политический задор сохраняет еще по крайней мере один представитель «старой гвардии» — Михаил Борзыкин, лидер группы «Телевизор», хотя его место в отечественной рок-музыке куда скромнее, чем у Шевчука. Борзыкин открыто заявляет о резком неприятии нынешнего режима и о том, что позиция рок-музыканта не должна ограничиваться собственно песнями¹⁵. Шевчук как раз и не ограничивается. Он стал практически единственным российским гражданином, который вступил в публичный словесный поединок с Путиным и в ходе последовавшей пикировки сумел сохранить достоинство и независимость. Преимущество при этом, пожалуй, осталось за ним.

В августе усилиями властей Шевчуку прибавилось «политической славы»: участникам митинга-концерту в защиту Химкинского леса запретили использовать усилительную аппаратуру, а «беззвучный концерт» стал ярким символом наступления на гражданские свободы. Шевчук пел без усилителей и сорвал голос. Политики прибавилось еще и оттого, что в преддверии митинга-концерта пресс-секретарь прокремлевского молодежного движения публично назвала Шевчука «куском говна», а ее коллеги сляпали подборку «осуждений» Шевчука коллегами-музыкантами (которая оказалась халтурной фальшивкой¹⁶). Венцом славы Шевчука стал дуэт с ирландским рок-музыкантом Боно на московском концерте легендарной группы U2; на этом концерте (первом выступлении U2 в России) Боно обратился к Шевчуку со словами «Мы твои ученики». И тут представители власти постарались создать мероприятию оппозиционный ореол: активистам «Amnesty International», «Гринпис» и фонда ONE, созданного самим Боно, не позволили вести агитацию — нигде, кроме России, такого во время гастролей Боно не случалось. Наконец, политики в рок-музыку добавил президент Медведев. После того, как с Шевчуком пикировался российский премьер, Медведев тоже, хотя и косвенно, попенял рокеру за то, что тот занимается не своим делом. Во время личной встречи с Боно президент не упустил через его голову выразить неодобрение в адрес тех музыкантов, которые «очень много занимаются общественной деятельностью».

Среди молодого поколения музыкантов интерес собственно к политике проявляют единицы, и их имена не слишком известны. Но с ростом популярности рэпа в песнях постоянно возникает социальная тематика. Рэп — самый востребованный жанр среди молодежной аудитории, его авторы говорят о повседневности, близкой и понятной любому сверстнику, часто тексты появляются как мгновенная реакция на то, что задело, обидело, возмутило. Весной 2010 г. в рэпе Ивана Алексея, известного под именем Noize MC, выплеснулось то, что почувствовали очень многие, узнав об аварии на Ленинском проспекте, в которой при столкновении с лукойловским «мерседесом» погибли две женщины: возмущение в адрес «начальников», которые ни в грош не ставят людей, а им все сходит с рук. Благодаря Ивану Алексею, популярнейшему рэперу, чьи концерты расписаны на месяцы вперед, трагическая гибель двух женщин на какое-то время стала чуть ли не главным сюжетом в интернет-дискуссиях. Об Алексее узнали те, кто никогда не интересовался рэпом. И вновь усилиями власти слава музыканта окрасилась в политические тона, а сам Noize MC стал чуть что не «узником совести»: в июле за исполнение приведенного ниже рэпа о милиции, не понравившегося волгоградским милиционерам, Алексея посадили на 10 суток, а следующие его гастроли в Чебоксарах были попросту отменены. При этом Алексей — совсем не «политический» музыкант и не критик режима. Его рэп — не политический протест, просто в России ненависть к «ментам», особенно среди молодежи, — тема, близкая каждому, также как возмущение «мигалками» и другими привилегиями чиновников.

¹⁴ Из беседы авторов с А. Горбачевым.

¹⁵ Михаил Борзыкин («Телевизор»): нужно прощупать границы нового тоталитаризма (блиц-интервью) // Коммерсантъ. — 2008. — 16 янв. (<http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=842456>).

¹⁶ <http://www.gzt.ru/topnews/society/-shevchuka-raskritikovali-starymi-i-iskazhennymi-/320896.html>.

Noize MC (Иван Алексеев)

Кури бамбук!

Я мусор, персонаж очень важный,
 Руки — чтоб держать дубинку, голова — чтобы носить фуражку.
 Во избежание нанесения телесных тяжких,
 Меня бояться надо. Что, еще не страшно?
 А что ты скажешь, когда через решетку фаршем
 Я пропущу твою тушу и по стене потом размажу?
 Найду в кармане гап'я или чего похуже даже —
 Мы тут как раз дилера ищем, лидера по продажам.
 Не ты ли это, прохожий в прикиде молодежном?
 Похожа вроде рожа. Стоп, гражданин хороший!
 Документы ваши можно? Нет с собой? А где ж они?!
 Раз так, то вы до выяснения личности задержаны.
 Я зачитаю вам ваши права, минуту внимания:
 У вас есть право хранить молчание при задержании.
 Помните — все сказанное вами может
 Нами быть использовано против вас в отделе позже!

Гражданин, стоп-стоп; по карманам — хлоп-хлоп;
 По почкам — стук-стук, и кури бамбук, друг!

В классе я был самым тупорылым дебилом,
 Одноклассники меня не любили, и поэтому свалил я:
 После девятого в школу милиции пошел.
 Там мне было будто бы рыбе в воде хорошо.
 Из меня сделали настоящего мужчину:
 Дали дубину из резины и вольну с полным магазином.
 Зимой и летом одним цветом — мы люди в сером,
 По борьбе с преступностью принимаем меры:
 «Лицом к стене!» — И хоть ты на шпагат сядь,
 Ноги все равно надо шире раздвигать, б...!
 Что может быть хуже скинов и бычья?
 Говно — вопрос: я, только я, и еще раз я!!!

Гражданин, стоп-стоп; по карманам — хлоп-хлоп;
 По почкам — стук-стук, и кури бамбук, друг!

Осознанного политического протеста в рок-музыке и рэпе не больше, чем в обществе в целом, т. е. ничтожно мало. Но власть реагирует на эти маргинальные явления в музыке так же непримиримо, а иногда и жестко, как и на митинги политической оппозиции, редко насчитывающие больше нескольких сотен человек.

Благотворительность

В последние годы в России быстро развивается частная и корпоративная благотворительность. Притом что даже среди продвинутой части российских граждан идея политического участия и гражданского активизма не пользуется популярностью, россияне этой (и не только этой) группы охотно откликаются на призывы о помощи слабым и беззащитным членам общества. В связи с общей атмосферой недоверия к институтам и организациям особенно успешны проекты, предлагающие модель помощи «от человека к человеку», когда деньги жертвуют не на некую инициативу (борьбу с различными заболеваниями или поддержку каких-либо социальных проектов), а на помощь конкретному нуждающемуся в лечении или заботе.

Среди таких фондов выделяются те, что помогают организовать лечение детей — обычно дорогостоящее и нередко за пределами России. Одним из старейших проектов является фонд «Помощь» (учредители — Издательский дом «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер), который реализует программу «Российский фонд помощи» (Русфонд) — организация сбора пожертвований при помощи СМИ и Интернета для остро нуждающихся граждан по их просьбам. За 14 лет работы Русфонд собрал и вложил в лечение граждан России и СНГ 41,5 млн долл. (примерно 1,3 млрд руб.), причем миллиард рублей был собран за последние пять лет. Русфонд также организует акции помощи жертвам национальных катастроф: семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, семьям

погибших в Беслане и другим. С развитием Интернета и возможностью электронного перевода средств количество жертвователей — и число совсем небольших пожертвований — резко возросло.

Среди других фондов подобного типа, т. е. собирающих частные и корпоративные пожертвования, в основном для помощи тяжелобольным детям: «Подари жизнь», который помогает детям с онкологическими и иными тяжелыми заболеваниями (главным «лицом» фонда является актриса Чулпан Хаматова, среди других основателей и попечителей — деятели искусства, журналисты и др.), «Адвита» (Петербург), который занимается помощью детям и взрослым, страдающим онкологическими заболеваниями, «Линия жизни» (помощь больным детям), «Даунсайд ап» (помощь семьям с детьми, больными синдромом Дауна), «Помоги.орг» (помощь больным и нуждающимся). Активный рост частной благотворительной деятельности может, пусть с некоторыми оговорками, считаться формой гражданского участия, даже если это участие не в жизни страны или города, а в судьбе другого человека.

Через благотворительную деятельность исподволь нарастают самостояние и автономность, готовность принимать решения и брать на себя ответственность за проблемы, лежащие вне сферы собственной семьи или ближайшего круга. Это нарастающее гражданское чувство ярко проявилось в организации добровольной помощи погорельцам и участии в тушении пожаров летом 2010 г. Оказалось, что россияне, главным образом молодые жители больших городов, предприниматели, представители разных профессий, готовы вкладывать не только собственные средства, но и время, силы, знания и навыки. В короткие сроки прежде не знакомые друг с другом люди, иной раз находящиеся в разных городах и даже странах, смогли организовать, наладить обмен информацией, создать эффективные сайты для нуждающихся в помощи и желающих помогать. В этой работе активно участвовали благотворительные организации (в частности, фонд «Справедливая помощь» во главе с Елизаветой Глинкой — доктором Лизой) и фонд «Старость в радость», занимающийся помощью престарелым. Фонд «Старость в радость» оказался в центре внимания в ноябре 2009 г., когда его добровольцы сумели привлечь внимание СМИ, общественности и в конечном счете властей к катастрофическим условиям в Ямском доме для престарелых. В результате их усилий был уволен директор этого учреждения.

Закон о благотворительности, принятый еще в 1995 г. и с тех пор неоднократно дополнявшийся (последний раз в декабре 2008 г.), не ориентирован на поощрение благотворительности и, по словам президента Медведева, «нуждается в совершенствовании»¹⁷. Он, в частности, предполагает взимание 13% налога со средств, перечисляемых гражданами на благотворительность. По поводу последнего время от времени возникают скандалы, например, в апреле 2009 г., когда Налоговая служба потребовала налоги с детей Беслана, бесплатно обучавшихся в лицее «Подмосковный» в Кораллове, основанном и финансируемом Михаилом Ходорковским.

Инициативы власти

Демонтаж выборов

Выборов количественно стало больше с увеличением числа муниципальных образований, но содержательно их число уменьшилось. Отказ от прямых выборов мэров и формальная «партизация» выборов на всех уровнях в условиях неразвитости партийной системы — два негативных тренда, которые характеризуют российский политический ландшафт.

На уровне мэров отказ от выборности и переход на систему «глава из числа депутатов и наемный сити-менеджер» стал юридически возможен с реализацией муниципальной реформы и политически почти неизбежен ввиду отказа от прямых выборов губернаторов и замены старых губернаторов-политиков новыми губернаторами-чиновниками. Поначалу на новую модель переходили в относительно небольших муниципалитетах, причем часто для изменения соответствующих позиций в уставах проводились референдумы, которые давали не всегда нужный властям результат. Теперь прямые выборы мэров демонтируются в региональных центрах и всех крупнейших городах страны, причем делается это путем внутриэлитного торга и оформляется решениями городских собраний депутатов. После ряда громких поражений «Единой России» на выборах мэров в Волгограде (2007 г.), ряде уральских городов (2009–2010 гг.), Иркутске (2010 г.), Братске (2010 г.) был фактически взят курс на отмену прямых выборов в финансово сильных и относительно самостоятельных муниципалитетах. Только с конца 2009 г. произошел отказ от модели всенародно избираемого мэра в Нижнем Новгороде, Перми, Мурманске,

¹⁷ Декларация Медведева. Год 2009 [интервью Д. Медведева «Новой газете»] // Новая газ. — 2009. — 15 апр. (<http://www.novayagazeta.ru/data/2009/039/01.html>).

Ульяновске, Пензе, Владимире, Смоленске. Активно продавливаются это в Екатеринбурге, Челябинске, Улан-Удэ. С учетом того, что в Москве и Петербурге, имеющих статус субъектов Федерации, прямых выборов глав нет с 2004 г., а в Казани и Уфе не было никогда, картина «советизации» на верхнем муниципальном уровне получается почти полной.

«Партизация» выборов с переходом на чисто пропорциональную систему не только при формировании Госдумы, но и целого ряда региональных законодательных собраний, а также все большего числа муниципальных выборов, к чему, в частности, призвал Дмитрий Медведев, имеет целый ряд серьезных недостатков. Будучи жестко завязана на семь официально зарегистрированных партий, а фактически на думскую партийную «четверку», она резко ограничивает возможности не только граждан, но и местных политических элит на выражение своих интересов. При концентрации в одних руках контроля над «вертикалью» избирательных комиссий, правоохранительными органами и судами она делает возможным административный произвол, жертвами которого могут становиться любые списки и кандидаты. Наконец, она ослабляет связь граждан с избирателями, особенно важную на низовом уровне, и усиливает федеральных партфункционеров в ущерб региональным партийным лидерам. Важно отметить, что раньше регистрировать своих кандидатов на местных выборах могли не только партии, но и общественные объединения, а сейчас это запрещено.

С проблемами на чисто пропорциональных выборах сталкивается и «Единая Россия». Некоторые попытки решать их, вводя, например, большое число подгрупп в региональных списках или проводя партийные праймериз, создают некоторую политическую конкуренцию, но внутри одной только партии.

Если нормы избирательного законодательства только ухудшаются, то избирательные практики меняются наподобие движения маятника — то к лучшему, то к худшему. В частности, весенние выборы 2009 и 2010 гг., с одной стороны, и осенние 2009 г. — с другой демонстрировали противоположно направленные тенденции.

Весной 2009 г. в разгар кризиса с непонятным для власти исходом Кремль продемонстрировал более гибкий и сложный, чем прежде, подход к выборам. Это было особенно заметно на выборах мэра Сочи, которые, хотя и не были «полноценной политической схваткой», как их охарактеризовал президент Медведев, но стали существенным сдвигом по сравнению с обычными выборами мэров последнего времени. Обычно кандидату «партии власти» (как правило, действующему главе города) бросает вызов либо кандидат от КПРФ, либо менеджер — тоже от «партии власти» или от бизнеса. Такого рода схваток было много в единый день голосования 1 марта, причем в ряде случаев (на Урале, на Северо-Западе) действующие мэры, выступавшие под знаменами «Единой России», проиграли.

Сюрпризом сочинских выборов стало участие в них от начала и до самого конца одного из лидеров оппозиции Бориса Немцова. Ставшее возможным по звонку «сверху», участие Немцова выглядело как эксперимент: отрабатывалась тактика борьбы с оппозицией в условиях кризиса с целью как иммунизации политической системы и ее мобилизации на борьбу с «вирусом оппозиции», так и улучшения имиджа власти, способной не подавлять, а переигрывать оппозицию. Этот эксперимент от начала и до конца оставался под контролем: власть могла в любой момент вмешаться и, если бы потребовалось, снять Немцова с дистанции. Не потребовалось. Новый путинский безликий популизм, обладавший большой форой, победил популизм старый, демократический, ельцинского времени.

Если весной 2009 г. казалось, что, адекватно оценивая ситуацию, власть несколько ослабляет вожжи и привносит в избирательные практики некоторые элементы либерализации, то летом процесс политической адаптации к кризису повернул вспять — по-видимому, власти сочли, что самое тяжелое в экономике позади и можно постепенно возвращаться на круги своя. Особенно показателен в этом плане контраст между выборами мэра Сочи в апреле и мэра Астрахани в октябре. Впрочем, если в Сочи речь шла скорее о легализации радикальной оппозиции как участника избирательного процесса, то в Астрахани стоял вопрос о власти: «авторитетному» мэру Сергею Боженкову противостоял популярный левый политик Олег Шеин, выступавший под флагом «Справедливой России». Скандальными были также выборы мэра подмосковного Воскресенска, где победу приписали инкубенту, украв ее у спаворосса (летом 2010 г. этого инкубента-единоборца арестовали при получении крупной взятки), а также в дагестанском Дербенте, где выборы стали клановой сшибкой, а их результат был потом аннулирован Верховным судом республики.

Результаты октябрьских выборов 2009 г. в целом выглядят крайне удручающе. Власть рапортовала, что, несмотря на кризис, популярность остается на высоком уровне, что прозвучало

как косвенное требование обеспечить соответствующий результат на выборах. В результате представители на местах сочли, что им предоставлена полная свобода действий для получения нужного итога голосования.

Особенно грязными и скандальными оказались выборы в Мосгордуму, где власть рапортовала о впечатляющей победе «Единой России» при высоком участии в выборах (35,6% при реальных 20–25%) вопреки социологическим опросам до, во время (эксит-поллы) и после выборов¹⁸, а также вопреки элементарным статистическим закономерностям электорального поведения¹⁹. ЕР, получив по спискам 66,26% голосов (при 47,25% в 2005 г.) и победив во всех 17 одномандатных округах, получила 32 места из 35, допустив в московский парламент лишь одну оппозиционную партию — КПРФ. В результате неприкрытых фальсификаций «Единой России» были приписаны «чужие» 20–25% голосов, а две-три партии, которые по всем опросам в Мосгордуму проходили, остались за бортом. Возмущенные подтасовками и посчитав московские выборы отработкой «полупартийной» модели, которая может быть использована на следующих выборах в Госдуму, КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» пошли на беспрецедентный демарш, отказавшись от участия в работе Госдумы до встречи с президентом и принятия необходимых мер. Любопытно, что подробный анализ грязных московских выборов был сделан членом президентского Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Дмитрием Орешкиным и опубликован на президентском сайте в стенограмме Совета²⁰. Это не помешало президенту повторить свою в целом позитивную оценку выборов, хотя он и заметил, что для Москвы две партии в гордуме — маловато.

Итак, выборы октября 2009 г. показали, что, во-первых, социальный фон относительно спокоен, что до рядового российского гражданина тяготы, вызванные экономическим кризисом, в полной мере еще не дошли. Граждане в целом безразлично относятся к выборам вообще и к нарушениям на них в частности. В общественном представлении выборы — своего рода шоу, где за кого-то можно и поболеть, но к жизни самих граждан это прямого отношения не имеет. Было в очередной раз продемонстрировано, что российский избиратель не готов серьезно относиться к выборам, в том числе не готов отстаивать саму возможность выбирать, а также защищать сделанный выбор от посягательств со стороны власти. Во-вторых, власть в целом вполне удовлетворена нынешней партийной системой, несмотря на ее очевидную неадекватность огромным размерам страны, особенно в ситуации экономического кризиса. Оказалось также, что в преддверии следующего выборного цикла власть не готовит альтернативы «Единой России».

На сегодня политическая оппозиция выдавлена из электорального пространства даже на низовом уровне. Последовательная маргинализация оппозиционных групп ведет к их политической радикализации и усилению противостояния. Можно выделить три эшелона политической оппозиции:

- системная лояльная в лице партий-миноритариев, представленных в Госдуме и большинстве региональных парламентов;
- системная внешняя из трех партий, зарегистрированных, но не представленных ни в Госдуме, ни в большинстве региональных законодательных собраний; несколько лучше они представлены на муниципальном уровне;
- несистемная, представленная незарегистрированными (или даже запрещенными вроде НБП Эдуарда Лимонова) партиями и движениями.

После октябрьского демарша до той поры вполне лояльных младших партнеров «Единой России» по Госдуме позиция Кремля по отношению к выборам изменилась. В январе 2010 г. на заседании Госсовета было проведено обсуждение политической системы, причем со стороны лидеров партий (кроме ЕР) звучали и весьма жесткие оценки, и конкретные предложения по усилению политической конкуренции: обеспечить реальное представительство всех партий в избирательных комиссиях разного уровня, отменить досрочное голосование и др.²¹

¹⁸ См., например, подробный отчет Левада-Центра: <http://www.levada.ru/press/2009122501.html>.

¹⁹ См. детальный анализ в: Орешкин Д., Козлов В. Неправительственный доклад // Новая газ. — 2009. — 23 окт.

²⁰ Стенографический отчет о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 23 ноября 2009 года (<http://www.kremlin.ru/transcripts/6074>).

²¹ Любопытно, что почти каждый из выступавших апеллировал к Советскому Союзу, причем с негативной коннотацией. Согласно Сергею Митрохину наша система в общих чертах воспроизводит советскую, и главным ее пороком является монополизм: исполнительной власти, одной политической партии, класса бюрократов. Особенно удачно параллель с СССР получилась у Геннадия Зюганова, которому этот сюжет ближе. Сравнивая «Единую Россию» с КПСС, он сказал: «КПСС была умнее, сильнее, грамотнее, заслуженнее “Единой России” и не удержалась на одном крыле без нормального диалога, когда приказ одного человека выполняли все, не раздумывая».

Выборы в марте 2010 г. не стали торжеством демократии, хотя и были значительно чище предыдущих. В региональные парламенты по спискам прошли только представители «думской четверки», зато все и всюду. В соответствии с замечанием президента, что одна-две фракции в парламенте — это мало, всюду сделали четыре. Возврат к прежней четырехпартийной модели вместо «полупартийной», продемонстрированной полугодом ранее в Москве, — безусловно позитивный результат. Отрицательным итогом стала окончательная ликвидация партий на либеральном фланге. Именно на этих выборах «Яблоко», уже давно не имеющее партийного представительства на федеральном уровне, утратило его и на региональном. Союз правых сил сгинул еще раньше, а провозглашенное «Правое дело» по существу так и не родилось. Результатом стала маргинализация упомянутых партий, и, кроме того, большая группа избирателей, причем именно та, которая могла бы стать одной из движущих сил модернизации, лишилась партий, выражавших их интересы. Потеря красок политического спектра примитивизировала и сам спектр.

Выборы не были справедливыми. Использование административного ресурса для выбраковки кандидатов, не устраивавших местную власть, носило массовый характер и в этом смысле мало чем отличалось от последних осенних выборов. В массовом порядке не допускали к выборам всех «альтернативных» кандидатов — как независимых, так и от недумских партий. При этом, однако, в отличие от осенних выборов выборы 14 марта 2010 г. были довольно честными.

Результат «Единой России» оказался существенно хуже, чем полугодом ранее. Если по спискам ЕР проигрывала по сравнению с собственным предыдущим результатом, но при этом все равно существенно опережала все остальные партии вместе взятые, то по мажоритарной системе она потерпела ряд болезненных поражений: на выборах мэров на Урале и в Сибири, а также по одномандатным округам в ряде региональных центров.

Выборы мэра Иркутска представляют собой пример того, как неуклюжее административное вмешательство может привести к последствиям, противоположным тому, чего добивается власть. В угоду новому губернатору-питерцу решили выставить в качестве кандидата в мэры Иркутска неиркутянина — мэра Братска. Когда неместный кандидат стал очевидно проигрывать по опросам другому единокороссу — популисту, выставившемуся на свой страх и риск, избирательная комиссия по надуманным основаниям сняла сильного соперника. Результат — консолидация всех голосов в пользу единственного оставшегося относительно независимого кандидата-коммуниста, который и победил с большим отрывом. Такая модель голосования — не столько за своего избранника, сколько против навязываемого чужого — имела место еще на выборах 1989–1990 гг. Она же, кстати, объясняет и рост результатов КПРФ и ЛДПР на последних выборах.

Для «Единой России» выборы весны 2010 г. стали некоторой потерей лица. Нет, однако, худа без добра: приведение официальных результатов выборов в большее соответствие с реальностью, а именно с падением доверия в результате кризиса, вывело ЕР из того тупика, в который партфункционеры сами себя загнали, рапортуя о все более высоких результатах и объясняя их консолидацией граждан вокруг власти в момент кризиса.

При некоторых изменениях к лучшему выборы в целом остаются далекими от нормы, причем не только для общества, но и для власти. Жестко регулируемая избирательная система дает власти возможность где-то подкрутить гайки, а где-то слегка их ослабить. Она не позволяет, однако, выборам осуществлять реальное взаимодействие власти и общества, формировать повестку дня и вырабатывать подходы к решению волнующих общество проблем. Пока можно говорить лишь о том, что власть дала немного задний ход из того тупика, в котором оказались выборы как таковые, причем это было сделано не путем совершенствования механизма, а в режиме ручной подстройки.

В октябре 2010 г., чтобы не ухудшить мартовские результаты, «Единая Россия» и органы власти использовали все резервы, прибегая к жестким административным методам как уменьшения конкуренции со стороны других политических сил (особенно ярко проявившимся в давлении на коммунистов в Краснодаре), так и повышения конкурентоспособности кандидатов самой ЕР — с повсеместными праймериз, дробной регионализацией партийных списков, подключением кураторов-партийцев из Госдумы и Совета Федерации и др. Похоже, что резервы усиления внутрипартийной конкуренции в самой ЕР и ослабления конкуренции межпартийной со стороны других партий в большинстве своем исчерпаны. Вряд ли может быть усилено и давление на избиркомы. Демонстративный уход в отставку главы избиркома Чувашии — это первый звонок, свидетельствующий об усилении разлада между политической и технологической частями машины. Это значит, что даже для сохранения результатов власти на их нынешнем уровне должны приниматься какие-то принципиально новые меры.

Видимо, особого выбора у Кремля в этой ситуации нет, и в преддверии федеральных выборов, а также запланированной после них ревизии социальной политики усложнение политической системы с переходом от одной доминантной партии к более сложной конфигурации неизбежно. Есть, впрочем, и другой вариант, паллиативный: форсировать досрочные выборы Госдумы и президента, не дожидаясь, пока рейтинги упадут слишком низко.

Модерируемые площадки диалога власти и общества

Общественная палата Российской Федерации, созданная в 2006 г., задумывалась после «оранжевой революции» на Украине как некое министерство гражданского общества, контролирующее и организующее его (по принципу «не можешь избежать — возглавь»), как способ выпуска пара, как подконтрольный «голос общественности».

Общественная палата выполняет и позитивную роль, особенно в регионах, где даже выпускание пара по-московски — относительно прогрессивная технология. Общественная палата может привлекать внимание к проблемам гражданского общества и придавать им некий «государственный» статус, важный для чиновников; запускать процесс структуризации гражданского общества и формировать площадки для диалога в регионах; оказывать содействие в отдельных конкретных случаях нарушения прав и т. п. Члены Палаты принимали участие в целом ряде резонансных конфликтов между нижними уровнями власти и гражданами: связанных со сносом домов в Южном Бутове в 2006 г. и в «Речнике» в 2010 г., в связи со случаями дедовщины и др.

Поначалу были надежды, что статус члена Общественной палаты придаст дополнительный вес некоторым реальным представителям гражданского общества, которые туда вошли. Если это и происходило, то не очень заметным образом. Сейчас «лицами» Палаты являются скорее медийные и околополитические персонажи: адвокат Анатолий Кучерена, журналисты Валерий Фадеев и Николай Сванидзе, эксперт-экономист Иосиф Дискин.

Первый состав Палаты был более ярким и сильным, однако когда бренд был уже раскручен, стало происходить вымывание знаковых фигур и активистов и замена их на представителей ГОНГО включая «Наших» и «Молодую гвардию», а также сотрудников агитпропа Кремля. Первая ротация состава Общественной палаты прошла в конце 2007 — начале 2008 г., вторая — в конце 2009 — начале 2010 г.

Президент Медведев встретился с советом Общественной палаты сразу после своего избрания, в марте 2008 г. После этого представители Палаты участвовали в двух встречах с президентом: на одной обсуждались международная обстановка и участие граждан в мероприятиях общественной дипломатии с представителями общественных организаций и творческих союзов после войны в Грузии (сентябрь 2008 г.), на другой — пути совершенствования законодательства о некоммерческих организациях вместе с Советом по развитию институтов гражданского общества (июнь 2009 г.). В мае, в связи со встречей по проблемам Северного Кавказа, возникли даже разговоры о некой конкуренции проектов: Общественной палаты — как кремлевского, и Совета — как лично медведевского.

Общественная палата представляет ежегодные доклады о состоянии гражданского общества в России, и первые три таких доклада (за 2006, 2007 и 2008 гг.), подготовленные серьезными экспертами, выглядят достаточно интересно, последний (за 2009 г.) — более формально. Время от времени Палата выступает с заявлениями, обращениями, рекомендациями. С заявлениями от имени Палаты в целом (есть еще заявления ее совета, комиссий, секретаря и даже отдельных членов) «общественники» посчитали необходимым выступить четыре раза: «О деятельности Байкальского ЦБК» (январь 2010 г., очень коротко и общо)²²; «В связи с распространенным текстом доклада Госдепартамента США о поддержке прав человека и демократии в мире» (апрель 2007 г.): «Мы лучше других знаем собственные проблемы и больше других заинтересованы в создании в России развитых институтов гражданского общества и правового государства. За годы существования Российской Федерации как самостоятельного государства наша демократия сделала огромный шаг вперед, и не видеть этого могут лишь те, кто совсем не понимает российских реалий, либо понимает их крайне предвзято»²³; «В связи с наступающим Днем народного единства» (октябрь 2006 г.), шесть строк: «День народного единства не может и не должен использоваться для разжигания вражды и ненависти. Любые попытки экстремистских сил использовать этот день в целях конфронтации, пропаганды межнациональной розни должны быть немедленно пресечены правоохранительными органами с использованием статей

²² http://www.oprf.ru/files/zayavlenie_eco.doc.

²³ <http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/2117>.

действующего Уголовного кодекса»²⁴; «По ситуации в российско-грузинских отношениях» (сентябрь 2006 г.) — выражение «глубокой озабоченности в связи с действиями руководства Грузии»²⁵. Собственно, из этого перечня видно, что функция Палаты — не говорить с властью, а служить для нее «рупором общественности».

Общественная палата выполняет роль базы, на которую наращиваются новые структуры: общественные наблюдательные комиссии по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания (2008 г.), система уполномоченных по правам ребенка (2010 г.). Содействует она и формированию региональных общественных палат, которых на начало 2010 г. было 50, а также общественных советов при федеральных министерствах и ведомствах (42).

Наконец, при участии Общественной палаты происходит конкурсное распределение государственных грантов. В 2009 г. в соответствии с распоряжением президента «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» на эти цели было выделено 1,2 млрд руб. В качестве организаций-операторов выступали: созданный по инициативе Путина еще в бытность его директором ФСБ в 1999 г. «Национальный благотворительный фонд», оказывающий помощь сотрудникам ФСБ и правоохранительных органов (глава — Владимир Носов, генерал-лейтенант ФСБ в отставке), через который шло 500 млн руб. (40% всех средств); «Государственный клуб», созданный в 2003 г., главным образом для финансирования «Наших» и других кремлевских проектов (глава — бизнесмен и депутат Госдумы Сергей Шишкарёв) (270 млн руб., четверть средств); три структуры, возглавляемые активистами Общественной палаты: правозащитное движение «Спротивление», созданное в декабре 2005 г. Ольгой Костиной, специалистом по пиару и женой заместителя начальника Управления внутренней политики администрации президента (170 млн); а также более старые Институт общественного проектирования — приближенный к Кремлю экспертный центр, на базе которого работает «либеральный» клуб ЕР «4 ноября» (глава — Валерий Фадеев) (100 млн), и Институт проблем гражданского общества (глава — Мария Слободская) (160 млн).

Совет при президенте по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека существует с 2004 г., его предшественницей с 1993 г. была Комиссия по правам человека при президенте России. Согласно положению его целями являются: оказание содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирование президента о положении дел в этой области, содействие развитию институтов гражданского общества, подготовка предложений главе государства по вопросам, входящим в компетенцию совета.

Нынешний состав Совета был утвержден Дмитрием Медведевым в феврале 2009 г. Притом что состав обновился более чем наполовину, его активное ядро включая председателя Эллу Памфилову сохранилось. Будучи структурой гораздо более компактной и слаженной, чем Общественная палата, Совет регулярно выступает с обращениями к президенту и заявлениями по наиболее острым проблемам, связанным с гражданским обществом. По этим заявлениям можно мерить пульс гражданского общества:

- об условно-досрочном освобождении Светланы Бахминой (15 апреля 2009 г.), о совершенствовании законодательства по НКО (15 апреля 2009 г.);
- о воссоздании Правительственной комиссии по миграционной политике (15 апреля 2009 г.);
- о сохранении института уполномоченного по правам ребенка в Москве (26 июня 2009 г.);
- об осуждении кампании травли журналиста Александра Подрабиника со стороны «Наших» (5 октября 2009 г.);
- о приостановлении постановления правительства по строительству небоскреба «Охта-центра» (30 марта 2010 г.);
- о недопустимости строительства автодороги через Химкинский лес (30 марта 2010 г.), о недопустимости принятия поправок к закону о ФСБ в предложенной редакции (30 марта 2010 г.);
- о поддержке гражданской позиции Владимира Лукина на посту уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (5 июля 2010 г.);
- об угрозах со стороны чеченских властей правозащитному центру «Мемориал» (20 июля 2010 г.).

²⁴ <http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1904>.

²⁵ <http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1858>.

Последнее заявление Совета от 30 июля осудило культивирование государством агрессивно-радикальных настроений в молодежной среде, проявившееся в оскорбительных «инсталляциях» в молодежном лагере на Селигере. Совет потребовал адекватной реакции со стороны высших должностных лиц включая немедленное отстранение от должности главы Федерального агентства по делам молодежи Василия Якеменко, однако это заявление осталось без ответа. По существу ответом стала отставка председателя Совета Эллы Памфиловой. «Нашим главным разочарованием было видеть то, как президент тонет в полном безразличии, демонстрируемом по отношению к нему его людьми, стоящими у власти. И даже в тех случаях, когда наш совет находил общий язык с президентом Медведевым, его система подводила его и мы не видели результатов его действий», — сказала Памфилова в интервью журналу «Newsweek»²⁶.

За полтора года существования Совета при Медведеве президент встретился с его членами трижды: 15 апреля 2009 г., 23 ноября 2009 г. и 19 мая 2010 г. На этих встречах звучали весьма критические оценки ситуации, которые затем были опубликованы на президентском сайте. Собственно, главная роль памфиловского Совета и заключалась в том, чтобы привлечь внимание власти и общества к острым проблемам. Некоторые попытки Совета отстаивать интересы гражданского общества оказались удачными, но неудач, безусловно, было больше.

В последнее время в центре внимания Совета постоянно находились проблемы, связанные с положением НКО, правами детей, делом Магнитского. По всем этим проблемам работали специальные рабочие группы: президентская (в первом случае) и группы Совета.

Эффективность работы Совета была во многом связана с личностью Эллы Памфиловой, являвшейся приемлемой фигурой как для власти, так и для правозащитного ядра Совета. Она занимала активную позицию и не только прислушивалась к мнению радикальных критиков власти в своем окружении, но и в ряде случаев была способна донести эту позицию до властей, добиться конструктивного диалога. С ее уходом становится еще более очевидным отсутствие должной степени институционализации диалога общества с властью. Существует серьезный риск, что Совет может потерять свою роль важной площадки для такого диалога.

Аналогичные президентскому совету есть и при главах ряда регионов, впрочем, их работа там не особенно заметна.

«АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Помимо селекционной работы с существующими НКО власть активно занимается созданием и медийной раскруткой «альтернативного гражданского общества» — ГОНГО и спойлеров. Смысл последних двоякий. С одной стороны, власть получает возможность бороться с неугодными ей НКО не напрямую (с шумом и имиджевыми для себя издержками), а с помощью марионеточных структур, как бы изнутри, заглушая искусственным «многоголосием» то, что говорят критики. С другой стороны, этот массовый контрафакт на «рынке НКО» дезориентирует как соотечественников, так и западных политиков и общественников, по крайней мере тех из них, кто не имеет проверенных временем партнеров с российской стороны. Можно, например, вспомнить протесты многочисленных гражданских активистов, когда в качестве партнера Европарламента пару лет назад выступил известный фармацевтический магнат и лоббист, а по совместительству глава Всемирного конгресса русскоязычного еврейства и член Совета Федерации Борис Шпигель, где он возглавляет комиссию по вопросам развития институтов гражданского общества.

Характерными примерами использования «имитационного» гражданского общества являются травля Александра Подрабиника, Эллы Памфиловой и Владимира Лукина²⁷.

После того, как Лукин осудил жесткий разгон майского митинга «Стратегии-31» в Москве в 2010 г., на котором он присутствовал, и доложил об этом президенту, была организована кампания его травли. В ней приняли участие как региональные омбудсмены из «управляемых» регионов (Пензенской и Брянской областей, Северной Осетии), так и комиссия Совета Федерации по вопросам развития гражданского общества, которую возглавляет уже упоминавшийся Шпигель. Последняя, подвергнув резкой критике доклад о положении с правами человека в 2009 г., упрекнула Лукина в тенденциозности и в том, что в этом документе несообразно много внимания уделяется нарушениям политических прав и свобод, хотя это «не отражает реального количества поступивших обращений граждан по этим вопросам». Такую

²⁶ A 'Hopeless' Cause // Newsweek. — 2010. — Aug. 09 (excerpts: <http://www.newsweek.com/2010/08/09/a-hopeless-cause.html>).

²⁷ В. Лукин, работающий с 2004 г., — уже третий уполномоченный по правам человека, который оказывается неудобным для власти, после правозащитника Сергея Ковалева (1994–1995 гг.) и коммуниста Олега Миронова (1998–2004 гг.).

явно политизированную, по мнению Совета Федерации, «оценку ситуации не разделяют многие институты гражданского общества и уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации»²⁸. К критике присоединился и директор Московского бюро по правам человека, член Общественной палаты Александр Брод, а глава Общественной палаты Орловской области Нина Лыгина предложила Дмитрию Медведеву рассмотреть вопрос «о соответствии занимаемой должности» Лукина²⁹, хотя он был назначен на новый срок совсем незадолго до этого, в феврале 2009 г.

Александр Подрабинек, правозащитник, журналист, бывший политзаключенный, опубликовал в интернет-издании статью с жестким комментарием по поводу распоряжения о снятии вывески «Антисоветская» с шашлычной на Ленинградском проспекте в Москве напротив гостиницы «Советская». Московские власти мотивировали свое решение о снятии вывески просьбой руководителя московской организации ветеранов Владимира Долгих, в прошлом крупного советского и партийного бонзы. Статья послужила причиной преследования Подрабинек со стороны активистов движения «Наши» (пикет в подъезде его дома, оскорбительные заявления, требования о выезде Подрабинек из страны и т. д.). Заявление Памфиловой от имени президентского совета о незаконности и аморальности травли журналиста превратило в объект нападок уже ее самое. Тон в антипамфиловской кампании задавали несколько журналистов «кремлевского пула» и Ольга Костина — профессиональный пиарщик, в 2005 г. переквалифицировавшаяся в правозащитницу. В качестве председателя правозащитного движения «Спротивление» она вошла в 2008 г. в Общественную палату (по региональной квоте), стала членом общественных советов при МВД и ГУВД Москвы, при Следственном комитете, при Службе судебных приставов. В 2008 г. возглавляла Общественную комиссию по расследованию военных преступлений в Южной Осетии и помощи пострадавшему гражданскому населению. Именно через Костину, чей муж, тоже пиарщик, является одним из руководителей Управления по внутренней политике президентской администрации, распределяются государственные гранты некоммерческим неправительственным организациям на проекты в сфере «защиты прав и свобод человека, правового просвещения населения». Надо ли удивляться, что через одни ГОНГО средства государственной поддержки идут другим ГОНГО, например, «Российскому фонду свободных выборов» (с 2002 г.) под руководством генерала ФСБ Андрея Пржездомского (другие примеры см. выше, в разделе «Модерируемые площадки диалога власти и общества» об операторах грантов на развитие гражданского общества).

Проект «социальной инженерии», которой занимается власть, отчасти напоминает приемы, которые использовались КГБ в советское время, и далеко не так безобиден, как может показаться. Фактически это попытка реализовать в отношении общества и НКО той модели, которая ранее уже была реализована в отношении политических акторов, — маргинализация оппозиции и установление полного контроля над политическим пространством. Насколько агрессивными и опасными могут быть выращиваемые властью «гомункулы», показывает пример «Наших».

«Наши»

Движение «Наши» резко снизило активность после завершения избирательного цикла 2007–2009 гг. и какое-то время было мало заметно на политической сцене. Негативный отзыв об их деятельности из президентской администрации³⁰ и встреча Дмитрия Медведева с молодыми учеными-инноваторами³¹, видимо, должны были подчеркнуть, что проект переструктурирован и превращен в сообщество «молодых и продвинутых». В ноябре 2008 г. 15 тыс. «Наших», привезенных из разных регионов страны, устроили акцию у американского посольства «Американское шоу — итоги Хеллоуина», призванную показать «все то зло, которое принесла миру американская политика». На следующий год, в ноябре 2009-го, 20 тыс. «Наших» в День народного единства провели акцию «Все свои» в противовес традиционно проходящему в этот день в Москве и других городах националистическому «Русскому маршу». Наконец, в мае 2010 г. уже 65 тыс. «Наших» из разных регионов России и стран СНГ провели акцию «Наша победа». В период между «большими» мероприятиями постоянно проходили и более мелкие: митинги протеста у посольств Грузии и Румынии (апрель 2009 г.), пикетирование подъезда журналиста

²⁸ См., например: *Петров В.* Сенаторы недовольны работой омбудсмена // Независимая газ. — 2010. — 6 июля (http://www.ng.ru/politics/2010-07-06/1_ombudsmen.html).

²⁹ См., например: <http://www.polit.ru/news/2010/07/06/lukinom.html>.

³⁰ В январе 2008 г. «Коммерсантъ» привел такую оценку, данную источником в Кремле: «в новой политической конфигурации, при нынешних результатах, ликующая “гопота” не нужна».

³¹ <http://news.kremlin.ru/transcripts/978>.

Подрабинека (октябрь 2009 г.), «миссионерская» акция «Пригвозди свой грех» Православного корпуса «Наших» (октябрь 2009 г.), пикетирование у посольства Латвии в Москве в знак протеста против решения Страсбургского суда по делу ветерана Василия Кононова (май 2010 г.), расклеивание на лобовые стекла неправильно припаркованных автомобилей больших стикеров с надписью «Мне плевать на всех! Паркуюсь, где хочу!» (июнь 2010 г.).

«Наши» используются Кремлем не только для политических демонстраций и в качестве альтернативы оппозиционным молодежным движениям, но и для сбора информации о последних. Так, в начале 2009 г. разразился публичный скандал вокруг признания нескольких бывших активистов «Наших» в том, что они участвовали в проекте «Связной президента», в рамках которого «нашисты» тайно внедрялись в ряды ОГФ, «Обороны», «Молодежного Яблока», НБП и других оппозиционных движений для сбора информации и организации провокаций.

С переходом лидера «Наших» Василия Якеменко в правительство на пост главы Федерального агентства по делам молодежи (2007 г.) «Наши» и летний молодежный лагерь «Селигер» получили официального правительственного куратора.

«Селигер» существенно расширился, в 2010 г. в его работе участвовали смены, сильно различавшиеся и по содержанию, и по составу. Смена «Информационный поток» собрала более 500 действующих молодых журналистов и создателей собственных проектов, блогеров и модераторов форумов. Смена «Ты — предприниматель» собрала более 1500 человек со всей страны, каждый из которых владеет собственным бизнесом. На смену «Артпарад» приехали более 3 тыс. молодых дизайнеров, модельеров, художников, танцоров, поэтов и писателей, на смену «Техническое творчество и инновации» — 4 тыс. ученых и изобретателей. В международной смене приняли участие больше тысячи иностранцев и больше тысячи российских студентов, имеющих проекты в сфере международных отношений.

Наибольший резонанс получили проходившие параллельно смены «Лидерство», «Православие» и «Технология Добра». Самой большой (6 тыс. человек) и шумной стала смена «Лидерство», которую организовывали «Наши». В ней кроме «нашистов» были представители «Молодой гвардии», «Единой России», «России молодой» и «Стали» из четырех десятков городов страны.

«Селигер-2010» посетили: Дмитрий Медведев, первый заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков, министр внутренних дел Рашид Нургалиев, председатель Центризбиркома Владимир Чуров, заместитель секретаря Общественной палаты Сергей Катырин, ряд других крупных федеральных чиновников, депутатов, глав регионов, руководителей СМИ, бизнесменов включая миллиардера Михаила Прохорова, который наряду с «Росмолодежью», Общественной палатой и прочими организациями оказался в числе спонсоров «Селигера». Стали появляться и региональные клоны «Селигера», например, «Машук-2010» на Северном Кавказе.

УЖЕСТОЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

При некоторой либерализации практик, увеличении гибкости власти сначала в ситуации экономического кризиса, а потом в преддверии выборов происходит ужесточение законодательства, подготовка к более жесткому реагированию в ситуации нарастания протестной активности и после выборов. Это и усиление наказания за перекрытие федеральных трасс, и «предупреждения» ФСБ, и предложенная правительством новая редакция «государственной измены» в Уголовном кодексе. Предложения по изменению законодательства вызывают порой острую реакцию экспертов и активистов, после чего некоторые из них смягчаются или откладываются (расширение понятия «государственная измена», запрет на использование адвокатами записывающего оборудования и др.). Поскольку принимаемые новеллы на практику сейчас не влияют, реакция на них быстро затухает. Между тем новый закон о реформировании системы бюджетных учреждений, который начнет действовать после выборов 2012 г., означает резкое уменьшение государственного финансирования и способен вызвать реакцию не менее серьезную, чем в 2005 г. Тогда все перечисленное может понадобиться.

Законопроект, предусматривающий резкое ужесточение наказания за перекрытие федеральных трасс, названный оппозиционерами «антипикалевским», был внесен правительством в Госдуму в декабре 2009 г. В частности, предложены изменения в формулировку ст. 267 УК, предусматривающие наказание от штрафа в размере 100 тыс. руб. до двух лет лишения свободы за простое «блокирование транспортных коммуникаций», а за блокирование, повлекшее крупный (от 500 руб.) ущерб, — штраф до 400 тыс. руб. и срок до четырех лет. В июне 2010 г. поправки предложили принять в Госдуме без обсуждения, но депутаты в профильном комитете отказались делать это, резонно рассудив, что после перекрытия кузбасскими шахтерами

железной дороги в мае и прокатившихся по Москве акций «синих ведерок» избиратели могут крайне негативно отреагировать на действия парламентариев, чего в преддверии выборов им хотелось избежать. Тем не менее законопроект находится в Госдуме и представляет собой не просто «пробный шар», а скорее висящее на стене ружье.

Одновременно летом 2010 г. законодательно были расширены полномочия Федеральной службы безопасности, которая получила право выносить предостережения физическим лицам для предотвращения преступлений, подследственных ФСБ, включая государственную измену, шпионаж, разглашение государственной тайны, терроризм и др., всего 15 статей УК. Сначала об этом предостережении служба должна уведомить прокурора, его можно оспорить в суде. Второе нововведение — санкция за невыполнение законных распоряжений сотрудника ФСБ: граждан могут оштрафовать на 1000 руб. или арестовать через суд на 15 суток, должностных лиц — оштрафовать на 3000 руб., юридических лиц — на 50 тыс. руб. После волны общественной критики ко второму чтению из поправок изъяли санкции за отказ выполнить предостережение, а также пункт о необходимости явки гражданина в ФСБ для получения предостережения.

Заметим, что ранее, в 2008 г., Госдума приняла поправки, запрещающие судам присяжных рассматривать уголовные дела, связанные с массовыми беспорядками, диверсиями, государственной изменой и шпионажем. После этого правительство внесло в Госдуму в декабре 2008 г. законопроект, значительно расширяющий понятия «государственная тайна», «государственная измена» и «шпионаж». Если в действующем УК государственной изменой считается «выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации... в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации» (ст. 275), то предложенная правительством редакция позволяет причислить к изменникам родины и шпионам всех, чьи деяния направлены «против безопасности Российской Федерации, ее конституционного строя, суверенитета, территориальной и государственной целостности». В начале 2009 г. рассмотрение этих поправок по инициативе президента было приостановлено, но вернуться к ним депутаты могут в любой момент.

На рассмотрении в Госдуме находятся и поправки к закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», инициированные несколькими депутатами (Сергеем Марковым от «Единой России», Михаилом Емельяновым от «Справедливой России» и Павлом Таракановым от ЛДПР). Родившиеся в апреле 2010 г. в ответ на ряд акций протестов автомобилистов, они делают последние практически невозможными. Речь идет о том, чтобы приравнять акции с использованием транспортных средств к обычным протестным акциям. Соответственно для проведения пробега автовладельцы должны уведомлять власти об акции и ждать получения разрешения или отказа. Кроме того, место проведения автопробегов должна выбирать местная власть, а перекрывать автомагистрали и препятствовать движению транспортных средств по улицам города будет запрещено. Законопроект направлен не только против автомобилистов: он предлагает установить, что организаторами публичного мероприятия не могут быть лицо, политическая партия, другое общественное объединение и религиозное объединение, их региональные отделения и иные структурные подразделения, если на день подачи уведомления о проведении публичного мероприятия они считаются подвергнутыми наказанию за правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 Кодекса об административных правонарушениях.

Кстати, ранее Московская областная дума выступила с другой инициативой об ужесточении закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», предусматривающей подачу заявок на проведение одиночного пикета не менее чем за один рабочий день.

Продолжение и даже расширение популистской социальной политики в ситуации кризиса привело по сути к ситуации отложенного негативного социального эффекта. При этом разрыв между растущими социальными расходами бюджета и резко сократившимися его доходами делает корректировку социальной политики и значительное сокращение социальных обязательств государства неизбежными уже в близком будущем. Готовясь к социальным протестам, правительство осуществляет или подготавливает фронтальное ужесточение законодательства, обеспечивая его технологически и психологически.

Взаимоотношения «бизнес — общество»

Взаимоотношения бизнеса и общества редко осуществляются напрямую, в подавляющем большинстве случаев они опосредуются властью. Власть стремится к установлению контроля и над игроками посредством огосударствления бизнеса и общества, и над взаимоотношениями между ними — к посредничеству во взаимоотношениях бизнеса и общества. Присвоение властью функций всеобщего радетеля и модератора отчасти вынужденно, поскольку

отсутствуют собственно общественные и бизнес-институты, способные выполнять эту роль в полном объеме.

В обществе сохраняется недоверие к капитализму, рынку и отношение к предпринимателям как к «наворовавшим». Опросы по-прежнему свидетельствуют, что большинство предпочитает государственную собственность частной всюду, кроме самого мелкого бизнеса³². При этом граждане исходят из того, что власть в первую очередь представляет интересы чиновников, бизнесменов и т. д., а не интересы «простых людей», как они сами, и не верят, когда власть говорит им, что делает что-то для них. Например, не верят, что отъем собственности у Михаила Ходорковского был осуществлен в интересах «массы». Это, однако, не побуждает людей симпатизировать самому Ходорковскому, поскольку в представлении большинства он все равно относится к «наворовавшим». В обществе глубоко укоренено мнение, что всякий, у кого есть власть и богатство, — вор. Но при этом в общественном представлении все-таки лучше, когда ворует государство, а не частные предприниматели, — это присутствует в неявном виде, хотя прямо не вербализуется.

Власть не препятствует стремлению к предпринимательству, извлечению прибыли, личному обогащению, тем более что сама неотделима от бизнес-интересов. Но вместе с тем она исподволь эксплуатирует недоверие и негативное отношение к «богатым» (ярким примером может служить выволочка, устроенная Путиным Дерипаске в Пикалеве). Общественное недоверие к бизнесу, поощряемое властью, создает непреодолимое препятствие на пути к объединению бизнеса, формированию собственной независимой позиции и отстаиванию своих прав.

Отсутствие независимости еще более усугубляется полулегальной, глубоко коррумпированной средой, в которой протекает повседневная жизнь бизнеса. В ситуации, когда все «замазаны» и все изначально скомпрометированы, когда нет авторитетной институтов разрешения конфликтов (суд способен выполнять эту функцию лишь в ограниченных пределах), попытка отстоять свои права опять-таки практически обречена. Яркой иллюстрацией того, как используется дискредитация бизнеса, может служить публичная пикировка Владислава Суркова с предпринимателем Сергеем Полонским на встрече с бизнесменами в мае 2010 г. В ответ на демарш Полонского, привлечшего внимание к выдавливанию из страны Евгения Чичваркина и заявившего, что бизнесмены все «сидят на чемоданах», Сурков заметил: сами-то вы коррупционеры, пользуетесь той (полу)криминальной средой, которая царит в России, и отлично научились извлекать из нее выгоду. Так что ваши жалобы — сплошное лицемерие. Смелый выпад борца за права бизнеса оборачивается лицемерным и смехотворным призывом вора к верховенству закона. Сурков именно что выставляет Полонского на посмеище: правдолюбец выискался, на нем пробы негде ставить, а туда же³³.

Зависимость бизнеса от власти и функционирование в полулегальной среде создает условия, в которых бизнес в любой момент может быть обложен *ad hoc* налогом или оброком, когда бизнесу предлагается поделиться средствами с государством — вложить, пожертвовать, проявить социальную ответственность, будь то проект Сколково или «шефство» над населенными пунктами, пострадавшими от пожара. Пока поборы бизнесу вполне по средствам, более того, делясь таким антиинституциональным образом с государством, предприниматели покупают себе «полис» от неприятностей. Но в случае ухудшения экономической конъюнктуры поборы могут сильно вырасти³⁴, а это, в свою очередь, будет иметь политические последствия.

Власть относится к бизнесу во многом как к карману для реализации многих, в том числе популистских проектов, разного рода зрелищ и празднований. Бизнес с готовностью на это идет, рассматривая свои «общественные» проекты, инициированные властью, и затраты на них как инвестиции в поддержание хороших отношений с властью. Хорошие отношения с обществом бизнесу в нынешних условиях нужны куда меньше.

И со стороны бизнеса, и со стороны общества имеет место скорее персонифицированный, чем институционализированный подход. Ему недостает стратегичности, отношения между бизнесом и обществом прямые, не опосредованные структурами-модераторами типа бизнес-ассоциаций, различных фондов и др. В большой степени это отношения «донор — реципиент» в рамках конкретных проектов. Пользующихся общим доверием и уважением фигур со стороны

³² Экономические реформы: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2008. — 9 янв. (<http://www.levada.ru/press/2008010907.htm>).

³³ См., например: <http://www.youtube.com/watch?v=BboZB1uLp4Y>.

³⁴ «Фактически элиты — в рамках выстроенных иерархических структур и механизмов — вынуждены будут перейти от системы перераспределения прибыли к перераспределению убытков, что предполагает совсем другие правила игры». См.: Рогов К. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. — 2009. — № 5–6. — С. 26.

общества, выступающих в качестве модераторов во взаимоотношениях с бизнесом, крайне мало. Со стороны же бизнеса такие фигуры есть, но их тоже немного. Это проявилось, например, во время поисков кандидатуры «социально ответственного» бизнесмена для Сколковского проекта — других реальных фигур, кроме Виктора Вексельберга, не оказалось.

За последние годы взаимоотношения бизнеса и власти существенно продвинулись, в том числе и в направлении их институционализации. Бизнес, поначалу задвинутый в угол — по сравнению с Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) времен «профсоюза олигархов», «семибанкирщины и т. д., — стал играть более активную роль включая непосредственный приход бизнесменов и менеджеров из бизнеса в исполнительную и представительную власть. На региональном уровне это главным образом сотрудники госкорпораций (представители частного бизнеса в основном приходили на губернаторские посты в то время, когда были выборы), на муниципальном — представители среднего и малого бизнеса.

Оформились и площадки для общения власти и бизнеса, в роли которых выступают РСПП, Торгово-промышленная палата, «Опора», «Деловая Россия». Все эти площадки, в какой-то степени выстроенные бизнесом или по крайней мере с его участием, но контролируемые властью, выполняют функцию модераторов общения бизнеса с властью. Здесь обсуждаются и вопросы взаимоотношений бизнеса с обществом. Специальных, отдельных от власти форматов взаимодействия бизнеса и общества практически нет.

Ряд площадок для общения с бизнесом создала федеральная и региональная власть — различные рода советы при главе региона (по предпринимательству, по развитию малого и среднего бизнеса и др.). А для взаимодействия с обществом — политические консультативные и просто общественные советы, общественные палаты. Во многих из них на региональном уровне, также как и в аналогичных структурах федерального уровня, присутствуют и представители бизнеса: и в качестве выразителей интересов бизнеса как социальной группы, пусть и численно небольшой, и в качестве спонсоров. Есть и менее строго регламентированные варианты площадок, такие, например, как общественные слушания.

Следует заметить, что во взаимодействии «власть — общество» происходит схлопывание старых площадок, таких как выборы и политические партии, их замена новыми — общественными палатами и советами, общественными приемными. В рамках новых форматов взаимодействия инициатива всецело принадлежит власти, а общество играет пассивную роль. Власть делает это для своего удобства, проявляя близорукость, особенно опасную в ситуации кризиса и стагнации.

В условиях отсутствия выборов едва ли не главным функциональным механизмом взаимодействия власти, бизнеса и общества становятся общественные слушания, которые все чаще практикуются администрациями и ведомствами при принятии стратегий развития, местных законопроектов, норм, градостроительных документов и т. д. Особенно распространены общественные слушания по проектам застройки (например, по Генеральному плану развития Москвы в 2009 г.) и проблемам экологии (например, по деятельности Ангарского электролизного химического комбината и Международного центра по обогащению урана в Иркутской области в 2007–2009 гг.). Однако, поскольку процедурные аспекты слушаний недостаточно регламентированы, с ними часто бывают связаны многочисленные нарушения. Ярким примером манипулирования со стороны власти могут служить общественные слушания по строительству «Охта-центра» в Петербурге в 2008 г., в ходе которых было отмечено массовое использование подставных лиц, или в 2010 г. в Химках по строительству трассы через Химкинский лес.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Если говорить об отношении к ситуации на Северном Кавказе в российском обществе в целом, то у власти уже давно полный карт-бланш. Пока шла вторая чеченская война, российские граждане устойчиво отвечали в опросах, что нужно не воевать, а вести переговоры, но никоим образом не пытались побудить власть начать переговоры с лидерами боевиков. По этому вопросу, как и по всем остальным, российские граждане не хотели брать на себя ответственность за то, что напрямую не касается их собственной жизни и жизни их близких.

Тогда и теперь большинство в России считает, что ситуация там крайне тяжелая (например, в марте 2010 г. более 70% полагали, что ситуация на Северном Кавказе «напряженная» или даже «взрывоопасная»³⁵). Главное — что она воспринимается как безнадежная (по данным опроса Левада-Центра, проведенного в апреле 2010 г., лишь 9% рассчитывают, что мирная жизнь

³⁵ К годовщине начала второй чеченской войны: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 16 авг. (<http://www.levada.ru/press/2010081603.html>).

в Чечне наладится в течение ближайших лет, более 70% полагают, что этого не произойдет еще много лет, а то и десятилетий, а потому лучше ничего об этом не знать ³⁶).

Количество информации о Чечне резко сократилось еще в первый президентский срок Путина; постепенно чеченская тема (и, шире, тема Северного Кавказа) практически исчезла из СМИ. После серии убийств в Чечне журналистов и правозащитников репортажи оттуда стали слишком рискованным делом. Более того, этот риск не вознаграждается общественным признанием: общество не интересуется информацией из этого региона.

Значительная часть российских граждан, в сущности, не считает Северный Кавказ частью России. Характерно, что в июльском опросе 2010 г., проведенном к годовщине второй, «путинской» чеченской войны, более 40% россиян ³⁷ заявили, что не следовало вводить в Чечню войска, а нужно было «закрыть границы», т. е. фактически вывести Чечню за пределы России. Для многих Северный Кавказ в сущности и есть «не Россия», эту часть Российской Федерации часто воспринимают в лучшем случае как культурно чуждую, а в худшем — как враждебную территорию.

Северный Кавказ представляет собой целый клубок тяжелейших социально-экономических, политических, религиозных, этнических проблем, и, конечно, острейших проблем безопасности, и оттого, что у власти развязаны руки, эти проблемы не становятся легче. Напротив, «отторжение» этой территории от России в общественном сознании делает их и вовсе неразрешимыми.

Еще несколько лет назад центром нестабильности была Чечня. После двух войн именно Чечне уделялся максимум внимания. Здесь была отработана политика «чеченизации», которая дала определенные результаты. Ценой крайне жестких и жестоких методов при полном игнорировании прав человека президент Рамзан Кадыров относительно стабилизировал положение в своей республике. При этом Кадыров добился от Москвы невиданного расширения полномочий и продолжает пользоваться полной безнаказанностью. У него в республике убивают правозащитников и журналистов, а он позволяет себе называть их врагами даже после их смерти, его противники и конкуренты становятся жертвами заказных убийств по всему миру, а к нему — никаких вопросов. В 2010 г. Кадыров проявил скромность в названии, сменив «президента» на «главу», но по сути он больше, чем президент Чечни. При каждом удобном случае он демонстрирует амбиции, выходящие за пределы республики. Фактически Чечня и есть не Россия: здесь не действуют российские законы, здесь фактически погран конституционный принцип светского государства и функционируют шариатские суды, но Москва вынуждена с этим мириться.

Одним из следствий наведения порядка в Чечне при Рамзане Кадырове стало распространение нестабильности, насилия, радикального ислама и террористической активности в соседние регионы Северного Кавказа. Сегодня это фактически территория ползучей гражданской войны, в каждом регионе своей. В Ингушетии и Дагестане теракты, диверсии, убийства правоохранителей и сотрудников местных администраций стали повседневной реальностью. Постепенно дестабилизируются Кабардино-Балкария и Северная Осетия. Исламский экстремизм, этнические и клановые конфликты, пронизывающие местную политику, элементы сепаратизма вкупе с тяжелой социально-экономической ситуацией, высокой безработицей и чудовищной даже по российским меркам коррупцией порождают порочный круг непрерывного насилия: теракты, убийства, подрывные действия, за которыми следуют жесткие спецоперации, осуществляемые местными правоохранителями при поддержке федеральных силовиков. Уничтожение боевиков влечет за собой акции возмездия — убийства правоохранителей и представителей местных администраций; на место уничтоженных боевиков встают новые, и конца этому не видно.

Межэтнические конфликты распространяются и на расположенные по соседству «русские» регионы, такие как Ставропольский край и Астраханская область.

Вплоть до 2009 г. политика Москвы фактически сводилась к перечислению средств (а на то, как расходуются эти средства, на коррупцию и прочее федеральная власть закрывала глаза) и усилению местных силовиков для борьбы с экстремизмом/терроризмом. Москва фактически отказалась от какой бы то ни было культурной или образовательной политики, результатом чего стала стремительная архаизация территорий Северного Кавказа и еще большее отдаление его от России. От местного руководства ожидали политической лояльности (в частности, чтобы

³⁶ Обстановка на Северном Кавказе и в Чечне: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 26 апр. (<http://www.levada.ru/press/2010042601.html>).

³⁷ К годовщине начала второй чеченской войны...

население «правильно» голосовало на выборах), а также чтобы насилие не выплескивалось на остальную Россию. Таким образом, российские граждане могли и дальше не задумываться о том, что же происходит на южных границах и как в реальности выглядит ситуация на Северном Кавказе, которую они называют в опросах «напряженной» или «взрывоопасной».

Неизбежным следствием такой политики стала эскалация насилия. Весной 2010 г. в московском метро прогремели два взрыва, погибло 40 человек. Летом и в начале осени последовали захват и взрыв на Баксанской ГЭС в Кабардино-Балкарии, взрыв на территории воинской части в Буйнакске (Дагестан), взрыв на центральном рынке Владикавказа, и это только самые крупные теракты.

В конце 2009 г. президент Медведев объявил о новых политических инициативах, фактически о новом, более стратегическом подходе к проблемам Северного Кавказа. Среди первых шагов — выделение собственно «кавказских» регионов в отдельный Северо-Кавказский федеральный округ, назначение бывшего губернатора Красноярского края Александра Хлопонина, человека с предпринимательским прошлым, главой новой административной структуры. Новый подход делает ставку на *soft power* (пока без отказа от *hard power* в форме спецопераций): экономические проекты, коммерческую активность, увеличение занятости, молодежную политику (в частности, летом 2010 г. на Северном Кавказе был организован летний молодежный лагерь «Машук» по образцу «Селигера»).

Весной Медведев говорил о необходимости создать на Северном Кавказе «...правильные современные условия для образования, условия для ведения бизнеса, побороть ту клановость, которая сложилась на Кавказе за несколько веков. Естественно, противостоять коррупции, которая... приобрела там безразмерный параметр»³⁸. В мае состоялось заседание Совета при президенте по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, на котором правозащитники представили президенту подробные и убедительные данные о том, какие вопиющие нарушения прав человека творятся на Северном Кавказе.

Ставка на *soft power*, на конструктивную работу с населением северокавказских республик с целью их постепенной адаптации к общероссийским нормам может дать результат в лучшем случае очень нескоро. Александр Хлопонин, выступая в августе 2010 г. на совещании в Сочи³⁹, признал, что прогресса пока нет, а инвестиции в регион можно привлечь только под залог «минных полей». Однако новый подход, возможно, связан не только (или не столько) с осознанием того, что предыдущая политика перестала себя оправдывать, а продиктован нуждами Зимних Олимпийских игр, которые должны состояться в 2014 г. в Сочи. Между тем сама перспектива проведения Игр в Сочи, к чему так стремился Путин, может быть одним из факторов, ведущих к дальнейшей дестабилизации соседствующих с Сочи северокавказских регионов.

Чтобы добиться проведения Игр в Сочи, Путин приложил колоссальные усилия, и ставки для него очень высоки. Ему необходимо представить миру убедительные доказательства, что Сочи — безопасное место. Возникает опасный соблазн поскорее покончить с «грязной работой», уничтожить «бандитское подполье». В результате органы безопасности действуют в режиме цейтнота. Они постоянно сообщают об уничтожении целых группировок, о ликвидации опасных бандитов, на счету которых, в частности, организация терактов в московском метро, но террористическая активность продолжает расти.

Ситуация на Северном Кавказе требует долгосрочной стратегии, стержнем которой является реинтеграция территории и ее населения в Россию, а это предполагает каждодневную кропотливую работу в социально-экономической сфере, в области образования, культуры, установления контактов с мусульманскими общинами и пр.

Сам характер государственного управления в России препятствует выработке долгосрочной стратегии по любому вопросу, а в отношении Северного Кавказа тем более. Но альтернативы долгосрочной политике *soft power* не существует. Разумеется, такая политика не отменяет борьбу с терроризмом, однако эта борьба не должна ставить себе конкретных сроков вроде проведения Зимней Олимпиады.

Проект реинтеграции Северного Кавказа в российскую жизнь невозможен без участия российского общества. Если оно не рассматривает кавказцев как сограждан, интеграции не будет. Власть не занимается «перевоспитанием» собственного населения в духе гражданской солидарности, да это и невозможно. Подобные инициативы должны вызывать в самом обществе, но

³⁸ Встреча с председателем Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Эллой Памфиловой. 30 марта 2010 года. Стенограмма (<http://www.kremlin.ru/transcripts/7289>).

³⁹ См.: Стенографический отчет о совещании по вопросам социально-экономического развития Республики Дагестан. 11 августа 2010 года (<http://www.kremlin.ru/transcripts/8625>).

в России роль общественных организаций, которые отстаивают подобные идеи, ничтожна, а государство в целом не приветствует частных инициатив (предпочитая препоручить воспитание толерантности «Нашим», значительная часть «идеологии» которых строится как раз на нетерпимости — издевательствах над политическими «врагами», травле оппонентов государственной политики). Тем временем равнодушие к проблемам Северного Кавказа сочетается с широко распространенной бытовой ксенофобией в адрес самих выходцев с Кавказа, о которых многие в России придерживаются мнения, что они «не уважают наши традиции» и «угрожают нашей безопасности». Этническое и расовое насилие стало частым явлением в крупных городах и не только в них; происходят массовые драки с участием скинхедов и этнических групп, нередко с убийствами.

Еще одним негативным «эффектом Кавказа» является брутализация российского общества. В 1990-е годы через войну в Чечне прошел огромный контингент призывников; многие из них после прохождения службы вернулись с тяжелыми психологическими травмами. Сегодня призывники не попадают на Северный Кавказ, но силовики и контрактники, командированные на Северный Кавказ, возвращаясь затем к месту службы в мирных условиях, несут с собой опыт участия в жестких силовых операциях.

Приведенные фрагментарные зарисовки, разумеется, не отображают всю полноту и разнообразие взаимоотношений власти и общества. Мы лишь обозначили важные моменты и точки развития. Полагаем, что на них следует обратить внимание в преддверии тех изменений, которые будут связаны как с выборным циклом 2011–2012 гг., так и с послевыборным периодом.

«Круглый стол» по проблемам гражданского общества в Московском Центре Карнеги 26 мая 2010 г.

Участники

Аверкиев Игорь — руководитель Гражданской палаты Пермского края.

Гудков Лев — директор Левада-Центра.

Долгин Борис — заместитель главного редактора, научный редактор интернет-канала «Полит.ру».

Задорин Игорь — генеральный директор Исследовательской группы ЦИРКОН.

Колесник Светлана — президент Фонда развития информационной политики.

Калинин Валерий — руководитель организации обманутых дольщиков жилого комплекса «Западные ворота столицы».

Канаев Сергей — руководитель московского отделения Федерации автомобилистов России.

Ковалевская Елена — директор программы «Гражданское общество» Института «Открытое общество».

Куклина Ида — член координационного совета Союза комитетов солдатских матерей России, член Совета при президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Кынев Александр — руководитель региональных программ Фонда развития информационной политики.

Макфол Майкл — специальный помощник президента США и директор по России Совета национальной безопасности, сопредседатель рабочей группы «Гражданское общество» двусторонней Российско-американской президентской комиссии со стороны США.

Ниненко Иван — заместитель директора «Transparency International – Россия».

Петров Николай — член научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Общество и региональная политика».

Романова Ольга — журналист, организация «Бизнес Солидарность».

Шведов Григорий — главный редактор сайта «Кавказский узел».

Юрна Ирина — бывший руководитель программы Фонда Форда «Культура, искусство и журналистика».

Дискуссия

Игорь Аверкиев ⁴⁰. Гражданское общество в узком смысле, понимаемое как свободная от государственной опеки деятельность в общественных интересах, включает в себя несколько десятков гражданских организаций и групп, в большинство своем маргинальных: они не воспринимаются властями и не поддерживаются широкими слоями населения.

Подход к гражданскому обществу с более широких позиций некоммерческого сектора позволяет говорить о трех основных его структурных блоках: собственно гражданских организациях, проправительственных общественных организациях и низовых общественных инициативах. Это то, что вызывает интерес с точки зрения традиционной заботы о судьбе гражданского общества в стране. За бортом такой классификации остаются очень многие виды и формы некоммерческой деятельности: от сотен тысяч досуговых и субкультурных объединений до этнических, религиозных, предпринимательских, профессиональных союзов и обществ.

То, что у нас называется гражданскими организациями, — это главным образом проектные организации, созданные еще в 1990-е годы совместными усилиями российской либеральной интеллигенции и западных благотворительных фондов. К ним можно отнести правозащитные и экологические организации, созданные на основе западных гражданской повестки дня и культуры и имевшие изначально «прогрессорский», не укорененный в российском обществе характер. Их социальная база минимальна, но клиентские группы могут быть очень велики: заключенные, мигранты, малоимущие и др. Действуют они по сути в рамках той же патерналистской парадигмы, что и государство, только с более слабых позиций. Основная линия развития здесь — «экспертизация», превращение организаций в исследовательские, экспертные.

Проправительственные общественные организации включают в себя традиционные для СССР/России социально-защитные организации (ветеранские, инвалидные, женские, детские), организации государственных активистов (как правило, молодежные, напрямую созданные

⁴⁰ См. статью, написанную на базе этого выступления, в приложении 1.

государством) и органы территориального общественного самоуправления — «общественность на муниципальном содержании».

Низовые общественные инициативы стали появляться пять-шесть лет назад. Они народны, т. е. возникли на волне общественного спроса, а не из головы чиновников или «прогрессоров». Это низовая благотворительность, сопротивление «реструктуризации и оптимизации» школ, поликлиник, клубов, интернатов, борьба с «мигалками», переименованиями улиц, неприличной рекламой, плохими дорогами и др. До 2000-х годов такую автохтонную, естественную общественную активность олицетворяли только «солдатские матери» и «обманутые вкладчики».

После перелома и невзгод 1990-х годов в России сложился мощный общенародный консервативный консенсус. Главным модернизатором у нас по-прежнему является государство. При этом гражданские организации, традиционно живущие в либерально-демократической парадигме, модернизационной по сути, так и не смогли найти себе место в российской (не «государственной») модернизации. Более того, противостоя полуавторитарному государству, а соответственно и любым его реформам, они по сути присоединились к «консервативному консенсусу».

Гражданским организациям все чаще приходится брать на себя функции политической оппозиции. Их выдавливают в это пространство отсутствие собственно политической оппозиции и попытки выступать в общественных интересах. Сейчас это происходит, в частности, в Перми. Ниша эта, особенно в провинции, как правило, пустует, поэтому общественное мнение и логика защиты общественных интересов просто выталкивают гражданские организации на это поле, причем без какой-либо общественной поддержки. В итоге разброд и шатания внутри организаций только усиливаются.

Очень жаль, что и гражданские, и проектные организации не нашли своего места в модернизации. Они в последнее время являются частью «консервативного консенсуса», поскольку в основном, как и у всего населения, вся их активность протестная. То есть у них нет своей позиции относительно развития страны, своей программы развития. Они протестуют, как и все, против подорожания того, другого, пятого, десятого, против «чего-то дали — чего-то не дали» и т. д. Узко правозащитные выступления (за 31-ю статью Конституции и все прочее) маргинальны, к сожалению, и в Москве, и тем более по всей стране.

Елена Ковалевская. Я попробую дополнить анализ, который дал Игорь Аверкиев, с точки зрения структуры. В гражданском обществе существует несколько полей, которые не то чтобы по-разному живут, но по-разному подвергаются воздействию со стороны государства, и в этом смысле интересно наблюдать за процессом и размышлять об условиях.

Во-первых, жизнь гражданского общества все-таки оказалась в фокусе внимания внутренней политики России. И как бы мы ни критиковали, например, Общественную палату, идут процессы, в которых задействованы гражданские эксперты и гражданские активисты на довольно серьезном уровне. По ряду направлений развивается конструктивный диалог. И есть определенные подвижки, особенно там, где Общественной палате удалось добиться расширения своих функций, сформировать наблюдательные комиссии, которые занимаются наблюдением за пенитенциарной системой, общественным контролем на уровне регионов. По крайней мере, это так на федеральном уровне. Эти довольно серьезные процессы, в них участвуют активисты.

Большинство наших серьезных правозащитных и гражданских экспертов включены в различные консультативные советы, участвуют в них. В последнее время, несмотря на трудности, у них появилась возможность передавать свои аналитические материалы и рекомендации напрямую — как сегодня или как на встрече Совета по гражданскому обществу и правам человека с президентом по Северному Кавказу. Такие каналы есть: это уполномоченный по правам человека, совет Эллы Памфиловой, один из наших главных, напрямую работающих экспертных советов, и мы очень рады, что, несмотря на трудности, у него есть возможность функционировать и делать свою работу (в июле Элла Памфилова ушла с поста председателя Совета, а в октябре главой этого органа был назначен Михаил Федоров. — *Примеч. ред.*).

Нельзя не сказать о правозащите. Сегодня она отсечена от политической деятельности. Политизация общих процессов, политизация правозащиты в общественном дискурсе ограничили ее возможности участвовать в этих процессах. Нужно переосмысливать и пересматривать возможности участия в политической деятельности индивидуально и на уровне организаций. Существует разрыв между экспертным потенциалом правозащиты и массовым активистским движением: с одной стороны, есть группа, которая работает профессионально и достигла колоссальных успехов, с другой стороны, имеется совершенно новый набор массовой правозащиты — приемные, работающие с неимущими, социальные организации, активистские

движения. На мой взгляд, то, что происходит в регионах, — попытки выстроить мосты от профессиональной правозащиты к активистам. Это крайне трудный процесс, требующий немало времени. Тут и правозащита новых движений с помощью организаций, и помощь в пиаре. Кроме того, есть организации, которые занимаются такой деятельностью профессионально и называют себя новыми правозащитными движениями, организациями нового типа (например, «АГОРА» в Нижнем Новгороде). У них есть самоидентификация: «мы отличаемся от...», есть некая философия. Если заглянуть внутрь, мы не увидим существенных отличий по природе. Это, мне кажется, такое же движение, но с другими методами и приемами.

Третья тенденция — сформировавшиеся лидеры-активисты 1990-х годов сегодня во многих регионах идут во власть. Есть те, о которых Игорь Аверкиев говорил, что они вымываются в оппозиционную деятельность, но есть и такие, кто встраивается и очень серьезно работает (в Сибири их много). Это процессы, о которых мы не можем однозначно сказать, «в плюс» они или «в минус». Они есть, и нужно понимать, что здесь создается поле взаимодействия, оно укрепляется, потому что есть свои люди на местах.

С другой стороны, процесс притока молодых активистов, формирования новых организаций, смены поколений находится под сомнением. И здесь тоже должен ставиться вопрос об условиях для развития гражданского общества, о том, как на это могут влиять международные организации. Потому что, с одной стороны, молодежь, очевидно, находится в сетевом пространстве, а с другой — она получает сигналы и встраивается в различные массовые проекты власти, работая с молодежными организациями.

Четвертый тезис — мы должны говорить и об открытых зонах конструктивного взаимодействия, и о табуированных зонах (Игорь Аверкиев назвал их маргинальными). «Движение-31», на мой взгляд, — не то чтобы маргинальное движение. Это табуированная зона, где государство сознательно идет на ряд ограничений вразрез с существующим законом. Правозащитники предпринимают колоссальные усилия по защите участников этих движений.

Сейчас предполагается изменить законодательство. Что с этим делать? Это очень трудное поле, и, мне кажется, на него каким-то образом надо влиять. В перспективе встает вопрос о том, как рекрутировать новых активистов. На самом деле они есть: среди молодых интеллектуалов это очень серьезное движение. Мы только что были в Рязани, где известный профессор права Виктор Осетинский выступал перед молодыми интеллектуалами. Пришло больше 50 человек — они его три часа слушали, задавали вопросы о правах человека. Видно было, что их это действительно интересует. Мне кажется, более перспективной сферой являются вопросы правоприменения. Недавно в одном из проектов, поддержанных Институтом «Открытое общество», выступал председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, который сказал: «Нас очень интересует и волнует проблема равенства перед законом всех». Как этого достичь сегодня? Мы не говорим о проблеме независимости судей, а о том, как будет достигаться равенство перед законом, как люди смогут защищать свои права и кто им в этом и как будет помогать. Мне кажется, за этим будущее, здесь есть очень большой потенциал.

Иван Ниненко. Мы сейчас говорим о текущем моменте, но необходимо рассмотреть картину в динамике, оценить эту динамику. Игорь Аверкиев говорил о появлении за последние пять-шесть лет новых организаций. На мой взгляд, очень важно помнить, что в последний год президентства Путина на местах на эти организации было очень большое давление. Они появлялись и сразу оказывались под жестким прессингом. Сейчас ситуация немного изменилась. На личном примере могу сказать, что в Москве хотя бы перестали сажать на сутки за мирные акции. Я сам отсидел трое суток, и когда выходил на следующую акцию, у нас, в активистской среде, было ощущение, что за эту акцию мы получим пять-десять суток. Мы шли с этим настроением. Это было уже нормальное явление. И фактически в Москве ситуация резко изменилась. Я почувствовал на собственной шкуре, что с приходом Медведева в Москве (в регионах — по-разному) перестали массово сажать на сутки за мирные акции. Не приходится проводить по десять дней на Петровке.

Это сильно повлияло на организации, многие из которых были изначально выдавлены в маргинальную сферу. И сейчас, когда вдруг появилось некоторое пространство диалога (то, о чем говорила Елена Ковалевская по поводу консультативных советов), все вновь появившиеся и многие старые организации просто не готовы к этому. Организации со стажем не готовы к диалогу из-за того, что многие годы были выдавлены в маргинальную зону. По нашему опыту — я работаю в «Transparency International» — у нас вдруг появилось огромное поле диалога с правоохранительными органами, занимающимися борьбой с коррупцией. По сути нам открывают двери, чтобы договориться, как изменить законодательство, как работать в этой сфере более

эффективно. Но общественные организации все еще приходят с откровенно негативной повесткой дня, говоря только о том, что где-то незаконно сажают, где-то что-то неправильно происходит. А мы сейчас должны активно работать над позитивной повесткой дня, чтобы приходить с конкретными предложениями: вот здесь надо изменить закон, здесь — какие-то более общие нормы.

И в том, что связано с Интернетом, мы тоже отстаем от прогресса, который наблюдается наверху. Мы как гражданское общество не являемся сейчас движущей силой процесса открытия государственной информации: оно происходит сверху, а мы скорее даже отстаем и не всегда успеваем подготовить инструментарий для использования новых законов.

Поправки к Кодексу об административных правонарушениях, наказывающие за размещение информации о деятельности государственных органов в Интернете, которые были приняты недавно в третьем чтении, нас, профильную организацию, застали врасплох. Мы давно о них говорили, но когда их быстро протолкнули через Государственную думу и они вступили в силу с 1 июля, мы оказались не готовы. Сейчас лихорадочно разрабатываем общественную кампанию, какое-то обращение к активистам в онлайн, чтобы объяснить им, что с этим делать, как пользоваться. Я считаю, это серьезный вызов общественным организациям в сфере, где власть вдруг решила, исходя, наверное, из личной любви Медведева к Интернету (другого объяснения у меня нет), пойти семимильными шагами к открытости информации, к восприятию Интернета как серьезного инструмента. При этом многие ведомства к этому не готовы и саботируют этот процесс. Мы ведем мониторинг, активно общаемся с Минкомсвязи, у которого просто не хватает ресурсов, чтобы это перебороть. Но наши организации тут явно отстают, в то время как здесь имеется большая сфера для проявления активности новых общественных групп.

Ида Кукулина. Начну с несогласия с Игорем Аверкиевым относительно того, что в России нет гражданского общества. Оно у нас есть. Просто это гражданское общество не такое, как нам хочется. Оно не вполне соответствует нашим представлениям. Российское гражданское общество весьма своеобразно, оно нуклеаризовано, разделено по горизонтали и вертикали согласно сложному переплетению общественных интересов. Тем не менее оно есть.

За последнее десятилетие в отношениях между обществом и властью произошли кое-какие изменения. В начале 2000-х годов власть активно взялась за структурирование отношений с организованной частью гражданского общества. Началось все с Гражданского форума, где была произведена инвентаризация неправительственных организаций (НПО), выделены те из них, кто мог, по мнению власти, доставить ей наибольшие неприятности. Потом была организована Комиссия по правам человека, в дальнейшем ставшая Советом при президенте. А затем появились Общественная палата, общественные советы при министерствах и пр. По большому счету эти структуры не обладают полномочиями гражданского контроля, скорее наоборот: замыкая их на себя, власть получает одновременно возможность контроля над ситуацией. Для прямого, непосредственного общения с исполнительной властью имеется только одна щель — Совет при президенте, где можно решить что-то конкретное, хотя и не всегда. Во всех этих структурах есть люди, которые власти кажутся опасными, и те, кого относят к «надежным». Но вся эта система по большому счету не ориентирована на решение важных, стратегических вопросов, на совместные поиски направления развития. Иначе мы бы не имели того, что имеем. Другое дело, что конкретные правозащитные проблемы могут решаться вне этих структур, но это уже зависит от опыта и квалификации НПО. Союз комитетов солдатских матерей России, работая на правозащитной ниве более двадцати лет, может добиться удовлетворения любых индивидуальных жалоб на нарушения прав человека, но движение в сторону отмены призыва еще очень слабо, и его ростки легко могут зачахнуть.

Несколько слов о структуре организованной части гражданского общества, исторически связанной с прошлым веком — советскими временами, перестройкой, наконец, десятилетием 1990-х. Здесь новое дыхание обрели этнонациональные и конфессиональные организации. Их можно назвать объединениями постоянной и при этом растущей общественной востребованности. Еще один слой — узаконенные или неформальные, теневые организации так называемой «элиты». Они сильны, носят лоббистски-охранительный характер. Это самая консервативная, коррумпированная и вросшая во власть часть объединений «по интересам». Они кроют общественное развитие по своим лекалам, с большим или меньшим успехом используя в этих целях государственную систему власти. Среди них существует жесткая конкуренция.

Самая большая часть общественных объединений — ветеранские, образовательные и социально ориентированные организации. Они, как правило, слабы, маргинализированы, зависят от поддержки государственных структур, преимущественно местных, занимаются в основном «малыми

делами». Тем не менее они важны для граждан. Для многих сама принадлежность к какой-то социальной группе, к общности «по интересам» или же возможность получить хоть какую-то помощь многое значит. Мне представляется, что в развитии подобных НПО Россия идет в русле общего развития. Две трети НПО на Западе занимаются социальными и образовательными проблемами и тоже во многом зависят от поддержки государства во всех его ипостасях.

Особое место в гражданском обществе занимают правозащитные организации. В этой среде за последнее десятилетие произошли наибольшие изменения. Правозащитного сообщества в России сейчас нет. Оно нуклеаризовалось. Между правозащитными организациями появились определенные противоречия, прежде отсутствовавшие или существовавшие в латентной форме. Процесс распада сообщества начался, на мой взгляд, с вопроса о политической роли правозащитной деятельности. Часть НПО позиционировала себя как не имеющая никакого отношения к политике, сводя политику исключительно к борьбе за власть. Другие утверждали, что борются не за власть, а за изменение политических условий развития общества, полагая, что защита прав человека, особенно гражданских прав и свобод, требует изменения политической среды. Что касается «Солдатских матерей», то сам характер нашей работы убедил нас, что правозащитная деятельность неизбежно имеет политическую составляющую. Тем более, что, как известно, проблема прав человека была внесена в повестку дня институтом государства (Всеобщая декларация прав человека и т. д.). Добиваясь реальной военной реформы, мы прошли путь продвижения к нашей политической составляющей от начала и до конца. Опыт движений «grassroots», максимально приближенных к работе «на земле», показал, что нельзя изменить армию без изменения политики. «Солдатские матери» дерзнули организовать политическую партию. Эта попытка не удалась, но она еще раз наглядно показала, насколько важна в правозащитной деятельности политическая составляющая.

Другой причиной распада правозащитного сообщества послужил отрыв или отказ ряда организаций от работы с людьми. Вместо этого они стали ориентироваться на слово, но в такой активности нет человека, а есть только сам правозащитник и государство. Недаром здесь, на «круглом столе», уже говорили о негативном восприятии деятельности правозащитников значительной частью граждан, которым она кажется бесконечно удаленной от их бед и забот. Правильное слово чрезвычайно важно, но когда нет ничего, кроме слов, они обесцениваются. В результате все выливается в защиту правозащитников ими же самими. А лучше бы они делали это вместе с гражданами. Проблема эта сложная, здесь есть простор для размышлений и анализа, для дискуссий и споров.

Распад правозащитного сообщества сопровождается также, увы, и процессом определенной коммерциализации правозащитных услуг. В последнее время эта тенденция стала весьма заметной.

Власть в принципе научилась контролировать все упомянутые выше виды общественной активности, в немалой мере за счет канализации этой активности в созданные ею общественные структуры. Но государство пока не знает, как управляться с новыми выражениями общественного протеста и зарождающимися тенденциями к самоорганизации общественных движений, ориентированных на защиту определенных, пока относительно узких интересов. Самые различные по форме, целям, уровню массовости, степени остроты и другим параметрам протесты идут каждый день по всей стране. Скудость информации ограничивает видение масштабов происходящих событий обществом и его реакцию. Интернет в этом смысле хорош, но он еще не охватил «широкие массы трудящихся». Правительство уже вынуждено искать формы общения с ними, пытается управлять этими процессами в ручном режиме (пионером в этом деле выступил Путин в «прямых линиях» с гражданами), и это свидетельствует о явной озабоченности. Мне представляется, что появляющиеся протестные движения, возникающие вокруг по конкретным поводам, все в большей степени выражают недовольство общими проблемами. Это коррупция, милиция, несправедливый суд, невиданное социальное расслоение, бюрократия, казнокрадство и т. п. Здесь зона всеобщего согласия и всеобщего недовольства. Пока не вполне ясно, в каком направлении этот протестный потенциал будет эволюционировать. Тем более что в стране нет рынка, на котором предлагались бы позитивные альтернативы развития, понятные гражданам и способные привлечь творческие силы общества. Ни оппозиция, ни правозащитники, ни кто-либо еще таких альтернатив не предлагает. Все предложения сводятся фактически к «антипутинизму», и на этом ставят точку. Тем не менее уже ясно, что накал протеста достаточно высок. Его не успокаивают даже практически ежедневные выступления премьера на темы социальной заботы о гражданах. В целом же новые протестные движения свидетельствуют, что гражданское общество в России живо и будет жить.

Ольга Романова. Я представляю неправительственную организацию «Бизнес Солидарность». У нас довольно специфическая организация: мы существуем не на гранты, не на взносы и пожертвования — если бы они у нас были, мы бы не знали, что с ними делать. Каждый формальный или неформальный член некоммерческого партнерства твердо знает, что и зачем он должен делать, поскольку от его действий часто зависит его жизнь или жизнь его близких. Мы занимаемся защитой бизнеса от незаконных преследований государства, прежде всего правоохранительных органов. Слова президента Медведева «хватит кошмарить бизнес» — это как раз к нам.

За последний год в той сфере, которой мы занимаемся, произошло очень много существенных изменений. К сожалению, толчок процессам дала смерть — смерть Сергея Магнитского в ноябре прошлого года. С тех пор существенно изменилось положение в системе ФСИН, изменилось в самую лучшую сторону. До порядка еще далеко, но происходит очень важная вещь: открытость и восприимчивость к критике. Сейчас самое главное, что нужно сделать, — вывести тюремную медицину из-под ФСИН и передать ее в ведение Минздравсоцразвития. Во ФСИН это понимают, а Минздрав оказывает яростное сопротивление, что понятно, но в результате продолжают гибнуть люди.

В апреле этого года по инициативе Дмитрия Медведева был принят пакет поправок к Уголовному кодексу, который с воодушевлением восприняло все бизнес-сообщество. Некоторые нелепые статьи (например, «Незаконное предпринимательство») отменены, очень расширена ст. 108, что теоретически позволяет предпринимателям в течение следствия не сидеть в тюрьме, а самим принимать участие в собственной защите, выйдя под залог или в режиме домашнего ареста.

К сожалению, эти прекрасные меры до сих пор не работают. Причин три.

1. Изменения не коснулись главной «экономической» статьи, ст. 159 УК «Мошенничество». По ней был осужден Михаил Ходорковский на своем первом процессе, получив восемь лет. С тех пор любой следователь и любой суд по любым заказным делам (рейдерство, расправа с конкурентом, отъем доли у партнера) пользуются именно этой статьей. А сформулирована она таким образом, что под нее можно подвести любое деяние включая покупку колбасы в магазине. Именно по этой статье сидит 90% незаконно осужденных предпринимателей — много тысяч молодых активных граждан. Теперь восемь лет — нижняя граница, которую дают по этой статье. Примерно с 2008 г. стало модно давать от одиннадцати. По ст. 159 держали в тюрьме и мучили Сергея Магнитского.

2. Следователи, прокуроры и судьи практически всей страны дружно проигнорировали вступление в силу «медведевских» поправок. В результате почти нет случаев освобождения в результате отмены статей, наказаний и снижения сроков. Приведу «личный» пример: мой муж Алексей Козлов, осужденный на восемь лет по двум статьям УК, получил снижение срока на два месяца — в связи с тем, что одна из его статей была отменена согласно поправкам Медведева, а по ней он получил пять лет. По одному-два месяца скинули всем «экономическим преступникам», чьи статьи были вовсе отменены.

3. Несмотря на вопиющие примеры нарушения следователями, прокурорами и судьями законодательства, никто из них не понес наказания. И всем стало ясно, что не исполнять закон можно. Речь идет не только о вновь принятых законах. Сергей Магнитский погиб в тюрьме оттого, что следователи и судьи не соблюдали «старые» законы. И никто из них не наказан.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание и всемерно поддержать инициативу американского сенатора Бенджамина Кардина, предложившего список граждан России, въезд которым (а также их родственникам) в США может быть запрещен. Наша организация «Бизнес Солидарность» прекрасно знает всех фигурантов списка сенатора Кардина (мы готовы при случае предложить еще несколько кандидатур) и считает, что деятельность этих людей должна быть тщательно и публично расследована. Остается только поблагодарить Бенджамина Кардина и выразить сожаление, что ни один российский сенатор не выступил с подобной инициативой.

Мы за открытое расследование деятельности 65 человек, которые стоят за заказными делами. Предельно просто отличить заказное дело от незаказного: нужно взять приговор и посмотреть, какой нанесен ущерб. В заказных делах ущерба нет.

Нам помогают очень многие. Как ни странно, в частности, депутаты Госдумы. Я думаю, потому, что они сами состоятельные люди, предприниматели и понимают, что в любой день могут оказаться нашими клиентами.

Сергей Канаев. По поводу выборности со стороны власти. С одной стороны — если заключаем общественный договор, тогда мы по нему действуем. Если нет такого общественного договора, то все запрещается.

Почему дошло до «синих ведерок»? Потому что мы подавали прошения, а нам не давали разрешения.

Что касается гражданского общества: есть граждане и есть общество. Значит, должно быть гражданское общество.

Отношение к организациям прокремлевским и протестным различается. Я не считаю нашу Федерацию автомобилистов России маргинальной. Необходимо выстраивать сеть через Интернет, региональные сообщества. Когда организация становится маргинальной, то смысла в ее существовании уже нет.

Я не согласен, что невозможно соединить старые общественные организации и новые.

Необходимо создавать негосударственные организации глобального характера.

Григорий Шведов. Развитие гражданского общества последних двух лет определяют разнонаправленные тенденции. Либеральные речи иногда претворяются в реальные дела. Например, упоминания Медведевым проблем Северного Кавказа привели к формированию Северо-Кавказского федерального округа и привлечению не офицера, а менеджера (Александра Хлопонина) для развития региона. Вместе с тем на Северном Кавказе все больше применяется военная сила, общество вовлечено в протест все больше и больше, его лидеров убивают или даже казнят, как Наталью Эстемирову или Зарему Садулаеву и ее мужа Алика Джабраилова. Очевидно, что оба фактора характеризуют положение дел не только на юге страны, но и в Москве, откуда иницируются оба подхода в работе с регионом. И поскольку новым явлением можно считать стратегию по развитию региона, то надо признать очевидное — не изменив негативный тренд в сфере безопасности, Медведев внес новый, другой, не влияющий пока на первый, но заметный вектор. Как внес его президент Евкуров в Ингушетии.

Заметным ударом по гражданскому обществу стала растущая популярность националистических движений разных толков, террористических групп и, конечно, всепроникающие гражданская апатия и цинизм. Наряду с этим в наиболее мобильной части общества генерируются и осуществляются уже не только акции, но всероссийские кампании. Создаются организации нового типа — автомобилистов, отдельных независимых профсоюзов, родственников погибших, благотворителей, товарищества собственников жилья (ТСЖ). Большинство этих организаций работает по-новому, устроено иначе и добивается результатов. Профессионализация определенной, пусть небольшой части третьего сектора, очевидно, характеризует текущий момент не меньше, чем рост радикальных настроений и деградация традиционных НПО.

Примеры можно множить, но не в них дело. Дело в происходящих переменах, пусть даже дорогой ценой.

Кроме того, важно отметить высокие темпы роста доли россиян, пользующихся Рунетом. Популярных блогеров читают больше, появляются новые блогеры и сообщества в социальных сетях. Несмотря на очевидный мониторинг со стороны спецслужб и даже судебные преследования, блогосфера в целом и новые медиа в частности не только остаются пространством для обмена мнениями среди инакомыслящих, но и для привлечения к нему сторонников и противников. Возникающие дискуссии и социальные инициативы становятся намного интереснее и живее с каждым годом. И хотя инфотеймент определял и будет определять направление для «кликания» основной доли пользователей, доля мыслящей, контент-ориентированной аудитории явно растет. Все описанное происходит на фоне деградации основной части традиционных СМИ, падения интереса к ним, самоцензуры журналистов и нападения на них. Контраст очевиден, но скорее внушает сдержанный оптимизм.

Можно с пеной у рта утверждать, что все плохо, и действительно, дела нехороши в разных аспектах, но необходимо делать конкретные вещи. Конкретные идеи разных проектов в контексте российско-американского саммита в Вашингтоне и приуроченных к нему встреч гражданских активистов востребованы. Разговор на этот счет нужен, модели есть: «Полит.ру» делает свой проект сотрудничества, мы на «Кавказском узле» реализуем какие-то свои совместные вещи. Поэтому, на мой взгляд, интересно посмотреть, до какой степени новые медиа являются инструментом, способным демонстрировать реальные изменения тех или иных ситуаций.

Игорь Задорин. Я не представляю здесь какое-либо общественное объединение. Я эти объединения изучаю. В этой связи хотелось бы как одну из первых тенденций отметить, что все труднее говорить о гражданском обществе как об одном объекте исследования, которым

мы раньше оперировали. В отдельных случаях это просто невозможно. Гражданское общество — это уже совокупность настолько разных субъектов, отличных по интересам, мотивации участия, форме организации, что иногда эти интересы и мотивации даже противоположны. Тут все говорили, что объект стал очень сложно структурированным, и невозможно говорить о нем как о едином целом. Надо говорить о сегментах. В некотором роде это свидетельствует о развитости российского гражданского общества.

Теперь я хотел бы выделить три тенденции, которые мы обнаружили в рамках наших исследований. Наше последнее исследование было посвящено теме «Разрыв между властью и обществом». Выяснилось, что существует еще один разрыв — между активом и низовым слоем населения. И об этом сейчас тоже сказали. Институционализированный актив очень часто оторван от реальных интересов населения и фактически представляет не отдельные социальные группы, а только себя. И это явление породило еще одно, смежное: инициативные группы населения в дальнейшем не институционализируются, как раньше. То есть они отказываются от юридического статуса и оформления в организацию. Они продолжают существовать и действовать в неинституционализированном виде, и таких групп становится больше.

В этой связи — рекомендация, исходящая из первой тенденции. В свое время активно формировались ресурсные центры, целью которых была поддержка как раз неинституционализированных форм и инициативных групп. Потом их значение уменьшилось, потому что появились сильные некоммерческие гражданские организации. Так вот, сейчас значение ресурсных центров опять повышается. Именно потому, что Агентство по международному развитию США (USAID) и другие иностранные фонды не могут работать с неорганизованными формами социальной активности, ресурсные центры становятся вновь очень актуальными.

Вторая тенденция состоит в том, что вектор актуальности правозащиты сместился с защиты политических прав на защиту экономических интересов. В большей степени актуальными стали такие организации, которые у нас совсем не развиты, — профсоюзы и общества потребителей. То есть все больше требуется защита трудовых и потребительских прав. Это сугубо экономические вещи. Плюс к этому у нас развивается форма гражданской активности, которая сейчас является в известной степени вынужденной. Это товарищества собственников жилья, в которых активность пока не очень естественна, а стимулируется законодательством. И тут, конечно, море вопросов, потому что собственники жилья оказались не готовы к соответствующим формам активности и гражданской солидаризации. Соответствующие рекомендации: необходимо больший упор делать на помощь ТСЖ, профсоюзам, обществам потребителей. Опыта в России, особенно у обществ потребителей, к сожалению, почти никакого.

Третья тенденция тоже очень любопытна. Здесь уже отметили, что в отдельных случаях власть все-таки пошла навстречу некоторым выделенным сегментам гражданского общества, и возникает какое-то сотрудничество. Тем не менее мы на тех же экспертных сессиях обнаружили интересную вещь. Представители гражданских объединений иногда говорили нам: «Мы только наладили сотрудничество с местной администрацией, а там взяли и сменили того человека, с которым мы работали». То есть получается, что коммуникация власти и общества очень персонифицирована. Это не общение институтов (институционализации коммуникаций не происходит), а персональное взаимодействие, основанное на индивидуальных особенностях конкретных представителей власти. И в этой связи возникает следующая рекомендация. Часто конкретные ответственные чиновники не идут на сотрудничество не потому, что они такие уж злокозненные. Они не обладают опытом, не владеют практикой взаимодействия с гражданскими организациями, иногда даже боятся его. Раньше развитие гражданского общества осуществлялось в основном через обучение менеджеров и активистов гражданского общества. Идея состоит в том, что в большей степени надо обучать ответственных чиновников. То есть приглашать, например, на стажировку в те же Соединенные Штаты, чтобы они посмотрели, как там чиновники общаются с гражданскими организациями. Это во многом снимет страхи и даст какой-то опыт.

В целом, на мой взгляд, определенные улучшения есть, но не надо расслабляться. За последние годы обнаружилась некоторая цикличность: наблюдаются периоды известных послаблений и, наоборот, периоды ужесточения контроля. Все это в большой степени связано с политическим процессом. В следующие два года предстоит очередной выборный цикл. В этой связи политическая жесткость и острота взаимодействия повысятся. Поэтому я не ожидаю в ближайшее время серьезных послаблений ввиду их политической нецелесообразности с точки зрения власти. И в этой связи думаю, что основной упор гражданской активности должен смещаться в сторону экономических интересов.

Александр Кынев. Я, как и Игорь Задорин, являюсь экспертом, а не гражданским активистом. Немного поспорил бы насчет политизации. Да, экономические проблемы очень актуальны, и действительно есть ниши, которые не заполнены. Но в целом можно говорить о другой тенденции — о политизации на фоне общего роста протестной активности, который является одной из базовых тенденций последнего года. В лозунгах, с которыми люди выходят на митинги и акции протеста, год назад политической составляющей не было. Людей заботили сугубо локальные проблемы: строят дом во дворе, подняли налог или пошлину и т. д. Сегодня почти все региональные протестные акции имеют политическую составляющую: отставка губернатора, отставка мэра, принятие законов. Протест политизируется, это совершенно однозначно.

Второе. Можно спорить, но экономические проблемы есть везде. А политический протест — нет. Он привязан к системным вещам, в том числе к обновлению губернаторского корпуса, кадровым ошибкам и т. д. Кроме того, за эти годы по целому комплексу причин произошла политизация экспертного сообщества. С одной стороны, зажатие партийной системы, фактически запрет на представление целого ряда общественных сегментов привели к тому, что люди, которые раньше их представляли, стали из политиков экспертами. С другой стороны, закручивание гаек тоже поляризовало экспертное сообщество. Сегодня оно абсолютно расколото: есть жестко либеральное, есть жестко провластное, а посередине ничего нет. То есть оно вообще перестало быть чем-то единым. Никакого диалога не существует.

Если говорить о базовых тенденциях последнего года в целом, то у организаций стало намного меньше ресурсов — сокращаются грантовые программы, уменьшается поддержка. Понятно, что власть никогда не будет поддерживать оппозиционные организации — она поддерживает провластные. Одновременно с этим выборочно и сегментированно растет давление. Применяется метод кнута и пряника. Давят в основном тех, кого ощущают как угрозу. Обычно давлению подвергаются те, чья деятельность воспринимается как политическая. Можно привести примеры последних полутора лет. Это ассоциация «Голос», с которой я активно работаю по мониторингу выборов. Стоит открыть отделение в регионе — моментально начинается давление на новых людей: вызывают в ФСБ, к ним приходят на пресс-конференцию, появляются письма с угрозами. За последний год практически все попытки создать новую организацию кончались провалом, потому что на людей давят, чтобы они не работали.

На выборах мэра Орла, которые были в феврале, комплект документов, которые вез курьер, просто был изъят работниками ФСБ. А в день выборов участки обходили люди, представлявшие сотрудниками ФСБ. Они изымали документы, ксерокопировали их и т. д. Это очевидное психологическое давление.

Европейский университет в Санкт-Петербурге, который тоже вел мониторинговый проект и получил на него грант Еврокомиссии, как известно, оказался на грани закрытия. Проект пришлось перевести на другую площадку. После этого вдруг непонятным путем были похищены средства со счета в банке в размере почти шести миллионов рублей. Банк якобы ни при чем, хотя у нас подобные платежи отслеживаются «под лупой», копейку не потратишь ни с одного счета грантовой организации, чтобы об этом не знали соответствующие службы.

Политическое дело Ирека Муртазина по обвинению в разжигании социальной розни в отношении чиновников. Дело против ассоциации «АГОРА», которое продолжается (они подали апелляцию в Европейский суд). И огромное количество подобных дел в отношении маленьких и больших правозащитных организаций, конкретных людей, которые что-то не то сказали, критиковали губернатора или кого-то еще. Давление выборочное, оно носит избирательный характер, ему подвергают тех, кто воспринимается как личная угроза. Если где-то пресс символически чуть-чуть ослабят, об этом широко говорят и пишут, а в десяти других случаях закрутят гайки.

Кроме того, происходит клерикализация общественной жизни. В Конституции говорится, что государство отделено от церкви, нет никакой официальной конфессии. Тем не менее, особенно последние год-полтора, после смены патриарха, по сути дела государственная политика превращается в политику Русской православной церкви (РПЦ). Все мероприятия конкретной конфессии приобретают государственный характер. Неважно, что это: похороны патриарха, избрание, визиты, Олимпиада, когда многоконфессиональная сборная почему-то получает благословление главы РПЦ. Встречи с патриархом транслируются по всем центральным телеканалам. Он превратился в одного из основных руководителей государства.

Кроме того, для борьбы с гражданскими организациями используется технология спойлерства: если появляется организация, которая вызывает некоторые опасения, моментально создают нечто с похожим названием, которое начинает след в след копировать ее действия; при этом копируют форму, а содержание искажают. То есть, условно говоря, ты публикуешь

некий доклад или статью, а они публикуют свое под таким же названием, выкидывают половину и заполняют ее какой-то выгодной для себя «туфтой». Те, кто этим занимается, получают гигантские средства, выходят со своими позициями на официальные телеканалы, в официальные газеты и т. д. Мы точно знаем: если реализуем какую-то инициативу, через неделю будет точно такая же у других людей. Они мониторят и в режиме онлайн все повторяют след в след, пытаясь по возможности исказить содержание. То есть спойлерские технологии превратились в базовые. На мой взгляд, проблема спойлерства ключевая: постоянно приходится объяснять, что мы — это не они.

Что касается развитости гражданского общества, я абсолютно согласен, что у общества есть несколько секторов и у каждого из них свои закономерности. Если говорить о независимых от государства организациях, у нас сегодня наиболее развиты три сектора:

- Локально-протестный по конкретному поводу (застройщики, автомобилисты и т. д.).
- Диаспоральные, а также национальные организации, которые занимаются своими проблемами независимо от государства, внутри себя.
- Видоизмененные сети, основанные на неких криминальных сетях 1990-х годов, когда есть некая взаимная самоорганизация, особенно на ряде территорий (криминального там уже ничего нет, но сети остались). Они превратились в фонды, общественные организации, коалиции, альянсы. В Сибири и на Дальнем Востоке именно они являются самыми сильными организациями вне органов власти, реально структурируют местные элиты и являются механизмом принятия решений.

Эти три сегмента — наиболее развитые. Самый неразвитый сегмент, чаще всего сталкивающийся с проблемами в отношениях с государством, — правозащита. Это отдельные люди, небольшие организации, которым очень тяжело работать и которые находятся сегодня во многом в безвоздушном пространстве. В публичной сфере темы защиты прав или меньшинств — это не то что табу, это тема-изгой. И люди, которые этим занимаются (неважно, какие меньшинства они защищают), находятся в зоне общественного осуждения, высмеивания, сарказма и т. д. Официальная пропаганда изображает их чуть ли не врагами народа, которые мешают всем нам жить. Они — фрики. И это государственная политика, которая совершенно сознательно проводится на всех официальных каналах и звучит в высказываниях официальных лиц в СМИ.

Ирина Юрна. Хочу оттолкнуться от определения, которое дал Игорь Аверкиев: «То, что у нас называется гражданскими организациями, — это главным образом проектные организации, созданные еще в 1990-е годы совместными усилиями российской либеральной интеллигенции и западных благотворительных фондов. Это в основном правозащитные и экологические организации, созданные на основе западных гражданской повестки дня и культуры и имевшие изначально “прогрессорский”, не укорененный в российском обществе характер. Их социальная база минимальна, но клиентские группы могут быть очень велики: заключенные, мигранты, малоимущие и др. Действуют они по сути в рамках той же патерналистской парадигмы, что и государство, только с более слабых позиций. Основная линия развития здесь — “экспертизация”, превращение организаций в исследовательские, экспертные». Не могу сказать, что в этих словах совсем нет правды, но, с другой стороны, явно не вся правда.

Я здесь выступаю как представитель благотворительных фондов, точнее, одного из них — Фонда Форда, который проработал в России 15 лет и приостановил свою деятельность в прошлом году. В течение 11 лет я отвечала за программу «Культура» и хотела бы поговорить об этой сфере. Во-первых, меня очень удивляет, что политологи и аналитики, обсуждая состояние гражданского общества и его институтов, практически всегда игнорируют сферу культуры. Это странно, потому что именно в последние 10–15 лет появилось достаточно много сильных культурных институций, которые в городах и регионах стали не только культурными, но и общественными центрами. Именно в них переместилась энергия от скукожившегося медийного пространства, они стали открытыми площадками, в которых сохранились свобода выражения и свобода творчества. Я имею в виду, например, Петербургский благотворительный фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ», центры современного искусства в Нижнем Новгороде, Калининграде, Екатеринбурге, Центр культурных инициатив в Петрозаводске, Центр современного танца «Цех», Центр современной архитектуры в Москве. Лекции об архитектуре, обсуждение городского пространства, так называемые архдесанты в регионы — это вообще отдельная тема, которая очень важна для формирования гражданского общества. Но, между прочим, и современный танец, театр, документальное кино, изобразительное искусство не менее важны. Я всегда удивляюсь, почему репрессивные, карающие органы понимают это быстрее, чем либеральные исследователи и фонды.

Те организации, которые я упомянула, были созданы их основателями, а не придуманы в Нью-Йорке или в московском офисе. Наша задача, как я ее понимала, заключалась в том, чтобы найти то, что адекватно данному региону, востребовано и создано такими людьми, которые будут заниматься своим делом в любом случае, но с поддержкой фонда — более эффективно. На самом деле не имеет значения, каким видом искусства там занимаются. Есть города, в которых объединение происходит вокруг театра, а в других — вокруг современного танца.

Конечно, практически все эти организации сталкиваются с большими проблемами на местах. Государство не склонно финансировать ту часть модернизации, которая связана со свободой выражения. За последние десять лет эти организации очень окрепли, у них стабильная, в основном молодая аудитория, они превратились в настоящие центры культурно-общественной жизни. Но проблема в том, что западные фонды постепенно уходят из России, а государственное внимание к современному искусству приводит к судам и приговорам, как в случае с Юрием Самодуровым и Андреем Ерофеевым, организовавшими выставку в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова. Мне кажется, что, обсуждая гражданское общество, ни в коем случае нельзя забывать о современных организациях культуры, особенно в России, где культура является такой важной частью самоидентификации людей.

Лев Гудков. Мне кажется, что ситуация в гражданском обществе стала заметно хуже в последние десять лет. Под влиянием мощной пропаганды организации гражданского общества оказались дискредитированными в глазах населения. Люди стали относиться к ним гораздо более настороженно, часто с подозрением. Это не затрагивает наиболее авторитетные организации, такие как «Мемориал», «Комитет солдатских матерей»... Не буду сейчас всех перечислять — они, безусловно, известны, признаны, они пользуются устойчивой поддержкой примерно 40–50% населения России, т. е. той его части, которая вообще хоть как-то следит за событиями. Но очень большое число организаций, особенно на региональном уровне, не в состоянии защищать себя от постоянной негативной недоброжелательной и часто клеветнической пропаганды. Они дискредитированы (не как отдельные организации, а как включенное в общественное движение формирование новых отношений общества и власти) и воспринимаются «болотом» общественного сознания либо как скрытые коммерческие организации, либо как проводники чужого, «западного» влияния.

Это результат давления на них, монополии властей на телевидение, на подачу информации, следствие полного доминирования в СМИ органов пропаганды путинской администрации. Здесь очень большую роль сыграло то, что оказалась разорванной структура гражданского общества и СМИ. Доступ общественности к средствам массовой информации, которые могли бы освещать ее деятельность, знакомить публику с разнообразием идей, другими образцами взаимоотношений в обществе, социальной работы, критики властей, контроля над административным произволом, оказался полностью закрыт. Однонаправленная пропаганда работает против структур гражданского общества.

Поэтому не удивительно, что симпатии к организациям гражданского общества за десять лет упали. Готовность поддерживать их (материально или как-то еще), участвовать в них, которая и так никогда не была особенно сильна, снизилась примерно в полтора раза. Сегодня так или иначе участвуют в деятельности самых разных неправительственных организаций (от советов ветеранов и родительских комитетов при школах до правозащитных организаций или движения «зеленых») не более 8–9% населения. Раньше было заметно больше. И общая готовность поддерживать их, следить за ними (я не говорю даже о прямом участии — волонтерстве, благотворительной помощи, членстве и т. п.) тоже снизилась. Это, безусловно, результат непрерывного прессинга властей, старающихся расколоть организации гражданского общества, всячески затруднить их деятельность бесконечными бюрократическими препятствиями, нелепой и издевательской отчетностью, проверками, налогами и тому подобными вещами, в искусстве изобретения которых чиновники не имеют себе равных. И то, что здесь сегодня говорилось, абсолютно справедливо.

Вторая очень важная вещь, о которой сегодня тоже говорили, — это отрыв актива и коррумпирование верхушек гражданского общества. Я бы не сказал, что речь идет о прямом подкупе руководителей и лидеров НКО, хотя и это нередко бывает. Картина, как мне кажется, несколько более сложная. Идет двойственный процесс. Близость к власти создает иллюзию, что можно что-то сделать, каким-то образом повлиять на администрации разного уровня, объяснить, что им выгодно сотрудничать с общественными структурами, и в ряде случаев действительно тесные взаимоотношения с властями помогают решать какие-то частные проблемы. Но, с другой стороны, такое сотрудничество возможно только при отказе от критики властей,

от общественного контроля над властями, от расширения сферы публичности, от свободы информации. Оно требует демонстрации лояльности властям. А это оказывает в целом очень сильное негативное воздействие на общество, разрушая доверие к структурам гражданского общества, веру в искренность и чистоту их намерений, насаждая атмосферу цинизма и общего аморализма, всеобщей продажности. Обратная сторона всего этого — рост апатии населения и отчужденности от политики. Такие настроения — естественное следствие ухода политики из сферы общественной жизни.

Конечно, многие вещи организациям гражданского общества удаются, и они свою роль в какой-то мере и в каком-то качестве выполняют. Вопрос, в каком. Я думаю, что, вообще говоря, самая большая заслуга структур гражданского общества в том, что они сохранились и существуют до сих пор. Несомненно, в очень большой степени они (еще раз подчеркну — я говорю о самых многочисленных небольших и прежде всего региональных организациях) закапсулировались, замкнулись в себе, не имея доступа к каналам массовой информации, не имея связей с научными и творческими коллективами. С другой стороны, как мне кажется, главная проблема заключается в том, что представители гражданского общества не могут артикулировать и представлять интересы разных групп и не ставят себе такую задачу. Поэтому власти столь легко удается пресекать связи неправительственных организаций с населением, обрезая им доступ к СМИ. Последнее — последовательная и осознанная тактика властей, сурковской администрации. Невозможность репрезентировать интересы разных групп населения — это главная проблема, которая объясняет слабую поддержку общественных организаций.

Валерий Калинин. Как известно, высший приоритет прав и свобод гражданина — главный признак правового государства. С каждым годом коммерческие структуры в погоне за прибылью все активнее нарушают права граждан, успешно используя при этом административный ресурс. Для многих чиновников личная выгода стала гораздо важнее прав и свобод граждан.

Очевидно, что административный ресурс посредством коррупционной составляющей может оказывать влияние как на правоохранительные органы, так и на судебную систему.

Полная безнаказанность чиновников привела к тому, что коррупция стала национальной проблемой. Именно коррупция является одной из основных причин сложившегося правового беспредела, борьба с которым занимает большую часть деятельности гражданского общества России.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с обеспечением прав граждан на жизнь, с обеспечением условий, без которых не может существовать человек:

- неуставные взаимоотношения и гибель призывников в вооруженных силах в мирное время;
- невыносимые условия содержания заключенных в тюрьмах;
- заказные убийства;
- физические расправы, заказные аресты, в том числе в отношении активистов правозащитных организаций и сотрудников средств массовой информации.

Именно активисты правозащитных организаций и сотрудники СМИ находятся на переднем крае борьбы со злом. А зло, как известно, увеличивается и набирает силу, если на него не обращать внимания, если с ним не бороться.

В своих обращениях в правозащитные организации люди, в частности, жалуются на то, что их заявления в органах власти должным образом не рассматриваются, меры по устранению нарушений их прав не принимаются, заявления граждан в режиме почты перенаправляются для ответа как раз тем чиновникам, действия которых обжалуются. То есть обращения граждан о нарушениях их прав цинично игнорируются. А в ст. 2 Конституции написано «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Назову следующие возможные направления совместной деятельности с представителями американской стороны:

- доведение до сведения первых лиц государства актуальной информации о нарушениях прав граждан;
- помощь в разработке эффективных мер по защите прав граждан с позиций международного права;
- обмен положительным опытом в вопросах развития гражданского общества и демократии в наших странах;
- возможность реализации в дальнейшем совместных социально значимых проектов.

Приложение 1

Набросок общественной активности в России ⁴¹*Игорь Аверкиев*

Анализируя состояние общественной активности в России, трудно оставаться в рамках парадигмы гражданского общества. Если сконцентрировать внимание на эмансипированной, свободной от государственной опеки гражданской деятельности в общественных интересах, то речь будет идти всего о нескольких десятках гражданских организаций и групп, в большинстве своем маргинальных: они не воспринимаются властями и не поддерживаются широкими слоями населения. Процессы, протекающие в этом узком сообществе, в основном московских и петербургских организаций, мало связаны с системообразующими тенденциями российской жизни.

Если же рассуждать в пределах более широкого понятия «некоммерческий сектор России», то в нем можно выделить три основных «отряда»:

1. Уже упомянутые *гражданские организации*. Они появились в 1990-х годах совместными усилиями российской либеральной интеллигенции и западных благотворительных фондов. Это в основном правозащитные, экологические и тому подобные организации, созданные проектно, «из головы» конкретных заинтересованных активистов, в опоре на западную гражданскую повестку дня и культуру. В России же в то время хоть сколько-нибудь массового спроса на такого рода общественную активность не было — страна и народ просто выживали, окупившись в семьях и микрогруппах. Деятельность этих организаций изначально имела «прогрессорский», не укорененный в обществе характер. Население пользовалось их поддержкой, но не присоединялось к ним и не поддерживало их. Деятельность гражданских организаций в России до сих пор не считается «нормальной», не является общепринятой. Их социальная база минимальна, но клиентские группы могут быть очень велики (заклученные, мигранты, малоимущие и т. п.). По сути они действуют в той же патерналистской парадигме, что и российское государство, только с более слабых позиций.

В настоящее время основной тренд — экспертизация. Акторских, активистских организаций в этом «отряде» все меньше, экспертных, исследовательских — все больше. Но общее число гражданских организаций при этом сокращается, особенно в провинции, и освобождающиеся ниши никто не занимает. По форме это уже даже не совсем общественные организации, а скорее некоммерческие конторы, самые продвинутые из них — активистские или экспертные штабы с нанятым персоналом.

2. *Проправительственные общественные организации*, «огосударвленная общественность». Для меня этот «отряд» с очевидностью делится на три группы.

Первая группа — социально-защитные организации. К ним относятся традиционные для СССР/России общественные организации (ветеранские, инвалидные, женские, «детские» и т. п.), создаваемые встречным движением сверху-снизу для защиты и самозащиты интересов конкретных социальных групп. По сути это лоббистские общественные ассоциации, перераспределительные коалиции, конкурирующие друг с другом за бюджетные вливания и прочие виды государственной поддержки. По совместительству они также являются традиционными приводными ремнями государственной политики. Существование таких организаций в современной России естественно и социально оправданно, особенно в тех случаях, когда они объединяют (выступают в защиту) представителей аутсайдерских, социально незащищенных групп населения, чье выживание без государственной поддержки действительно маловероятно, а социальная политика государства слишком отчуждена и волюнтаристична, чтобы можно было обойтись без посредников и перераспределителей господдержки. Между государством и этими социально-защитными организациями складываются классические клиентельные отношения. Патрон помогает клиенту — клиент поддерживает патрона.

Ко второй группе относятся организации государственных активистов. Это новейшие (с начала 2000-х годов) общественно-политические объединения, как правило, молодежные, напрямую созданные государством (всевозможные издания «Наших», «Молодой гвардии», всякие «отряды мэров», губернаторов и т. п.). Сегодня с ними уже почти срослось слово «волонтер». Чем-то организации государственных активистов похожи на своих антиподов — гражданские организации, они такие же проектные, синтетические, однако некоторый латентный,

⁴¹ Материал подготовлен по мотивам выступления автора на дискуссии в Московском Центре Карнеги 26 мая 2010 г. в рамках российско-американской рабочей группы Суркова-Макфола по гражданскому обществу.

недоосознанный спрос социально не уверенной молодежи они все-таки покрывают. Судя по тому, как живут эти организации и чем они занимаются, их государственные создатели вложили в них следующие функции:

- политическая поддержка, продвижение и оправдание режима;
- отвлечение молодежи от «деструктивной протестной активности»;
- организация досуга, структурирование и контроль свободного времени вовлеченной молодежи;
- социализация «неустроенной молодежи» или добротная иллюзия социализации, «покупка востребованностью».

Естественно, жизнь, как всегда, скорректировала проект. С политической поддержкой и с «продвижением режима в народ» молодые государственные активисты, видимо, не очень справляются, зато «досуг» и «социализацию» выжимают из своих организаций по максимуму. Иной раз кажется, что существование этих организаций — сплошной обмен имитациями: власти имитируют востребованность молодежи, молодежь — поддержку властей. Каждый что-то получает, ни во что особенно не вкладываясь.

Третья группа существует на местном уровне. Это органы территориального общественного самоуправления (всевозможные ОТОСы, ТОСы, СТООСы, СТООСМы и т. д.). О них обычно не принято говорить в контексте некоммерческого сектора, общественных организаций, о них вообще не очень принято говорить, они, как правило, находятся на периферии публичной жизни. Зато для местных властей они все чаще становятся основой того, что чиновники называют «общественностью». В большинстве российских городов ОТОСы — это «приписная общественность», «общественность на муниципальном содержании». Органы территориального общественного самоуправления уже без всяких метафор являются приводными ремнями местных администраций и депутатов, они просто находятся у них на службе, но при этом сохраняют имидж «общественности», занимаясь традиционными для России «общественными делами»: дворовым благоустройством, «квартальной социализацией» и организацией досуга малоимущих, прежде всего пожилых, трансляция наверх их жалоб и т. д.

Создавая ОТОСы, местные власти, как правило, опираются на людей с низкими доходами, со свободным временем и с проблемами в социализации. Это обычно пожилые люди, одинокие женщины среднего возраста и т. п. Собственно, власти паразитируют на проблемах этих людей. ОТОСам предоставляется очень небольшой бюджет, но он существенен для тех, у кого пенсии и зарплаты минимальны. А главное — местные власти дают лидерам ОТОСов ощущение все той же востребованности и причастности к «большим делам» (участие в выборных кампаниях, торжественных собраниях и «рабочих совещаниях», «передача на места» властных инициатив, личное знакомство с депутатами, мэрами и т. д.). Многие «отосовцы» реально благодарны властям за поднятую самооценку и искренне готовы служить в указанном направлении.

В итоге ОТОСы превращаются в органы политического отмывания всего, что скажут сверху, в «институты народной легитимации» непопулярных властных инициатив. В последние годы ОТОСы становятся и все более важной частью местных избирательных машин («купил ОТОСы — купил выборы»). Конечно, бывают исключения, но они лишь очень ярко подчеркивают правило. ОТОСы, кстати, весьма напоминают первичные ячейки «корпоративного государства», тоталитарного варианта местного самоуправления, в свое время с успехом использовавшиеся режимами «мягкого фашизма» в Италии, Испании, Португалии.

Может быть, я слишком уж ополчился на ОТОСы. Это связано с недавним пермским инцидентом, когда краевая и городская администрации, протаскивая отмену прямых выборов мэра, попытались полностью заменить общественность ОТОСами, даже не организовав, а симулировав их поголовное согласие со «спасительной для города инициативой».

3. *Низовые общественные инициативы* — народные (в нормальном смысле слова), созданные не «из головы» чиновников или «прогрессоров», а на волне естественного общественного спроса. Люди естественным образом объединяются и действуют в групповых интересах: защита «общественных территорий»; микроэкология; градозащита; низовая благотворительность; сопротивление «реструктуризации и оптимизации» школ, поликлиник, клубов и интернатов; борьба с шумом, «мигалками», переименованием улиц, неприличной рекламой, плохими дорогами и т. д.

В западных странах низовые общественные инициативы называют активностью «на уровне корней травы» (grassroots). И в самом деле, это укорененная общественность, но в России очень молодая. Серьезный ее рост у нас начался только в 2004–2005 гг., и то преимущественно в крупных городах. Только сейчас в этот процесс постепенно втягивается население средних

городов. Когда дело дойдет до малых, трудно сказать. До 2000-х годов такого рода автохтонную, естественную общественную активность олицетворяли разве что «солдатские матери» да «обманутые вкладчики».

Очень важно понимать отличие низовых общественных инициатив от традиционных социально-защитных организаций (ветеранских, инвалидных, женских, молодежных). Последние требуют от государства поддержки, ресурсов, причем материальных — денег, пособий, досуга, привилегий, помещений, увеличения пенсий, зарплат и т. д. Низовые общественные инициативы либо вообще к власти никак не относятся, либо ждут от нее невмешательства или простого соблюдения правил. Если требуют ресурсов, благ, то, как правило, не материальных: большей свободы, соблюдения прав, соблюдения закона или принятия новых законов, справедливого суда и т. д. — «оставьте нас в покое, не мешайте нам жить так, как мы хотим, как привыкли или считаем справедливым». Низовые общественные инициативы, как правило, не регистрируются, сохраняя неформальный статус.

При этом они всегда локальны, прочно привязаны к узким групповым интересам, на традиционный взгляд вполне эгоистичны и даже «шкурны». Так выглядит общественная активность в эпоху «первоначального накопления *общественного* капитала», которая только началась в России, пять-шесть лет назад.

Близки к этому «отряду» по смыслу деятельности и так называемые объединения экономической самоорганизации: садовые и гаражные кооперативы, товарищества собственников жилья, общества взаимного кредитования, общества обманутых вкладчиков, застройщиков, союзы автовладельцев и т. п. Сюда бы я отнес и «новые профсоюзные инициативы». Сходясь вместе для защиты и лучшего управления своими доходами и собственностью, люди в этих объединениях проходят первичную школу гражданского влияния и самоуправления, оттачивают навыки организованной защиты общих интересов. Будучи максимально деидеологизированными и стремясь упрочить свое положение, некоторые объединения экономической самоорганизации пытаются коммерциализироваться или найти опору в государственных и окологосударственных структурах. Попытки этих объединений жить на членские взносы или путем оказания некоммерческих услуг пока малоубедительны, хотя они обречены двигаться в этом направлении.

За бортом этой классификации остались очень многие виды и формы российской некоммерческой деятельности: от сотен тысяч формальных и неформальных досуговых и субкультурных объединений до этнических, религиозных, предпринимательских, профессиональных союзов и обществ. Речь шла лишь о тех «отрядах» общественности, которые могут вызвать интерес с точки зрения традиционной заботы о судьбе гражданского общества в России.

Сегодня много интересного происходит в среде «организованной общественности» — и жизнеутверждающего, и тревожного. Назову некоторые тенденции и особенности.

1. Когда в середине 2000-х годов начался общественный подъем, многим казалось, что началось нормальное, естественное формирование гражданского общества. При этом ожидалось, что низовые инициативы, вполне меркантильные и узкогрупповые на первом этапе, постепенно будут объединяться, создавать сети, организации, выходить на уровень формулирования, продвижения и защиты широких общественных интересов, приобретут гуманитарную и гражданскую составляющую, что постепенно на новой почве создадутся новые правозащитные, экологические, потребительские организации, реальное местное самоуправление, профсоюзы и т. п.

Этого не произошло, по крайней мере пока (а возможно, поезд классического гражданского общества и вовсе ушел). Низовые общественные инициативы, выполнив или не выполнив свои конкретные задачи, либо распадаются, либо так и остаются на атомизированном уровне. Перехода от группового интереса к общественному в массовом порядке не происходит. Непонятно, будут ли создаваться низовые общественные инициативы под традиционные задачи защиты общественных интересов, т. е. будут ли возникать снизу независимые от государства группы и организации, озабоченные защитой прав женщин, мигрантов, заключенных, жертв жестокого обращения, национальных меньшинств, безнадзорных детей и т. д. Заметных симптомов пока нет. Может быть, потому, что соответствующие ниши еще не освобождены старыми гражданскими организациями? А может быть, такой теперь и будет общественность — атомизированной, рассчитывающей на точечное влияние, передоверившей общественные интересы полугосударственным общественным палатам и организациям государственных активистов? Возможно, российское гражданское общество обречено быть полугосударственным и автохтонный большой гражданский стиль так и не возникнет?

2. Уже более или менее очевидно, что основной ячейкой общественной деятельности будет не привычная зарегистрированная членская организация, а неформальная группа и всевозможные столь же неформальные сети (впрочем, эта тенденция справедлива и для западных стран). Плюс небольшое количество «штабных организаций», поддерживающих повестку дня, обеспечивающих преемственность и технологическое обновление общественного влияния.

3. Основной поставщик кадров для низовых общественных инициатив — средний класс (предприниматели, менеджеры, клерки, люди свободных профессий). А государство, гражданские и социально-защитные организации привыкли видеть в качестве своих основных клиентов малоимущих и социально незащищенных сограждан. Хочется как-то приобщиться к низовым общественным инициативам, а как работать с активным средним классом, никто из традиционной общественности толком не знает.

4. Старые гражданские и социально-защитные организации часто действуют на одном поле с новыми низовыми общественными инициативами, но наладить систематическое, эффективное взаимодействие, как правило, не удастся, а часто таких попыток и не предпринимают. Очень велики различия в активистской культуре, в способе принятия решений и т. д.

5. Все чаще гражданским организациям приходится брать на себя функции политической оппозиции. Ниша эта, особенно в провинции, как правило, пустует, поэтому общественное мнение и логика защиты общественных интересов просто выталкивают гражданские организации на это поле, причем без какой-либо общественной поддержки. В итоге разброд и шатания внутри организаций только усиливаются.

6. После перелома и невзгод 1990-х годов в России сложился мощный общенародный консервативный консенсус. Главным модернизатором у нас по-прежнему является государство. При этом гражданские организации, традиционно живущие в либерально-демократической парадигме, модернизационной по сути, так и не смогли найти себе места в российской модернизации (в российской, не государственной). Более того, противостоя полуавторитарному государству, а соответственно и любым его реформам, они по сути присоединились к консервативному консенсусу.

7. Российские гражданские организации не имеют своей общенациональной повестки дня. Их действия почти всегда реактивны, производны от государственных. Если для социально-защитных организаций это естественно и оправданно, то для гражданских, настаивающих на независимости от государства, — как минимум странно. Как паллиатив повестка дня заимствуется у западных коллег. Отсюда странные увлечения «толерантностью», «борьбой с рабством», «ювенальной юстицией» и т. п. на фоне целых залежей острейших местных проблем. Повестки дня могут и должны естественным образом пересекаться (цивилизационная близость России и Запада налицо), но полностью и искусственно заимствовать их не следует.

8. При скрупулезном анализе большой массы низовых общественных инициатив становится очевидно, что подавляющее их большинство, в какой бы сфере они ни реализовывались, настаивает на сохранении статус-кво. «Новые общественники», как правило, выступают против изменений и нововведений, не требуют внедрения новых практик, институтов, правил, а выступают за сохранение старых. Общественные инициативы вроде «синих ведерок» — скорее исключение, чем правило. Конечно, многие нововведения российского государства вредны или бесполезны для рядового потребителя реформ. Однако это не снимает странного и тревожного ощущения от того факта, что современный и все более мощный общественный подъем в России происходит почти исключительно в рамках консервативного выбора.

9. В последние несколько лет много говорится о прессинге, которому российские власти подвергают некоммерческий сектор. Действительно, такой прессинг имеет место, хотя в последнее время он несколько ослабевает. Но при этом надо иметь в виду, что государственное репрессивное давление испытывает на себе не весь некоммерческий сектор, а преимущественно те организации, которые принято называть гражданскими. Это обстоятельство не оправдывает прессинга, иногда действительно перерастающего в репрессию, но уточняет его характер. Власть действительно воспринимает гражданские организации как несистемную оппозицию. Поэтому здесь конфликт не между государством и обществом, а конфликт сугубо политический — между правящим режимом и одной из фракций оппозиции, даже если эта фракция не облачена в классическую политическую форму и оппозицией себя не считает. Соответственно и решаться этот конфликт должен не «общественно», а политически.

Приложение 2

Христианские общины и гражданское общество

*Сергей Филатов*⁴²

Исторически церковная община была основным (или по крайней мере одним из основных) институтов гражданского общества и в Восточной и Западной Европе, и в Америке. Процесс секуляризации постепенно выводил из церковного прихода общественную жизнь, но и сейчас в секуляризованной Европе и тем более в менее секуляризованной Америке церковная община остается одной из важнейших ячеек гражданского общества. До 1917 г. это было в равной степени справедливо и в отношении России.

Полноценная церковная община выполняет широкий спектр социальных функций. В ней обеспечивается психологическая и социальная солидарность ее членов, вырабатывается их позиция не только по узкорелигиозным, но и по широкому кругу общемировоззренческих проблем. В ней в разной степени вовлеченности (от церковных общеобразовательных учебных заведений до воскресных школ, курсов и кружков) обучаются дети и взрослые. Община может выступать в качестве активного самостоятельного члена социума за достижение определенных социальных и политических целей. Развитая церковная община занимается благотворительностью по отношению к людям, не являющимся ее членами. В этой области на Западе она продолжает играть очень существенную роль.

Деятельность общины далеко не ограничивается прямым выполнением задач, поставленных церковным руководством, достижением намеченных им приоритетов. Она формируется в результате воплощения интересов, ценностей и убеждений членов общины, которые обладают определенной самостоятельностью по отношению к официальной позиции церкви. Эта позиция не является прямым отражением религиозности населения и тем более авторитета церковного руководства.

В Русской православной церкви за советские годы был не просто разрушен традиционный уклад религиозной жизни и ее первичной организационной ячейки — прихода, но возник и утвердился тип религиозного поведения, для которого чуждо участие в общинно-приходской жизни. Большинству прихожан личные отношения со священником не нужны: они приходят на богослужения, молятся, участвуют в таинствах, часто при этом посещая несколько разных храмов. Никакой потребности в каких-либо отношениях с остальными членами прихода они не испытывают. Для духовенства такой порядок также стал естественным. Есть верующие, есть священник, есть храм, но собственно общины нет. Этот тип религиозной жизни можно назвать атомизированным: даже практикующие верующие ощущают в лучшем случае необходимость связи со священником, у которого они участвуют в богослужениях и с которым находятся в личных отношениях.

При коммунистах подобное религиозное поведение для большинства верующих и духовенства было единственно возможным, так как ничего больше не разрешалось. На конфликт с властью шли немногие. Сложившиеся нормы стали традицией и глубоко укоренились в церковной жизни. После краха советской власти, когда общинную организацию никто не запрещает, а социальная активность (естественно, если она не противоречит интересам властей) приветствуется, в РПЦ в основном сохраняется атомизированная религиозная жизнь. В большинстве зарегистрированных местных религиозных организаций, строго говоря, общинно-приходской жизни нет. Почти все обязанности по социальному служению (если таковое осуществляется) и организации церковной жизни берет на себя духовенство прихода. Иногда ему помогают несколько прихожан. Тем не менее и такой приход нельзя не считать ячейкой гражданского общества, хотя и слабой. Священнослужители не только духовно окормляют паству, но и влияют своими проповедями и беседами на взгляды прихожан по общественно значимым проблемам, выступают с лекциями и беседами вне храма, убеждают собирать помощь неимущим и т. д.

При Алексии II руководство РПЦ не воспринимало слабость общинной жизни (а зачастую полное ее отсутствие) как острую проблему церковной жизни. В выступлениях патриарха проблема возрождения общины затрагивалась очень редко. Например, выступая на встрече с архиереями Приволжского федерального округа 20 июля 2005 г., он заявил: «Община — это важнейший элемент церковного организма, формирующий отношение человека к Богу, миру и ближним... без укрепления этого основополагающего начала невозможно говорить о

⁴² С. Филатов — кандидат исторических наук, руководитель проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

возрождении полноценной духовной жизни в нашем отечестве» (Журн. Моск. Патриархии. — 2005. — № 9. — С. 21), но это выглядело лишь как теоретическое признание общепринятой в христианском мире нормы, за которым не следовало никаких реальных действий.

Несмотря на безразличие священноначалия и укоренившуюся пассивность мирян, в РПЦ и при Алексии II не были слишком редким исключением случаи развития общинной жизни. Деятельное духовенство, успешно развивающее какие-то проекты в своем приходе, в большей или меньшей степени вовлекало в свою работу помощников-мирян.

С советских времен православные верующие не связывают выбор храма, в котором они участвуют в богослужении, с его территориальной припиской к месту жительства. Выбор храма (и, что важнее, священника) зависит от его авторитета и мировоззрения верующего; впрочем, часто его определяют случайные факторы — рекомендация друзей и родственников, семейная традиция и т. д. В Москве, Петербурге и в меньшей степени в некоторых других крупных городах верующие имеют широкие возможности выбора прихода (вернее, священника) в зависимости от своих убеждений и интересов. И многие этой возможностью пользуются. В результате возникает объединения верующих единомышленников, что способствует сплочению прихода и делает его подлинной ячейкой гражданского общества.

В приходах, где служат наиболее популярные харизматичные священники, привлекающие к себе большое количество верующих, в их пастве вырастают деятельные общины. Находятся люди, берущие на себя по поручению священника различные церковные служения. Рождается актив прихода, который становится основой общинной жизни. В Москве можно упомянуть приходы протоиереев Дмитрия Смирнова, Артемия Владимирова, Владислава Свешникова, Александра Борисова, архимандрита Тихона (Шевкунова). В них осуществляется широкий спектр социальных, образовательных, культурных инициатив и имеется значительное число участников общинно-приходской жизни. Однако своим существованием эти приходы-общины обязаны только большому авторитету пастырей. Харизма пастыря создает общину, он является центром, вокруг которого реализуются все инициативы, на него организационно и психологически завязаны все члены прихода. Уйдет этот священник — и община очень скоро исчезает, ибо она представляет собой не самостоятельный организм, а лишь некое множество людей, персонально связанных с лидером.

Число таких общин априори не может быть значительным. В Москве и Подмосковье это в лучшем случае не более 70 объединений, в Петербурге — до 10, в других епархиях — по несколько приходов. Так что на всю страну наберется по самым оптимистическим оценкам до 200–250 полноценных общин такого рода (из около 14 тыс. зарегистрированных православных приходов).

Однако в провинции, за пределами крупных городов, там, где общественная и культурная жизнь развита в наименьшей степени, медленно, но верно с начала 1990-х годов набирает силу процесс консолидации приходской жизни (и там какие-то особые таланты, в отличие от столиц, от священника не требуются). В провинции церковь оказывается одним из немногих мест (а иногда и единственным), где люди могут проявлять свою социальную активность, обсуждать насущные интересы, равно как и мировоззренческие проблемы. Для детей и молодежи воскресные школы или православные клубы оказываются спасением от тоски и неустроенности. В провинции организованные приходы вырастают медленно, но их благотворное присутствие к нашему времени начинает ощущаться. Внимательный и остроумный наблюдатель российской религиозной жизни американский профессор Ральф Дела Кава отмечает, что среди приходских провинциальных священников-трудяг формируется специфический тип людей, которых он называет пасторалистами. Это те, «...кто сосредоточен на развитии приходской жизни. Модель их пастырской деятельности во многом напоминает в сегодняшней России деятельность ранних лютеран в Америке на северо-западе за Миссисипи и методистов на юго-западе за Аллеганскими горами. Как и протестанты в пограничных зонах, православные пасторалисты — священники с семьями — служат в отдаленных местах; они интересуются местными проблемами и организуют приходы, открывая для местного населения социальные и учебные центры, приюты для брошенных детей и бездомных, выполняя те обязанности, которые советская система, обслуживающая верхушку и не доходившая до простого люда, выполняла в минимальной степени и недоброкачественно». В провинциальной жизни начинают играть заметную роль и некоторые епархиальные инициативы, выходящие за рамки прихода. Одним из наиболее заметных среди них стали повсеместно проводимые региональные чтения. Чтения — это конференции, в которых участвуют духовенство, преподаватели местных вузов, чиновники, общественные деятели. Начинаясь как довольно схоластичные церковные мероприятия, с годами они все

более превращаются в региональные общественные форумы, которых провинции так не хватает, затрагивающие все в большей степени насущные региональные проблемы.

Приход на патриаршество митрополита Кирилла (Гундяева) в 2009 г. сделал перспективы развития приходской активности и вообще участия церкви в развитии гражданского общества более радужными. Целый ряд решений, в том числе о развитии молодежной и социальной работы в приходах, нацелен на развитие общественной активности церкви. Эффект от этих решений, правда, сейчас непредсказуем, так как до сих пор не ставится под вопрос крайне жесткая авторитарная система управления церковным организмом. Она на практике никак не ограничена даже какими-либо уставными, каноническими правилами. Такой порядок сильно подрывает любую социальную активность.

РПЦ с 40-х годов прошлого века была наиболее привилегированной конфессией коммунистического режима. Соответственно и пороки, привнесенные в религиозную жизнь советской властью, поразили ее в наибольшей степени. Ни у какой другой конфессии общинно-приходская жизнь не атрофировалась до такой степени, как у православных. Конвертанты из православия в любые другие вероисповедания указывают одной из первых причин своего перехода отсутствие в РПЦ общинной жизни. Они находят ее и у протестантов, и у католиков, и у старообрядцев.

На интенсивность и характер общинной жизни разных вероисповеданий влияют многие особенности их вероучения и организации церковной жизни, но, пожалуй, до сего дня самым значительным является наличие или отсутствие опыта легального существования при советской власти. Среди других христианских конфессий (помимо РПЦ) наибольшее признание советским режимом права на существование имели баптисты и старообрядцы. Баптисты (я имею в виду легальное объединение — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов) и старообрядцы (в данном случае речь идет о легальных общинах белокриницкого, новозыбковского и поморского согласий) подверглись тем же разрушительным влияниям. Их общинная жизнь ослабла и деформировалась. Но все же традиции и навыки общинно-приходской жизни эти конфессии не потеряли до такой степени, как это произошло с РПЦ. У баптистов традиции безусловно сохранились повсеместно, но до крайности атрофировалось изначально присущее им чувство социальной ответственности, социального служения вне общины, участия в общественно-политической деятельности. В последние два года у старообрядцев белокриницкого согласия (крупнейшей старообрядческой конфессии) происходит решительный поворот к укреплению общинно-приходской жизни и развитию социального служения. Таким образом, у них достало внутренних сил для решительного изживания советского прошлого.

Те вероисповедания, которые имели минимальное признание власти или не имели его вовсе и существовали нелегально или полулегально, наоборот, создали очень крепкие общины, развивавшие внутри себя высокую степень солидарности и различные внутрицерковные инициативы. В данном случае речь в первую очередь идет о баптистах-инициативниках (Совет церквей евангельских христиан-баптистов), нерегистрированном союзе пятидесятников (Союз христиан веры евангельской, «федотовцы», ныне официальное название — Объединенная церковь христиан веры евангельской — пятидесятников) и адвентистах. В постсоветское время развитие этих церквей пошло разными путями. Баптисты-инициативники остались замкнутым, тесно спаянным сообществом, враждебным окружающему светскому миру. Федотовцы и адвентисты, напротив, включились в общественную жизнь. Общины федотовцев активно участвуют в благотворительной деятельности среди неимущих, в больницах, работают с наркоманами и алкоголиками. Заметно их участие и в правозащитной деятельности. В частности, региональные отделения наиболее влиятельной организации в области защиты свободы совести — Международной ассоциации религиозной свободы, как правило, существуют на базе адвентистских приходов.

Остальные христианские конфессии (например, католики, лютеране, большинство пятидесятнических объединений), хотя и сохранили после атеистического погрома 20–60-х годов прошлого века свое присутствие в России, но были столь малочисленны и часто плохо организованы, что на их постперестроечное возрождение опыт существования в советское время не оказывает большого влияния. Основные черты их церковной жизни формируются заново и не отличаются в этом отношении принципиально от тех вероисповеданий, которые утвердились (или утвердились вновь после полного уничтожения, как методисты) в России уже в постсоветское время. Эти вероисповедания отличаются сплоченностью общин и социальным служением внутри и вне церковной ограды. Чемпионы в этом отношении — пятидесятнические объединения.

Пятидесятники в настоящее время наиболее быстро растущее вероисповедание с России. Большинство российских протестантов — пятидесятники. В пятидесятнических церквях велика доля молодежи, бизнесменов и студенчества. Пятидесятнические общины, как правило, осуществляют много церковных инициатив, в которых участвует большинство их членов — это и воскресные школы, и семейные группы, и музыкальные ансамбли, и подростковые клубы, и различные формы взаимопомощи. Но наиболее значительная отличительная черта пятидесятнических общин — это массированная благотворительная деятельность в домах престарелых, детских домах, больницах и т. д. Среди всех этих сфер деятельности, возможно, наиболее впечатляющая — работа с наркоманами и алкоголиками. Пятидесятнические центры реабилитации демонстрируют поразительные результаты в преодолении наркозависимости.

В последние годы власти многих субъектов Федерации ведут дискриминационную политику по отношению к пятидесятникам — лишают их возможности арендовать помещения для богослужений, не выделяют землю под строительство, ограничивают возможности социальной работы. Тем не менее пятидесятники во многих регионах добились чрезвычайно высокого авторитета своей социальной работой, и власти сотрудничают с ними в наиболее кризисных ситуациях. Иногда (по понятным причинам я не называю конкретные места) губернатор преследует пятидесятников, а департамент социальной защиты тайком просит их помочь в детских домах или больницах.

Не только пятидесятники, но и другие протестантские вероисповедания создают сплоченные общины и осуществляют социальное служение, но в сравнении с бурной активностью пятидесятников они выглядят более бледно.

При оценке роли религии в российской жизни следует учитывать, что роль религиозных организаций в становлении гражданского общества гораздо более значительна, чем можно предположить, исходя из показателей религиозности населения. Действительно, практикующих верующих в России мало. Даже среди практикующих православных большинство не участвует в жизни общин. Но по всей стране есть православные монастыри и приходы, ведущие заметную социальную работу, практикующие различные формы солидарности верующих, хотя они и в явном меньшинстве. Действительно, протестантов, католиков, других религиозных меньшинств, для которых общинная жизнь и социальное служение — обычное дело, очень мало. По сравнению с США или даже самыми секуляризованными странами Европы религиозные организации как субъект гражданского общества — величина незначительная. Но на ситуацию следует посмотреть и с другой стороны: за 75 лет советской власти народ в России потерял всякие навыки самоорганизации. И в религиозной сфере положение еще не самое плохое.

Приложение 3

Результаты проведенного в мае 2010 г. Московским Центром Карнеги анкетного опроса экспертов о состоянии гражданского общества и динамике двух последних лет

Отвечая на вопрос об общих сдвигах последних двух лет, большинство опрошенных оценили их как близкие к нулевым или слегка позитивные (табл. 2). Резко негативную оценку дали представители «прессуемого бизнеса» и обманутых дольщиков.

Таблица 2

Оценки экспертов сдвигов за последние два года

Оценка	Количество экспертов
-2	2
-1	—
-0,5	1
0	5
+0,5	1
+1	9

На облегчение условий работы указали занимающиеся противодействием коррупции и контролем за местами исполнения наказаний, некоторые правозащитники. Облегчение связано, в частности, с сокращением непрерывных проверок и налоговых претензий.

Отмечается, что Совет при президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека по-прежнему остается единственной

«дырой» для общения НПО и власти. Представитель иностранного фонда сказал, что стало легче работать с российскими партнерами, так как некоторые из них укрепились и стали профессиональнее.

Те, кто считает, что работать стало тяжелее, в качестве причин отмечают подмену самостоятельных организаций гражданского общества кремлевскими «общественниками»; сокращение ресурсной базы и рост давления со стороны власти. Особенно тяжело стало работать на региональном и местном уровнях, там более демонстративен и контроль ФСБ. Стало труднее работать с властью, которая не столько препятствует, сколько относится с безразличием.

В качестве позитивных изменений/событий последнего времени отмечают:

- рост протестного движения, массовые митинги протеста во Владивостоке и Калининграде (5 экспертов), «Стратегия-31» (1 эксперт);
- возобновление работы Совета при президенте и появление связанных с ним структур, например, комиссии по миграционной политике (5 экспертов);
- активное использование Интернета для консолидации гражданского общества (4 эксперта);
- сетевые кампании: борьба с «мигалками», ГАИ (4 эксперта);
- динамика Общественной палаты как института развития повестки дня для гражданского общества (3 эксперта);
- некоторое облегчение законодательства по НКО (3 эксперта);
- появление новых неформальных групп, в частности, молодежных (2 эксперта);
- реформирование Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, милиции;
- освобождение С. Бахминой, В. Алексаняна;
- общее изменение настроения, присутствующее в широких кругах (высказывания о власти без всякого пиетета, с раздражением; неприятие несправедливости, «классовых» различий);
- смещение государственного исторического дискурса в направлении десталинизации.

В качестве негатива:

- практика преследования участников несанкционированных митингов и демонстраций;
- создание и раскрутка фиктивных организаций гражданского общества;
- действия власти против блогеров;
- выборы октября 2009 г.;
- «чеченские» убийства (Н. Эстемирова, С. Маркелов и др.).

В качестве наиболее развитых сегментов гражданского общества отмечают:

- те, которые замещают государство: благотворительность (5 экспертов), оказание социальных услуг (3 эксперта), НКО в сфере образования (2 эксперта); юридическая помощь по правозащитным вопросам (1 эксперт);
- организации, ориентирующиеся на решение частных проблем, или «общества по интересам»: автомобилистов (5 экспертов), обманутых дольщиков (3 эксперта), «солдатских матерей» (2 эксперта), потребителей (1 эксперт);
- экологические организации (4 эксперта);
- правозащитников (7 экспертов);
- элементы самоорганизации культурного и научного сообщества;
- молодежные организации;
- женские организации;
- проведение флешмобов;
- блогосферу;
- ТСЖ.

К наименее развитым сегментам отнесены:

- те, которые должны работать с государством или выступать посредниками между ним и обществом: правозащитники (6 экспертов), профсоюзы (4 эксперта);
- сегменты, не связанные с государством: ТСЖ, профсоюзы, социальный сектор (2 эксперта);
- часть гражданского общества, занимающаяся защитой граждан от граждан: гражданский контроль негосударственной активности;
- все, что относится к выборам (2 эксперта) и СМИ;
- противодействие национализму/дискриминации, защита меньшинств;
- борьба за гендерную демократию (2 эксперта).

Характерно, что если одни эксперты отнесли правозащиту к наименее развитым сегментам, то другие (при этом судящие со стороны, а не изнутри) — к наиболее развитым; то же относится к ТСЖ.

Главные проблемы:

- отсутствие независимой финансовой базы (4 эксперта);
- фрагментированность (3 эксперта);
- отсутствие независимых СМИ (2 эксперта);
- низкий уровень доверия граждан к власти и друг к другу (2 эксперта);
- беспредметность общественно-политического дискурса и отсутствие диалога между гражданами и государством по обоюдному желанию;
- низкий уровень 1) мотивации гражданского участия; 2) культуры солидарности; 3) институционализации; разобщенность;
- отток лидеров, формировавшихся в 1990-е годы;
- деполитизация; нет политики — нет политической организации, нет политической конкуренции;
- отсутствие развития инициатив в регионах до уровня регулярной деятельности НКО;
- голод на рынке предложений альтернативного развития страны;
- профессионализм, отсутствие институтов, пользующихся доверием как гражданского общества, так и государства;
- маргинализация и деинституционализация вследствие давления спецслужб;
- милиция, суд, прокуратура;
- общественное мнение плохо понимает и плохо принимает гражданское общество.

Предложения, как способствовать более активному и полноценному развитию гражданского общества в стране:

- диалог на всех уровнях при участии властей разных стран и представителей гражданского общества;
- преодоление сектантства в рядах гражданского общества, постоянный диалог «через не хочу» как со структурами власти, так и с обществом;
- создание эффективных и открытых механизмов обмена опытом, идеями, стратегиями в области гражданской мобилизации;
- обеспечение подотчетности органов власти (работа Общественной палаты, федеральные программы, грантовые программы);
- внедрение новых социальных технологий: социального предпринимательства, социального менеджмента, социального партнерства и др.;
- гражданское воспитание, гражданское образование, гражданское просвещение;
- обучение активистов, сотрудников НКО.

Предложения в адрес государства:

- реформа МВД (как на отдельную беду указывают на Управление «Э», занимающееся борьбой с экстремизмом);
- настоящая борьба с коррупцией;
- ослабление контроля за СМИ и Интернетом;
- судебная реформа;
- снятие административных барьеров, препятствующих получению гражданским обществом форм правового статуса;
- изменения в политической системе с восстановлением публичной политической конкуренции включая выборы, разделение властей, отделение бизнеса от власти;
- изменение налоговой системы с уменьшением централизованной части поступлений в пользу более низких уровней и граждан — без этого нет и не может быть чувства налогоплательщика;
- гражданского общества не будет, пока не вернется публичная политика, не появится общественно-политическое пространство, насыщенное настоящей предметной политикой, которое может создаваться как сверху, так и снизу;
- необходимо либо ослабление госконтроля, либо изменение мироощущения людей в сторону гражданской ответственности (взаимосвязанные явления), однако сегодня невозможно ожидать ни того, ни другого.

Хронология

Мария Липман, Николай Петров

В 2008 г. в обществе появилось предчувствие оттепели. Оно возникло в ответ на выдвижение Дмитрия Медведева в преемники, еще до дня общенационального голосования. Как только состоялся «высочайший выбор» и имя Медведева было произнесено, из прошлого всплыло слово «оттепель». Хотя не было недостатка и в скептиках, которые утверждали, что надежды на либерализацию беспочвенны.

Одним из ярких свидетельств новых настроений стала активизация Института современного развития (ИНСОР). Институт возник раньше, чем Медведев стал президентом, его создавали для функции «преемника», а не для конкретного лица, но весной 2008 г. он громко заявил о себе уже как аналитический центр, связанный с президентом.

В этот период глава ИНСОРа Игорь Юргенс раздавал множество интервью, в которых говорил о необходимости существенных перемен и даже создания некоей коалиции, хотя был весьма уклончив относительно того, каким именно силам будет противостоять предлагаемая им коалиция⁴³. Кроме того, ни в какой момент не было ясности, говорит Юргенс от собственного имени и от имени единомышленников по ИНСОРу или имеет некие полномочия (пусть тайные) от нового президента, который, по всей видимости, должен был бы такую «коалицию за реформы» возглавить. Не было определенности и в том, работает ИНСОР по заказу главы государства, подготавливая для него эскиз предстоящих реформ, или просто занимается исследованиями и разработками в либеральном направлении, т. е. в соответствии с идеологическими предпочтениями своих экспертов.

Ответы на эти вопросы так и не были получены, что укрепляло позиции скептиков. Те, кто предпочитал верить в возможность либерализации, постепенно втянулись в политику взаимных «подмигиваний»: президенту как будто подавали сигнал: мы тут, если действительно начнете либерализацию, мы поддержим. И президент вроде бы подавал похожий сигнал: я всамделишный либерал, поверьте на слово и поддержите.

Надежды на либерализацию питались целой серией заявлений нового президента, который особенно подчеркивал необходимость укрепления правового государства, а также сделал ряд символических шагов вроде интервью оппозиционной «Новой газете». Разумеется, Владимир Путин в период своего президентства тоже не раз высказывался по поводу «свободной страны свободных людей» и т. п., но его либеральные заявления к тому времени были щедро разбавлены «мочением в сортире», «обрезаниями», «жеванием соплей» и, наконец, угрожающими заявлениями в адрес «шакалящих у посольств», прозвучавшими в начале 2008 г., совсем незадолго до передачи власти Медведеву. К тому же за два путинских срока его политика вошла в глубокое противоречие с разговорами о законности и свободе. Так что, подобно тому как Путин выигрывал на контрасте с Ельциным (молодой и спортивный против стареющего и больного), Медведев в глазах определенной части россиян выигрывал — пусть и не в такой степени — на контрасте с Путиным.

Сигналы, которые при желании можно было интерпретировать в пользу «оттепели», звучали, в частности, в инаугурационной речи Медведева, в которой он объявил, что приоритетной задачей на новой должности считает «дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых гражданских возможностей». Те же сигналы можно было увидеть в содержании его первых указов⁴⁴.

Но в августе 2008 г. разразилась грузинская война, а вслед за ней Россию всерьез настиг финансовый кризис, и Медведев из президента перемен и либерализации превратился в президента войны и кризиса. Кроме того, дальнейшее развитие событий неизменно свидетельствовало о том, что, занимая главную должность в стране, Медведев остается младшим партнером в тандеме, а главным лицом, принимающим решения, остается Путин.

⁴³ Игорь Юргенс: «Только Путин может выкупить время у кланов» // The New Times. — 2008. — 7 июля.

⁴⁴ Среди первых указов Медведева помимо общих шагов, направленных на «улучшение жизни людей» (в частности, федерального закона, предусматривающего улучшение жилищных условий ветеранов до мая 2010 г.), был указ «О мерах по развитию жилищного строительства», создание Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, в котором сделан упор на развитие индивидуального жилого строительства и в дальнейшем формирование рынка доступного жилья и расширение земель для индивидуальной застройки. В инновационном указе «О федеральных университетах» новый президент поручил правительству рассмотреть вопрос о создании Дальневосточного федерального университета вдобавок к с уже созданным Сибирскому и Южному федеральным университетам. В целях либерализации бизнеса был издан указ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» (его цель — перейти к преимущественно уведомительному порядку при создании бизнеса, сократить количество разрешительных документов и т. п.).

Вплоть до осени 2008 г. общество в целом было настроено мирно и благодушно — этому способствовали высокая и растущая цена на нефть (в июле она достигла рекордной отметки 147 долл. за баррель), повышение жизненного уровня, крепнущая уверенность, что Россия «встает с колен». Особенно поднял настроение выход России в полуфинал чемпионата Европы по футболу в июне и победа в скоротечной войне с Грузией в августе.

Но с углублением кризиса эти настроения стали понемногу меняться. Кризис серьезно поколебал уверенность российского руководства. Можно предположить, что ощущение стабильности режима, сложившееся к концу второго срока Путина, сыграло роль в выборе политической конфигурации на период после 2008 г. и передаче формальных полномочий Медведеву (цель передачи полномочий — другой вопрос, который мы здесь не рассматриваем). Раздвоение центра власти уже само по себе создавало неизбежные риски, но в обстановке общего благополучия они представлялись приемлемыми. Настигший страну кризис неожиданно удвоил эти риски, создавая почву для общественного недовольства, усугубляя угрозу оппозиционных групп, которой ранее пренебрегали, и пр. В декабре, когда цена на нефть упала до 40 долл. за баррель, уверенность окончательно уступила место растерянности и нервозности. В сфере взаимодействия с обществом это особенно наглядно проявилось в реакции на уличные протесты в Приморье в декабре 2008 г.

Если приход Медведева ознаменовался надеждами на либерализацию, то острый экономический кризис вызвал ожидания «закручивания гаек». События декабря 2008 г. в Приморье, казалось бы, указывали на сдвиг именно в этом направлении. Тем не менее, когда стало ясно, что кризис не угрожает немедленным коллапсом, власти немного пришли в себя, и политика в отношении общества оказалась более разнообразной и диверсифицированной.

В отношении слабой и зависимой части населения, которая составляет основную электоральную опору режима, осуществляется политика социальной поддержки (повышение пенсий, выделение щедрых трансфертов слабым регионам и т. п.) и тем самым покупка лояльности. Та же политика проводилась и раньше, но вопреки ожиданиям не изменилась при сокращении ресурсов. Однако ограниченность ресурсов в ряде случаев вынуждала делать выбор: кому сохранить содержание, а кому сократить. Характерный пример — поддержка АвтоВАЗа и принесение в жертву интересов дальневосточников (повышение импортных пошлин, сокращение импорта автомобилей). АвтоВАЗ более важен в электоральном отношении и к тому же расположен в густонаселенной части страны; если бы на заводе прошли радикальные сокращения и возникла значительная концентрация безработных, социальный протест представлял бы большую опасность, чем во Владивостоке. Искусственное ограничение безработицы (прокурорский контроль за количеством увольнений) — мера антирыночная, но в социальном отношении гуманная и политически выигрышная. Еще один шаг того же рода — снижение коммунальных тарифов после неудачной попытки их повысить вкупе с популистским окриком в адрес тех губернаторов, которые взвинтили тарифы «сверх необходимого».

Вместе с сохранением важнейшего политического ресурса власти — контролем за телевизионным освещением новостей, главным элементом которого является установка на безальтернативность власти, — эти меры позволили сохранить спокойствие основной массы российского населения. Некоторый рост недовольства (в основном латентного) и отдельные протестные акции не нарушили привычное унастроение россиян: «от нас ничего не зависит», «от перемен будет только хуже», статус-кво — предпочтительный сценарий.

Политика либеральных сигналов, ориентированная на продвинутые элиты, возобновилась через некоторое время после окончания войны в Грузии. В январе 2009 г. был отпущен из тюрьмы под залог Василий Алексанян (впоследствии его дело было прекращено), в апреле 2009 г. — освобождена Светлана Бахмина, в сентябре 2009 г. на сайте «Газета.Ru» появилась статья Медведева «Вперед, Россия». 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, был опубликован видеоблог Медведева с осуждением сталинизма. В рамках политики привлечения продвинутых, критически настроенных элит встречи президента с главными редакторами СМИ приобрели более доброжелательный характер. По сравнению с Путиным Медведев создает атмосферу большей доверительности и взаимопонимания (по словам одного из участников таких встреч, «он не страшный»). По свидетельству членов Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, на встречах с ними Медведев внимательно их выслушивает и даже берет на себя некоторые обязательства, которые, впрочем, ему не всегда удается выполнить. По крайней мере, до ухода Эллы Памфиловой с поста главы Совета его участникам удавалось добиться некоторых результатов, хотя эффект от их работы все-таки не слишком значителен.

Диалог, который Медведев как будто поддерживает с продвинутой частью общества, — это общение с минимумом обратной связи. Даже в тех случаях, когда власть как будто меняет решение под давлением общества (сбор подписей с требованием отпустить Бахмину, многочисленные протесты против содержания в тюремных условиях тяжело больного Алексаняна), она стремится к тому, чтобы это не выглядело как уступка. Механизмов согласования интересов, достижения компромисса с обществом как не было, так и нет. Любые «уступки» подаются как собственное решение власти, по возможности «тихое» (именно так, к примеру, было обставлено освобождение Бахминой). Из всех случаев последних лет ⁴⁵ власть лишь однажды — в случае «Химкинского леса» (сентябрь 2010 г.) объяснила свои действия влиянием общественного мнения.

Политическая система остается без изменений; «политические пакеты» Медведева носят в лучшем случае косметический, в худшем случае ничтожный характер. При этом сделаны некоторые послабления: можно говорить об известном расширении свободы высказывания (допускается чуть-чуть легкомысленный тон в адрес Путина и Медведева на федеральных каналах — новогоднее шоу с участием кукольных Путина и Медведева в декабре 2009 г., юмористические передачи «Мульти Личности», «Прожекторперисхилтон»). Кризис создает стимул для более серьезных дискуссий (а не просто критики) по поводу политического/экономического курса, обсуждения докладов ИНСОРа привлекают многочисленных участников, независимых экспертов (экономистов) регулярно приглашают в правительство для консультаций по поводу антикризисных мер. При стремительном развитии Интернета и увеличении числа пользователей виртуальное пространство играет все более важную роль в распространении новостей и трансляции настроений, среди которых особенно выделяется неприязнь к милиции и возмущение безнаказанностью чиновников. Даже с учетом скрытого вмешательства в интернет-дискуссию кремлевских «наемных авторов» можно говорить о большей словесной вольности (см. раздел «Интернет» на с. 13).

Между тем в отношении свободы собраний и в целом политической активности уровень нетерпимости не только не падает, но даже усугубляется (меры против «Стратегии-31» в Москве и Петербурге, против «Дней гнева»). Даже акция в поддержку Сергея Мохнаткина в августе 2010 г., несмотря на скромное число участников (не более десятка человек), проходила в плотном окружении милицейских автобусов и не обошлась без задержаний.

Вместе с тем период правления тандема отмечен рядом прогрессивных реформ, в том числе военной, которая во избежание недовольства и публичной критики проводится тайно (по сообщениям прессы, в ноябре 2008 г. на уровне начальника Генштаба принято решение вообще не разглашать планы реформы). При этом даже критически настроенные эксперты считают, что на сей раз реформа Вооруженных сил движется в правильном направлении.

Успешно осуществлен переход к единому государственному экзамену (ЕГЭ), на основе которого ведется прием в подавляющее большинство российских вузов. Несмотря на упорное сопротивление (ректорского лобби, части школьных учителей и общественности, главным образом родителей), с 2009 г. ЕГЭ распространен на всю страну. В мае Верховный суд поставил последнюю точку в общественных разногласиях, подтвердив законность ЕГЭ как формы государственной аттестации для получающих среднее образование. При этом введение ЕГЭ — редкий пример реформы, осуществленной в интересах общества. Хотя само население не поддерживает переход к ЕГЭ ⁴⁶.

Был принят ряд решений (законодательных и административных), направленных на реформу ФСИН, проведение которой активизировалось после смерти Сергея Магнитского.

Ниже приведена социохронология со вступления в должность президента Медведева до августа 2010 г.

2008 г.

Июнь. Принятие закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», который стал первым шагом в сторону большей открытости пенитенциарной системы. Впоследствии в регионах были сформированы общественные наблюдательные комиссии, а с начала 2010 г. началось масштабное внутреннее реформирование системы исполнения наказаний.

⁴⁵ См., например: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1493419>.

⁴⁶ Согласно опросам Левада-Центра, проведенным в 2009 г., большинство населения отрицательно относилось к такой форме аттестации и приема в вузы. См.: Россияне о ЕГЭ: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2009. — 18 мая (<http://www.levada.ru/press/2009051802.html>). Тем не менее не просматривается никакой группы, которая бы нагрела руки на этой реформе.

Общественные слушания в Петербурге по поводу проекта «Охта-центра» вылились в скандал: на противников проекта оказывали давление, согнанная «массовка» изображала сторонников строительства и т. д. Противостояние между «Газпромом» и общественностью Петербурга, защищающей исторический облик города, разворачивалось еще в 2007 г. и летом 2010-го вступило в новую фазу (см. врезку «Охта-центр»).

«Охта-центр»

Проект сооружения на берегу Невы в Петербурге «Охта-центра» существует с 2006 г. Он включает в себя офисное здание, музей, концертный зал и пр. Конфликт связан с так называемой «башней Газпрома». Планируемое высотное здание, входящее в комплекс «Охта-центра», должно превысить 400 м в высоту. Петербургская общественность восстала против проекта, утверждая, что башня такой высоты нарушает архитектурный ансамбль города, а проталкивание проекта происходит с грубыми нарушениями закона. Данное противостояние является собой редчайший случай в современной России, когда общественные силы успешно (пока) держат оборону против мощнейшей государственной монополии. В 2007 г. горожане собрали более 10 тыс. подписей против строительства. В октябре 2009 г. митинг против постройки башни собрал от 2 до 3 тыс. человек. В противостоянии петербуржцев с «Газпромом» участвует администрация Петербурга (на стороне «Газпрома»), журналисты, деятели культуры и искусства, политики и государственные ведомства (с обеих сторон). Свою кампанию против проекта башни ведут архитекторы. Отдельное решение по этому поводу, укрепляющее позицию противников башни, вынес Конституционный суд. На стороне общественности активно выступает ЮНЕСКО.

Сражение с «Газпромом» сопровождалось войной опросов: социологическим данным, согласно которым большинство жителей Петербурга не хотят, чтобы башня была построена, защитники проекта противопоставляли свои данные, свидетельствующие об обратном. Многочисленные попытки противников башни разрешить конфликт с помощью референдума неизменно оканчивались неудачей: референдум так и не был разрешен. В 2009–2010 гг. продолжалась тяжба по иску противников проекта; был вынесен целый ряд судебных решений. В августе 2010 г. городской суд Петербурга фактически подтвердил законность решения, принятого городским правительством о строительстве 400-метровой башни. Попытка кассации оказалась неудачной.

Свое слово в борьбе петербуржцев с «Газпромом» сказали и оба российских лидера: оба оговорились, что решение за местными властями, но Медведев высказался уклончиво, но против (он как будто поддержал позицию ЮНЕСКО в защиту исторического облика Петербурга от высотного здания⁴⁷), а Путин как будто неохотно, но за («Такое здание городу точно не повредит»⁴⁸). Единственным исполнительным органом власти, который последовательно, решительно и, главное, открыто выступал против газпромовского небоскреба, стала Росохранкультура, находящаяся в ведении Министерства культуры. В октябре 2009 г. министр культуры Александр Авдеев направил в прокуратуру заключение о том, что разрешение строить 400-метровую башню выдано в нарушение закона. 18 августа 2010 г. газета «Коммерсантъ» сообщила⁴⁹, что Путин подписал письмо о ликвидации Росохранкультуры и передаче ее функций министерству, причем инициатива премьера совпала по времени с обсуждением проекта «Охта-центра» Комитетом всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако вскоре последовало разъяснение президентской администрации о том, что такой вопрос президентом не рассматривался и решения на эту тему нет.

Успех общественного движения против газпромовского небоскреба (даже если исторический облик города отстоять не удастся, все равно столь долгую оборону можно будет считать успехом) в большой степени связан с редкой в России общественной солидарностью, которая отличает петербуржцев, по крайней мере в том, что касается облика их города. В отличие от жителей Москвы и других крупных городов их объединяет гордое чувство, что они живут в самом красивом городе страны, с уникальным для России архитектурным ансамблем. Важно отметить, что борьба против башни «Газпрома» совершенно бескорыстна — люди борются не за свое жилье, а за сохранение городской среды. В Москве было несколько эпизодов крайне острых протестов (Южное Бутово, «Речник») против планов застройки, но их участники боролись за свою собственность. В столице практически невозможно представить себе столь массовое и упорное сопротивление каким бы то ни было архитектурным проектам, хотя поводов для возмущения (и противозаконных действий, связанных со сносом и перестройкой исторических зданий) более чем достаточно и протестные акции происходят постоянно. Среди недавних московских конфликтов, связанных с городской застройкой, можно назвать снос исторического здания на улице Бахрушина в Кадашах и скандал вокруг Генерального плана развития Москвы до 2025 г., но накал борьбы и, главное, вовлеченность массы горожан в противостояние с властями ни в том, ни в другом случаях не сопоставимы с питерскими. Излишне говорить,

⁴⁷ Пушкарская А. «Охта-центру» велели не высываться // Коммерсантъ. — 2010. — 21 мая (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1372474>).

⁴⁸ Путин сомневается, что место для строительства «Газпром-Сити» выбрано правильно // ИА REGNUM. — 2007. — 1 февр. (<http://www.regnum.ru/news/775927.html>).

⁴⁹ Пушкарская А. Культуре вменяют охрану // Коммерсантъ. — 2010. — 18 авг.

что в обоих случаях попытки общественного протеста окончились полной неудачей: дом в Кадашах снесли, Генплан приняли.

Июль. *Постановление правительства о радикальном сокращении перечня международных организаций, гранты которых подпадают под налоговые льготы*⁵⁰. Это решение не только затруднило работу многих организаций, но и оказалось абсолютно неприемлемым для тех из них, кто по уставу не может отчислять часть грантовых средств в государственные бюджеты. Одним (как Фонду Макаруров) впоследствии удалось добиться льготного статуса, другие (как Фонд Форда) ушли из страны, закрыв офис. Собственно, этого правительство и добивалось.

Август. *Война в Грузии.* Череда конфликтов и кризисов в отношениях между Россией и Грузией в августе привела к полномасштабной войне. Быстрая победа в значительной степени воспринималась как триумф над единственной мировой сверхдержавой США, чему способствовала яростная антиамериканская кампания на федеральных телеканалах. Даже среди тех, кто известен критическим отношением к режиму, нашлось немного безоговорочно осудивших действия российского правительства. Среди политических сил также наблюдалось полное единодушие. Единственной партией, осудившей действия России, стал Союз правых сил. К этому времени СПС уже и так находился в плачевном положении — и политическом, и финансовом. Вскоре после негативного заявления по поводу войны с Грузией партия прекратила существование (см. врезку «Война в Грузии»).

Война в Грузии

Напряжение между Россией и Грузией возникло вскоре после прихода к власти Михаила Саакашвили и было связано с его твердо прозападным политическим курсом и главным образом стремлением сделать Грузию членом НАТО. В воздушном пространстве Грузии периодически появлялись военные самолеты — по утверждению Грузии, российские, но Россия всякий раз это категорически отрицала. Кризисы и конфликты постоянно сопровождали российско-грузинские отношения. Среди них: запрет на импорт в Россию грузинских вин и минеральной воды; арест в Грузии российских военнослужащих, которые, по утверждению грузинских властей, занимались шпионажем; закрытие границ, отмена почтового и транспортного сообщения между Россией и Грузией. К этому можно добавить оскорбительное заявление члена правительства Грузии насчет питейных предпочтений россиян и неприкрыто ксенофобскую антигрузинскую кампанию в России: антигрузинские заявления главы Миграционной службы Константина Ромодановского, антигрузинские телевизионные передачи о «грузинском криминале», депортации нелегальных иммигрантов, причем под горячую руку попадали и те, у кого документы были в порядке. При депортации были человеческие жертвы.

Официальная ксенофобия тут же вылилась в бытовую: было объявлено об инициативе по выявлению грузинских детей в московских школах, которая, по счастью, была быстро пресечена московскими властями. Несмотря на традиционно тесные культурные связи с Грузией (грузинские кухня, музыка, кино, театр были неотъемлемой частью российской жизни в советский период), в общественном представлении грузины мгновенно превратились во врагов. Согласно опросам, проведенным Левада-Центром в июне 2008 г., Грузия воспринималась как одно из наиболее враждебных России государств. По степени «враждебности» Грузия опередила даже США и Украину, с которой в тот момент отношения тоже были весьма напряженные. 20% респондентов соглашались с тем, что грузин не следовало бы «пускать в Россию»⁵¹. На государственном уровне открыто ксенофобские заявления в последнее десятилетие звучали всего дважды: во время конфликта в Кондопоге (тогда из уст Путина прозвучало словосочетание «коренной товаропроизводитель», которое было истолковано как призыв делить людей именно по этническому признаку на «наших» и «не наших») и в отношении грузин. Следует отдать должное властям: в обоих случаях ксенофобские кампании сверху были вскоре свернуты. В момент начала войны в Грузии власть неоднократно призывала российское население не распространять отношения между странами на отношения между людьми.

⁵⁰ Из списка, состоявшего ранее из 101 организации, исчезли все крупные частные фонды (Фонд Форда, Фонд Макаруров, фонд «Charity Aid Foundation» (CAF), фонд «Евразия» (США), Всемирный фонд дикой природы (Швейцария), Международный фонд защиты животных (Великобритания), Международная федерация обществ Красного Креста (Швейцария), Глобальный фонд по борьбе со СПИДом (Швейцария), Лондонское королевское общество (Великобритания) и др.), осталось лишь 12 межправительственных объединений. Новый перечень международных организаций, гранты которых освобождаются от налога на прибыль в размере 24%, включает Комиссию европейских сообществ, Совет государств Балтийского моря, Совет министров северных стран, Международное агентство по атомной энергии, Организацию черноморского экономического сотрудничества, Европейский фонд по поддержке совместного производства и распространения кинематографических и аудиовизуальных произведений, Объединенный институт ядерных исследований, а также несколько программ по линии ООН.

⁵¹ Российско-грузинский конфликт: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2008. — 11 авг. (<http://www.levada.ru/press/2008081102.html>).

Война в Грузии вызвала в России редкое единодушие, можно даже говорить о национальном подъеме (именно в это время лозунг «Россия встает с колен» зазвучал особенно громко. Даже среди прозападнически настроенных критиков государственной политики лишь очень немногие осудили решение России об использовании военной силы в конфликте с Грузией. При этом конкретной критики было немало, особенно после одностороннего признания независимости Южной Осетии и Абхазии. Критики обращали внимание на то, что поспешное и одностороннее признание независимости этих территорий неизбежно будет иметь негативные внешнеполитические последствия для России, также критически оценивалась собственно военная операция — выяснилось, что и в эту войну, как и в чеченскую, у России не хватало боеготовых сил и средств для оперативного развертывания (в этой связи отмечалось применение стратегического бомбардировщика вместо более легкой, тактической авиации). С крайним неодобрением критики восприняли интервью с лидером Южной Осетии Эдуардом Кокойты и другими руководителями данной территории, свидетельствующими о безответственности и лживости этих политиков и т. д.

В преддверии войны и в особенности во время и в первый период после нее в прессе, подконтрольной государству, резко усилилась антиамериканская риторика, подстегиваемая аналогичной истерией в американском (и отчасти европейском) истеблишменте, а также в публикациях многих западных колумнистов. Война августа 2008 г. во многом воспринималась как противостояние с США, и то, что военные действия быстро завершились российской победой, в глазах многих россиян выглядело как победа над единственной мировой супердержавой. Ощущение национального подъема, которое возникло благодаря недавним успехам в футболе, получило мощнейший стимул. Война вызвала дальнейшее повышение и без того высокого рейтинга обоих лидеров, хотя и незначительное (июль-август: Путин — с 80% до 83%, Медведев — с 70% до 73%⁵²).

Триумфальное настроение, впрочем, довольно быстро сошло на нет, поскольку как раз в это время (в конце 2008 г.) и власти, и граждане явственно ощутили воздействие финансового кризиса.

Кампания за освобождение Бахминой. В октябре 2008 — апреле 2009 г. на сайте <http://bakhmina.ru> проводился сбор подписей под обращением к президенту с просьбой помиловать юриста ЮКОСа Светлану Бахмину, осужденную в 2006 г. на семь лет лишения свободы. 23 октября 2008 г. обращение с 60 тыс. подписей было передано в приемную Медведева. Всего было собрано 96 028 подписей. Главным аргументом было то, что Бахмина уже провела несколько лет в заключении, в отрыве от двоих малолетних детей, и находится на седьмом месяце беременности. К ходатайствующим присоединилась и Общественная палата. Лишь спустя полгода после начала общественной кампании, в апреле 2009 г., когда Бахмина уже родила в заключении, суд удовлетворил ходатайство ее адвокатов и постановил условно-досрочно освободить ее.

Сентябрь. *«Дело Чичваркина».* Против владельца «Евросети» Евгения Чичваркина было возбуждено дело по обвинению в похищении человека (этот эпизод имел место пятью годами ранее: в 2003 г. речь шла о насильственном удержании и давлении на сотрудника компании, который был уличен службой безопасности «Евросети» в краже сотовых телефонов; дело было вскоре мирно улажено). Столь сомнительные основания для преследования заставляли предположить (и эти подозрения вскоре подтвердились), что истинной целью является захват весьма успешного бизнеса Чичваркина. Для защиты своих интересов Чичваркин попытался использовать политические методы, возглавив в ноябре (еще незарегистрированное) московское отделение партии «Правое дело», но вскоре отказался от борьбы и вылетел в Лондон. В январе 2009 г. было вынесено решение о его заочном аресте, в июне сделан запрос об экстрадиции Чичваркина из Великобритании (см. также разделы «Взаимоотношения "бизнес — общество"», с. 27, и «Интернет», с. 13).

Октябрь. *День народного гнева*, прошедший в десятках городов с участием левых и социальных движений. В Москве на Триумфальной площади собралось порядка 200 человек: активисты «Левого фронта», «Авангарда красной молодежи» (АКМ), «Обороны», «Соцпрофа», РКРП-РПК, «Союза коммунистической молодежи», «Союза зеленых России», движений «Вперед», «Смена», «Объединенного гражданского фронта» (ОГФ), представители инициативных групп граждан — борцы с точечной застройкой, защитники Химкинского леса и др.

Клубы «Единой России». Создание антикризисных штабов в регионах и рабочих групп ЕР: по работе с трудящимися и профсоюзными организациями, по офисным служащим, по защите прав вкладчиков и дольщиков, по работе с пенсионерами и ветеранами, по работе с молодежью. Начало активной дискуссии по мерам борьбы с кризисом на площадках трех партийных клубов ЕР: социально-консервативного (координатор — Андрей Исаев), либерально-консервативного (координатор — Владимир Плигин) и государственно-патриотического (координатор — Ирина Яровая).

⁵² Августовские рейтинги одобрения и доверия: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2008. — 20 авг. (<http://www.levada.ru/press/2008082002.html>).

Региональные выборы. В очередной единый день голосования в пяти субъектах Федерации избирали региональные парламенты, в четырех региональных центрах (Вологде, Магадане, Ставрополе, Хабаровске) — мэров. В десятках регионов проходили дополнительные выборы (например, Романа Абрамовича в чукотский парламент) и выборы органов местного самоуправления. Всего в 77 регионах, где проходили какие-либо выборы, прошли шесть с половиной тысяч выборных кампаний разного уровня.

Отличительной особенностью выборов стало исключение непарламентских партий уже на этапе регистрации и фактический переход на четырехпартийную систему в составе партий, представленных в Госдуме. Главным инструментом отсекающих неугодных на этапе регистрации стали высокие барьеры в виде денежного залога или собираемых подписей. Выборы, к участию в которых не была допущена ни одна демократическая партия, стали частью стратегии Кремля по зачистке политического поля и, в частности, по подталкиванию «правых» партий, прежде всего СПС, к объединению в рамках нового кремлевского «правого проекта».

Видеоблог Медведева в День памяти жертв политических репрессий (см. врезку «Десталинизация сверху: третий заход»).

Десталинизация сверху: третий заход

1 сентября 2009 г., в день 70-летия начала Второй мировой войны, возникла волна антипольских публикаций и телепередач. Она вскоре схлынула, и инициатива, заявленная как противодействие фальсификации истории в ущерб интересам России, фактически ограничилась созданием комиссии с соответствующим названием, деятельность которой оказалась более чем скромной. Аналогичные комиссии, созданные в регионах, тоже не проявили большой активности.

Можно предположить, что и антипольские публикации, и комиссия были частью «упреждающего удара» — в ожидании неприятных напоминаний о пакте Молотова-Риббентропа, разделе Польши и пр. Уже в октябре 2009 г. появился видеоблог Дмитрия Медведева, посвященный Дню памяти жертв политических репрессий и осуждающий преступления сталинизма⁵³. В начале 2010 г. Владимир Путин пригласил премьер-министра Польши Дональда Туска вместе почтить память катынских жертв — как польских, так и советских, причем об этом приглашении публично сообщалось заранее. Приглашение было принято, и два премьера вместе преклонили колени в память о жертвах сталинского режима.

Почти сразу после церемонии над российской территорией потерпел крушение самолет с польским президентом и членами его делегации. Оба российских лидера выразили глубокое сочувствие и всячески старались оказать содействие польской стороне и родственникам погибших. Их усилия были оценены и польским руководством, и многими поляками. Примечательно, что фильм Анджея Вайды «Катынь», который до этого фактически был запрещен к показу в России, был продемонстрирован на канале «Культура» перед торжественной церемонией, в которой участвовали Путин и Туск. После трагической гибели польской делегации фильм был продемонстрирован еще раз, но уже на общенациональном канале «Россия-1». Демонстрация сочувствия и доброй воли этим не ограничилась: на сайте государственного архива были опубликованы документы о катынских расстрелах, которые вызвали небывалый интерес у аудитории — за короткий срок на сайте было зарегистрировано около 2 млн посещений. (Впрочем, в том, что касается памяти о Катыни, у доброй воли пока есть существенное ограничение: польской стороне так и не была передана значительная часть документов катынского дела, а сами расстрелянные поляки по-прежнему не признаны жертвами политических репрессий и тем самым не подлежат реабилитации.) В преддверии 65-й годовщины победы был окончательно решен вопрос о портретах Сталина, которыми столичные власти намеревались украсить город: портреты вывешены не были.

В 2010 г. окончание Второй мировой войны впервые было включено в официальный список памятных дат. В сентябре эта дата была официально отмечена в России. В сентябре же было сообщено о передаче польской стороне еще 20 томов катынского дела в дополнение к 67, переданным в мае (процесс передачи этих документов начался несколько лет назад, но затем прокуратора неожиданно заявила, что остальные документы переданы не будут, поскольку содержащиеся в них документы засекречены).

Новая волна «десталинизации сверху» бесконечно уступает по мощи двум предыдущим — хрущевской и горбачевской и, по всей видимости, ориентирована в большей мере «на экспорт», чем на внутреннее потребление. Российские власти явно не хотят выглядеть поклонниками или защитниками Сталина в глазах мировой общественности. Нынешнюю «десталинизацию» можно воспринимать в контексте разворота в сторону Запада, отмеченного в 2010 г. и продиктованного экономической целесообразностью. Косвенным подтверждением «экспортного» характера нынешней «десталинизации» является обсуждение темы исторической памяти и смежных вопросов на валдайской встрече политологов и журналистов⁵⁴.

⁵³ Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах: Новая видеозапись в блоге Дмитрия Медведева в День памяти жертв политических репрессий [30 октября 2009 г.] // <http://news.kremlin.ru/news/5862>.

⁵⁴ <http://www.rg.ru/2010/09/03/klub.html>.

Выступая с признанием и осуждением сталинских преступлений, российские правители действуют «по собственному почину»; их заявления звучат так, словно никто до них не выступал с осуждением сталинизма. Общественные организации, такие как общество «Мемориал», а также отдельные лица — историки, журналисты, общественные деятели, которые долгие годы занимаются сбором документов и исследованиями сталинизма, — по-прежнему маргинализированы. Их деятельность не пользуется широким общественным признанием, а иной раз сталкивается с административными препятствиями (в отдельных случаях — и с преследованиями, например, в Архангельске было возбуждено уголовное дело против историка Михаила Супруна, который занимался историей репрессий в отношении этнических российских немцев, а также судьбой немецких военнопленных на русском Севере). Как и в случае с другими общественными организациями, власть внимательно следит за тем, чтобы деятельность «Мемориала», который широко известен за рубежом и даже выдвигался на Нобелевскую премию, не имела широкого резонанса. Так, активистам «Мемориала» не препятствуют в проведении памятных мероприятий у Соловецкого камня на Лубянской площади в Москве (в последние годы 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, там в течение долгих часов читают имена жертв сталинского террора), но их инициатива по сооружению в столице мемориала на протяжении многих лет остается без ответа.

Общественное мнение по вопросу о сталинских преступлениях противоречиво: большинство знает о погубленных миллионах и считает, что в России в результате государственного террора уничтожено больше людей, чем где бы то ни было, но те, кто на этом основании склонен считать Сталина преступником, — в меньшинстве ⁵⁵.

И совсем мало определенности по конкретным историческим эпизодам. В частности, в августе 2010 г. около половины респондентов заявили, что ничего не знают о пакте Молотова-Риббентропа, а из тех, кто все-таки знает о нем, в полтора раза больше тех, кто его поддерживает ⁵⁶.

Нынешняя власть может использовать десталинизацию как подспорье во внешней политике и экономике, но в отличие от Хрущева и Горбачева сегодняшние руководители России стараются не особенно педалировать тему Сталина во внутренней политике. Они не превозносят его, а если в последнее время и осуждают, то лишь изредка, от случая к случаю. В нынешних условиях интеллектуальной свободы всякий волен думать, как ему нравится, — ненавидеть Сталина или почитать его; никому не возбраняется писать диссертации и книги о сталинизме и сотрудничать с зарубежными учеными; неправительственные организации, пусть с некоторыми ограничениями, могут вести работу по установлению исторических фактов и увековечению памяти о жертвах и палачах. Но власть следит за тем, чтобы подобная деятельность, как и всякая общественная инициатива, хотя бы отчасти связанная с политикой, ни в коем случае не превращалась в широкую гражданскую активность и не могла стать альтернативным центром общественной организации. Наиболее принципиальное ограничение нынешней «десталинизации сверху» — это категорический отказ от обсуждения сталинизма как модели государственного устройства, основанной на государственном патернализме и тотальном подавлении общественных сил. Хотя сегодняшняя Россия бесконечно свободнее, а государство несравненно мягче, чем при Сталине, принципиальная установка на государственный патернализм сохраняется, а потому истинная десталинизация остается невозможной.

Ноябрь. *Выбор официальной позиции по поводу кризиса.* На заседании Госсовета был представлен доклад, в котором власть признала торможение экономического роста и наличие экономического кризиса в стране. Но несмотря на это, а также на неудержимое падение цен на нефть, столь же неудержимый отток инвестиций из России и фактический банковский кризис, даже при том, что правительство уже принимало экстренные меры и тратило на борьбу с кризисом огромные средства, еще в декабре в телевизионном разговоре с народом премьер Путин упоминал только «мировой кризис». Говоря об отечественной экономике, он подчеркивал, что никакие планы правительства пересмотрены не будут.

Дело Магнитского. Сергей Магнитский, юрист, чьими услугами пользовался инвестиционный фонд «Hermitage Capital Management», был арестован по обвинению в том, что помог главе

⁵⁵ По опросам, проведенным Левада-Центром в августе 2007 г., 42% полагали, что количество жертв политических репрессий 1937–1938 гг. составляет от миллиона до десятков миллионов. 72% россиян считают эти репрессии «политическим преступлением, которому не может быть оправдания» и лишь 9% считают их «исторически оправданной политической необходимостью». При сравнении сталинского террора с аналогичными режимами в других странах (в гитлеровской Германии, в Камбодже при Пол Поте, при Мао Дзэдуне в Китае и т. д.) Сталину отдают «пальму первенства» более половины наших соотечественников; для сравнения: за Пол Пота и Мао «голосуют» 3% и 2% соответственно. См.: Репрессии 1937–1938 годов: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2007. — 30 окт. (<http://www.levada.ru/press/2007103001.html>). Но при этом в феврале-марте 2010 г. лишь 32% согласились считать Сталина преступником, а 50% сказали, что не согласны с такой оценкой. См.: Россияне о Сталине: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 5 марта (<http://www.levada.ru/press/2010030507.html>). В конце марта более половины респондентов общенациональной выборки сказали, что положительно или безразлично относятся к идее установить памятник Сталину к 65-летию победы, и лишь чуть более трети (36%) отнеслись к этой идее отрицательно. См.: Кто за памятник Сталину? Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 26 марта (<http://www.levada.ru/press/2010032601.html>).

⁵⁶ <http://www.levada.ru/press/2010083011.html>.

фонда Уильяму Браудеру уклониться от уплаты налогов. Арест был, по всей видимости, акцией устрашения, Магнитского хотели вынудить отказаться от прежних свидетельских показаний. Незадолго до ареста он утверждал, что сотрудники МВД использовали документы, ранее изъятые у «Hermitage», для осуществления преступных схем, имевших целью незаконный возврат налогов на сумму 5,4 млрд руб. (фактически он уличал сотрудников силового ведомства в злоупотреблении полномочиями для хищения государственных средств). В тюрьме одной из форм давления на Магнитского стал отказ в надлежащей медицинской помощи. В ноябре 2009 г., после 11 месяцев предварительного заключения, Магнитский скончался. В начале сентября 2010 г. глава Следственного комитета при Генеральной прокуратуре Александр Бастрыкин официально заявил, что пока Магнитский находился под следствием, к нему не применялись никакие противозаконные методы воздействия, а его смерть не связана с действиями тех, кто осуществлял уголовное преследование (см. врезку «Дело Магнитского»).

Дело Магнитского

Смерть в тюрьме юриста Сергея Магнитского в результате отказа ему в необходимой медицинской помощи вызвала большой общественный резонанс. Имеются исключительно веские причины полагать, что физическое давление, фактически пытки, которым был подвергнут Магнитский, имели целью добиться от него отказа от показаний, изобличавших сотрудников МВД в осуществлении мошеннических схем. Широкая огласка обстоятельств гибели Магнитского повлекла за собой по меньшей мере два серьезных следствия. Первое — было объявление о серии увольнений (впрочем, давно готовившихся) в Федеральной службе исполнения наказаний: многие сотрудники ФСИН, в том числе и очень высокопоставленные, были отстранены от должностей в целом ряде регионов. Второе — активизировалась реформа ФСИН, «медведевский» этап которой можно отсчитывать с июньского указа (см. выше). Были приняты поправки, направленные на ограничение произвола правоохранительной системы в отношении бизнеса. Одна из важнейших поправок предполагает, что подозреваемые в экономических преступлениях в ходе следствия не должны находиться под стражей, могут быть выпущены под залог, домашний арест или подписку о невыезде. В начале 2010 г. назначенный Медведева министр юстиции Александр Коновалов заявил: «...Тот разбор полетов или раздача “наград”, которые произошли в декабре прошлого года, увольнение целого ряда крупнейших руководителей системы ФСИН — это первый ответ на возникшую проблему»⁵⁷.

Между тем предложенные Медведевым меры встретили жесткое противодействие со стороны правоохранительной системы: по словам Ольги Романовой, активистки неправительственной организации «Бизнес Солидарность», «...следователи, прокуроры и судьи практически всей страны дружно проигнорировали вступление в силу “медведевских” поправок. И это сошло им с рук». В частности, поправка о смягчении меры пресечения была демонстративно проигнорирована в отношении Ходорковского и Лебедева. Что касается расследования причин смерти Магнитского, то вопреки свидетельствам его адвокатов и коллег, а также данным независимого расследования общественных наблюдателей, глава Следственного комитета при Генеральной прокуратуре официально заявил в сентябре 2010 г., что нет оснований связывать смерть Магнитского с действиями должностных лиц, осуществлявших его уголовное преследование, как нет и данных, подтверждающих незаконность привлечения Магнитского к уголовной ответственности или применения противозаконных методов в период, когда он находился под стражей⁵⁸.

Политический пакет-1, оглашенный Дмитрием Медведевым в президентском послании 2008 г., вскоре был реализован. Вошедшие в него инициативы в лучшем случае представляли собой декоративные изменения системы: к их числу относятся, например, «утешительные» места (одно-два) в Госдуме для политических партий, которые немного недотянули до семипроцентного порога. В худшем же случае — это продолжение линии на ужесточение системы вроде отказа от избирательного залога при регистрации. Двумя исключениями стали увеличение срока полномочий президента и Госдумы, продиктованное высшими конъюнктурными соображениями, и требование, чтобы кандидат, выдвигаемый в Совет Федерации, имел депутатский мандат — муниципальный или региональный. Последнее положение вступает в силу с 2011 г. и, по-видимому, призвано усилить контроль функционеров «Единой России» над формированием Совета Федерации. Несколько измененный при Медведеве порядок назначения губернаторов или, точнее, выдвижения их кандидатур (не полномочным представителем, как раньше, а партией, имеющей большинство в соответствующем региональном парламенте), тоже ничего принципиально не меняет, скорее лишь узаконивает ведущую роль Путина как лидера «Единой России».

⁵⁷ Интервью Александра Коновалова радиостанции «Эхо Москвы» 20 января 2010 г. (<http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/649178-echo>).

⁵⁸ Ямшанов Б. Непосредственная жизнь // Рос. газ. — 2010. — 7 сент. (<http://www.rg.ru/2010/09/07/skp.html>).

Зверское нападение на журналиста Бекетова. В издававшейся им «Химкинской правде» Михаил Бекетов публиковал критические статьи о местной администрации и ситуации вокруг Химкинского леса (см. врезку «Битва за Химкинский лес»). Ранее Бекетову не раз угрожали, на него совершались нападения, но в ноябре нападавшие явно намеревались окончательно избавиться от журналиста. Бекетов чудом выжил, провел в больнице полтора года и вернулся домой тяжелым инвалидом. Виновные в нападении не найдены.

Битва за Химкинский лес

В истории с Химкинским лесом в тугой клубок сплелось множество проблем. Их разнообразие и продолжительность развития конфликта делают его весьма показательным для современного состояния взаимоотношений власти и общества.

Идея строительства новой скоростной трассы между Москвой и Петербургом обсуждается с 2004 г. Это первый проект частно-государственного партнерства с участием западных инвесторов, в том числе Европейского банка реконструкции и развития и Европейского инвестиционного банка, а также французских компаний. Тогда же появился план объезда прилегающего к Москве города Химки через уникальный для ближнего Подмосковья лес, состоящий из столетних дубов, а также через верховое клюквенное болото – водосбор реки Клязьмы. Против выступал Рослесхоз (до 2006 г., когда это ведомство по решению властей, которое вызвало существенные разногласия даже среди органов власти, прекратило свое существование). В поддержку строительства высказывались областные и местные власти, которые рассчитывали, что близкие им бизнес-структуры займутся коммерческим использованием широкой полосы территории, прилегающей к дороге. В реализации проекта заинтересованы также аэропорт «Шереметьево», поскольку в результате строительства дороги через Химкинский лес улучшится доступ к аэропорту, базирующийся там «Аэрофлот» и – через них – министр транспорта Игорь Левитин. С точки зрения госкомпании «Автодор» плюсом была легкость согласования земельных отводов (на федеральном же уровне).

Против этих могучих сил выступили местные жители, для которых Химкинский лес был единственным островком природы в окружающем их мегаполисе. Созданное ими неформальное движение «Экологическая оборона Московской области» («Экооборона») собрало в июне 2010 г. свыше 20 тыс. подписей под обращением к руководству страны о защите леса. Также был проведен ряд митингов в защиту леса и создан сайт <http://www.ecmo.ru>. Статьи в защиту леса публиковались в местной оппозиционной газете «Химкинская правда», которую издавал журналист Михаил Бекетов. Местных жителей поддержали Мосгордума, Департамент природопользования и охраны окружающей среды правительства Москвы, КПРФ и «Яблоко». Общественные слушания в феврале 2008 г., собравшие около 500 жителей, были закрыты властями сразу, как только началась дискуссия. Одновременно происходил нажим на активистов. У Бекетова была взорвана машина, потом, в ноябре 2008 г., он был жестоко избит, чудом выжил и остался тяжелым инвалидом.

Общественная кампания в защиту Химкинского леса достигла пика на выборах мэра Химок в марте 2009 г. Участвовавшая в них Евгения Чирикова, лидер движения «Экооборона» и незарегистрированного «Движения в защиту Химкинского леса», заняла третье место с 15,5% голосов. При этом незадолго до выборов действующий мэр Владимир Стрельченко предпринял маневр, отменив свое распоряжение № 357-Р о прокладке участка платной дороги через Химкинский лес. Одержав победу на выборах, он снова стал активно продвигать строительство. Вскоре суд отменил и распоряжение губернатора Московской области Бориса Громова о вырубке трехкилометровой полосы вдоль трассы. В ходе кампании Чирикову пытались снять с выборов, но она была восстановлена судом. Поддержку ей оказывал Олег Митволь, бывший тогда заместителем главы Росприроднадзора и проводивший собственную активную имиджевую кампанию.

Участие западных инвесторов (а это свыше двух третей всего финансирования) оказалось под вопросом после того, как «зеленые» разъяснили им ситуацию. Проиграв в судах, могучее строительное лобби предприняло ряд важных шагов по легитимации своего проекта. Сначала они добились исключения из Лесного кодекса ст. 86, категорически запрещавшей перевод природных лесных парков в другие категории земель. Затем в ноябре 2009 г. Владимир Путин подписал распоряжение № 1642, переводившее участки земли в центре Химкинского лесопарка в категорию земель для транспорта. Попытка оспорить это распоряжение в Верховном суде оказалась безрезультатной, и защитники леса обратились в Европейский суд по правам человека.

На этом этапе «Гринпис» и российское отделение Всемирного фонда дикой природы обратились к потенциальным западным инвесторам. По инициативе европейских «зеленых» Европарламент принял резолюцию, предупреждающую европейских инвесторов о недопустимости участия в проекте. С предостережением в адрес участвующей в проекте французской компании обратилась и сенатор, бывший министр окружающей среды и регионального развития Франции Доминик Вуане. Поднимался вопрос о Химкинском лесу и на встрече президента Медведева в Париже с представителями деловых кругов России и Франции в марте 2010 г. Тогда один из французских бизнесменов сказал, что ЕБРР пока отказывается в финансировании строительства дороги, так как «обеспокоен вырубкой 14 столетних дубов». «Я постараюсь разобраться, есть ли какие-то возможности для того, чтобы помочь этому проекту и поспособствовать принятию соответствующего решения по линии Европейского банка

реконструкции и развития. — ответил Медведев. — А насчет дубов не знаю. Дубы, конечно, жалко, но вопрос в том, когда они были посажены и представляют ли они интерес. Но хорошо, что ЕБРР занимается российской экологией. Мы поработаем над этой темой... Я попрошу своих помощников — вот они уже там записывают — разобраться в этой проблеме». Эколого-социальный консультативный совет ЕБРР в начале июля рекомендовал банку отказаться от участия в проекте по причине вырубки леса.

Между тем партия «дороги через лес» пошла ва-банк. Не дожидаясь официального начала строительства трассы «Москва — Петербург», она начала вырубать деревья — еще не под дорогу, но под малоэтажное жилищное строительство. Защитники леса буквально грудью встали на пути вырубки, и на какое-то работы были приостановлены. Потом на подмогу «дорожникам» пришла толпа молодчиков из числа скинхедов и футбольных фанатов со скрытыми платками лицами. Местная милиция либо не вмешивалась, либо действовала в интересах строителей. Борьба сторон с переменным успехом продолжалась пару недель, пока конфликт не принял другую, более опасную форму. Вечером 28 июля группа из примерно 200 радикально настроенных молодых людей, приехав из Москвы на электричке, совершила погром городской администрации Химок. Скандируя «Трассу в обход!» и «Защитим русский лес!», они прошли маршем от железнодорожной станции до здания администрации, побили в нем окна, закидали дымовыми шашками и расписали граффити, после чего уехали из города на электричке. В тот же вечер защитников Химкинского леса, которые сразу же заявили о непричастности к погрому, задержали в лесу, где они продолжали мирную акцию протеста против вырубки. Причина задержания — нарушение правил проведения митингов. Экологов выпустили под утро.

Диалог с общественниками и изменения трассы дороги были бы, наверное, возможны, если бы не коррупционная составляющая. Из-за нее у власти появилось много дополнительных обязательств, и она предпочла продать свое первоначальное решение, что способствовало эскалации конфликта, его политизации и переводу из локальных в общенациональные.

После того как в Москве 22 августа прошел вынужденно «молчаливый» митинг в защиту Химкинского леса, в котором приняли участие известные музыканты (Юрий Шевчук, Михаил Борзыкин и др.), а также после встречи лидера группы U2 Боно с президентом Медведевым и демонстративной поддержки Шевчука со стороны Боно Медведев в видеоблоге распорядился приостановить строительство дороги и провести новые общественные и экспертные обсуждения. Любопытно, что сделано это было якобы с подачи «Единой России», которая за несколько часов до видеообращения президента обратилась к нему с аналогичным призывом. После этого подмосковные власти вместе с «Нашими» срочно собрали в Химках подписи в поддержку строительства дороги и провели постановочные «общественные слушания» (в действительности, как показал специально проведенный опрос⁵⁹, большинство жителей Химок выступает против строительства дороги через лес). В пользу строительства дороги наряду с «Автодором» и властями Московской области неожиданно высказался и мэр Москвы Юрий Лужков. Однако из Кремля последовало разъяснение, что в качестве площадки для дискуссии избрана Общественная палата, а все остальные выражают лишь частные мнения. Заседание Общественной палаты не внесло определенности в вопрос о строительстве дороги.

Серия бандитских нападений на лидеров общественно-профсоюзных движений: директора института «Коллективное действие» Карин Клеман (октябрь-ноябрь), председателя профкома завода «Форд» Алексея Этманова (ноябрь), лидера обманутых дольщиков Подмоскovie Сергея Федотова (ноябрь) и др.

Декабрь. *Массовые протесты в дальневосточных регионах* против решения правительства о повышении пошлин на ввозимые иномарки. Во Владивостоке, где этот и ряд других ранее введенных запретов (на экспорт леса и др.) оставил без работы значительную часть населения, протесты были особенно массовыми, а требования включали отставку губернатора и премьера. Особенно жестко была разогнана акция 21 декабря: более 60 человек были задержаны и избиты ОМОНом, присланным из Подмоскovie. Федеральные телеканалы игнорировали эти события. Протестное движение привело к возникновению независимого объединения граждан под названием ТИГР (Товарищество инициативных граждан России).

Никита Белых утвержден в должности губернатора Кировской области. Ранее Белых, политик из либерального лагеря, ушел с поста лидера Союза правых сил и принял участие в создании оппозиционного движения «Солидарность». Его согласие на выдвижение в губернаторы (кандидатуру Белых выдвинул президент Медведев) вызвало резкое осуждение товарищей по «Солидарности». Но впоследствии они смягчили свою позицию, а Мария Гайдар даже стала работать в администрации кировского губернатора. Назначение Белых стало единственным кадровым решением, когда губернатором назначен политик из рядов оппозиции.

Уфедительная конференция «Солидарности» в Москве. Ее предвараля проведенные в октябрь-ноябре региональные конференции демократических сил: в Воронеже, Томске, Ярославле, Липецке, Перми, Владимире, Челябинске, Екатеринбурге, Москве. Несмотря на усилия

⁵⁹ Проблема сохранения Химкинского леса: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 15 сент. (<http://www.levada.ru/press/2010091501.html>).

организаторов (Гарри Каспарова, Владимира Милова, Бориса Немцова, Ильи Яшина и др.), создание широкого движения демократической оппозиции, какой когда-то была «Демократическая Россия», не состоялось.

2009 г.

Январь. *Массовые акции протеста* против ухудшения социально-экономической ситуации и роста налогов, прокатившиеся по десяткам регионов. «Единая Россия» организовала ответные мероприятия в поддержку отечественного автопрома и антикризисных мер правительства. Особенно массовой стала всероссийская акция в поддержку антикризисных мер правительства 31 января. «Митинги лояльности» прошли в Москве, Абакане, Астрахани, Владивостоке, Владимире, Волгограде, Воронеже, Грозном, Екатеринбурге, Иванове, Казани, Калуге, Курске, Мурманске, Новгороде, Оренбурге, Пензе, Петропавловске-Камчатском, Пскове, Рязани, Самаре, Томске и Хабаровске. Они собирали по 1000–1500 человек. В Горно-Алтайске, Кургане, Магадане, Великом Новгороде, Пскове, Ростове-на-Дону, Улан-Удэ и Южно-Сахалинске в митинге приняли участие по 200–500 человек.

Очередной скандал, связанный с незаконным отстрелом в горах Алтая архаров, занесенных в «Красную книгу», группой высокопоставленных чиновников во главе с представителем президента в Госдуме Александром Косопкиным. Вертолет с охотниками разбился, некоторые чиновники включая Косопкина погибли. Уголовное дело под давлением экологов и алтайских общественников было возбуждено в апреле 2009 г., а в августе его тихо закрыли, поскольку, по заявлению Следственного комитета, «выжившие не совершали противоправных действий».

Убийство в Москве адвоката Маркелова и журналистки Бабуровой на выходе с пресс-конференции. Станислав Маркелов — адвокат-правозащитник, близкий к левым политическим кругам и активный участник антифашистского движения. Анастасия Бабурова — журналистка, участвовавшая в анархистском и антифашистском движении. По делу об их убийстве были арестованы два члена националистической организации «Русский образ». В июле 2010 г. им предъявили обвинение.

Проведение первого «Дня несогласных» 31 января. Участники требовали защиты конституционных прав граждан, свободы собраний (ст. 31 Конституции) и отставки правительства Путина, которое проводит неэффективные антикризисные меры. В митинге в Москве участвовали ОГФ, лимоновцы (национал-большевики), «Смена», «Оборона», АКМ, Союз советских офицеров и другие организации. КПРФ параллельно провела всероссийскую акцию протеста против роста цен и тарифов ЖКХ и за недопущение массовой безработицы.

Февраль. *Встреча обновленного президентского Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека с Дмитрием Медведевым.* По мнению части членов совета, новый президент с большим вниманием, чем его предшественник, относится к проблематике прав человека и в целом к поднимаемым ими вопросам.

В Москву для участия во втором процессе доставлены Ходорковский и Лебедев (см. врезку «Второй процесс Ходорковского и Лебедева»).

Второй процесс Ходорковского и Лебедева

В феврале 2009 г. Михаил Ходорковский и Платон Лебедев были доставлены в Москву, чтобы вновь предстать перед судом по новым обвинениям. Процесс открылся в начале марта. Многочисленные обозреватели и эксперты сразу заявили, что обвинения полностью абсурдны: речь шла о похищении всей добытой ЮКОСом нефти, притом что по итогам первого процесса Ходорковский и Лебедев обвинялись, в частности, в уклонении от уплаты налогов, связанных с их предпринимательской деятельностью. Выходило, что они получили доход, на который были начислены налоги. Но если вся нефть была украдена, т. е. доходы были получены тайно, на что же тогда начислялись налоги? В любом случае речь шла о том, что их снова судят за ту же самую деятельность, только в первый раз ее считали противозаконной по одной причине, а во второй раз — по другой.

Абсурдность обвинений усугублялась поистине кафкианской атмосферой процесса: в течение долгих недель обвинение зачитывало документ за документом, допуская при этом грубые процедурные нарушения. Защита дежурным образом предъявляла претензии, которые суд неукоснительно отвергал. В дальнейшем, когда обвинение дочитало все документы, инициатива перешла к подсудимым и защите. И сами Ходорковский и Лебедев, и вызванные защитой свидетели убедительно и подробно разъясняли абсурдность обвинений и давали показания в пользу подсудимых. Показания высокопоставленных государственных чиновников также не поддерживали версию обвинения. Однако как на начальной, так и на последующих стадиях процесса было совершенно очевидно, что суть не в содержании происходящего, а в том, что инициаторы суда не заинтересованы в его окончании. Ходорковский заявил в августе 2010 г. в интервью журналу «Spiegel»: «В моем деле суд вообще мало что решает». «...Окончательное решение моей дальнейшей судьбы еще не принято... Система боится

моего выхода на свободу, — сказал он в том же интервью. — С другой стороны, дальнейшее содержание меня в тюрьме тоже дискомфортно для репутации власти».

За те полтора года, что идет процесс, Ходорковский дал множество интервью и написал целый ряд статей. Его переписка с Людмилой Улицкой была опубликована в журнале «Знамя». Власть не возражает против публичных выступлений Ходорковского; судебный процесс полностью открыт, все желающие могут присутствовать на любом заседании. Несмотря на это, общественное мнение по поводу Ходорковского и Лебедева за это время не слишком изменилось: большинство не сомневается, что власть оказывает давление на суд, еще больше единодушия в вопросе о том, кому на пользу пошли банкротство и распродажа ЮКОСа — «группе бизнесменов, приближенных к власти, и самим чиновникам». Тем не менее сочувствие к Ходорковскому и Лебедеву испытывают относительно немногие. В начале 2010 г. 25% сказали, что освободили бы Ходорковского и Лебедева, если бы это зависело от них, а 35% не стали бы этого делать. Относительное большинство (40%) предпочло воздержаться от ответа⁶⁰. 70% россиян (по состоянию на апрель 2010 г.) не следят за процессом⁶¹. В конце октября 2010 г. обвинение потребовало для Ходорковского и Лебедева наказания в виде 14 лет лишения свободы.

Публичный конфликт губернатора Мурманской области Юрия Евдокимова с местной «Единой Россией». Конфликт перешел в острую фазу, когда Евдокимов поддержал своего вице-губернатора на выборах мэра Мурманска, притом что ЕР поддержала инкубента. Кандидат губернатора в марте выиграл, а самого губернатора после этого отправили в отставку. В 2010 г. по инициативе ЕР в Мурманске приняли модель назначаемого сити-менеджера вместо прямо избираемого мэра. Ослабление Центра в ситуации экономического кризиса сопровождалось целым рядом демаршей со стороны глав регионов, причем последние апеллировали к гражданам и «угрожали» плебисцитами. Наиболее заметны были выступление московского мэра Юрия Лужкова за возвращение прямых выборов глав (ноябрь 2008 г.), президента Татарстана Минтимера Шаймиева против полной унификации учебных программ (ноябрь 2008 г.), депутатов Тувы за согласование с республикой федеральных назначенцев (февраль 2009 г.) и против навязывания кандидатуры сенатора от региона (май 2009 г.), башкирского президента Муртазы Рахимова против тотального управления из Центра (июнь 2009 г.).

Европейский суд по правам человека вынес решение по делу судьи Мосгорсуда Кудешкиной, признав, что лишение ее в 2004 г. судейских полномочий было незаконным. Ольгу Кудешкину лишили судейского статуса после ряда заявлений в СМИ, которые она сделала во время своей (неудачной) предвыборной кампании в Госдуму. В частности, она утверждала, что председатель Мосгорсуда Ольга Егорова оказывала на нее давление, требуя принять «нужное» решение по делу, которое затрагивало серьезные политические интересы (дело фирмы «Три кита»). Среди прочего Кудешкина заявляла, что Мосгорсуд «превратился в институт сведения политических, коммерческих и иных счетов». Попытки обжаловать решение о лишении судейских полномочий в отечественных судах оказались безуспешными.

Обращение в Европейский суд все чаще становится единственным способом добиться справедливости для российских граждан. Россия — рекордсмен по количеству заявлений в этот суд от граждан, жалующихся на противозаконные действия и неправосудные решения в собственной стране (33 550 дел в 2009 г.; 28,1% всех поступивших жалоб).

Март. *Встреча Дмитрия Медведева с представителями «первой сотни» кадрового резерва президента.* Эта сотня состоит из четырех групп: представителей федеральных органов власти (36 человек), региональных органов власти (23 человека), бизнеса (31 человек) и кандидатов от науки, образования и общественных организаций (10 человек). Список составлялся кулуарно анонимными «известными и авторитетными экспертами», каждый из которых мог предложить до 11 кандидатур: по три в трех первых категориях и две в последней. Критерии отбора: возраст 25–50 лет, наличие высшего образования, успешность, управленческие способности, стратегическое мышление, профессионализм, общественное признание (репутация). Единственным представителем «общественных организаций» стала Елена Дьякова, член Общественной палаты, председатель Уральского окружного отделения Медиасоюза — «карманного» профсоюза СМИ.

Весенние выборы в региональные legislatures прошли относительно честно, особенно по сравнению с предыдущими, в октябре 2008 г. Возникшие в этой связи оптимистические ожидания не оправдались: улучшение практик не сопровождалось изменениями законодательства, и уже осенью, решив, что кризис миновал, власть отыграла назад (см. подраздел «Демонтаж выборов», с. 18, в разделе «Российское общество и его взаимоотношения с властью»).

⁶⁰ Россияне о деле ЮКОСа и процессе над Ходорковским и Лебедевым: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 10 марта (<http://www.levada.ru/press/2010031001.html>).

⁶¹ Россияне о деле ЮКОСа и процессе над Ходорковским и Лебедевым: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 27 апр. (<http://www.levada.ru/press/2010042701.html>).

Апрель. *Преступление Евсюкова.* Денис Евсюков, начальник отдела внутренних дел одного из районов Москвы, открыл огонь в супермаркете. Два человека были убиты, семеро ранены. После этого был стремительно отправлен в отставку глава московского ГУВД Владимир Пронин, которому до этого удавалось усидеть в своем кресле, несмотря на множество скандальных эпизодов в московской милиции. В феврале 2010 г. Евсюков был приговорен к пожизненному заключению. После истории с Евсюковым в СМИ стали регулярно появляться сообщения об эпизодах милицейского насилия (см. врезку «Кампания против злоупотреблений в МВД и реформа милиции»).

Кампания против злоупотреблений в МВД и реформа милиции

Кампания берет начало в апреле 2009 г., когда начальник отдела внутренних дел московского района Царицыно майор Денис Евсюков в состоянии алкогольного опьянения открыл огонь в столичном супермаркете «Остров». Два человека скончались, семеро были ранены. Результат: возбуждено общество, снят многолетний начальник московской милиции генерал Владимир Пронин.

Начиная с осени скандалы вокруг милиционеров-преступников пошли один за другим. В октябре в Омской области лейтенант милиции из ревности застрелил подругу и приятеля и покончил жизнь самоубийством, в Туве с разрывом в один день инспектор ГИБДД застрелил 17-летнего подростка, а пьяный сотрудник оперативно-розыскной части отдела по борьбе с экономическими преступлениями расстрелял двух сотрудников ГИБДД. Эти трагические происшествия стоили места главе республиканского МВД Виктору Лесняку. Еще одного регионального начальника МВД — в Бурятии — в это же время сняли по результатам расследования случаев масштабной контрабанды, в которую он был вовлечен на предыдущем месте службы.

В октябре 2009 г. в Перми местные активисты инициировали общественную кампанию «За капитальный ремонт милиции». Кампания была заявлена как российская, но не получила особого резонанса ни в регионе, ни тем более за его пределами. Текст заявления «Мы — за капитальный ремонт милиции», помещенный на сайте кампании (<http://www.mvdremont.ru>), подписали по состоянию на август 2010 г. менее 3 тыс. человек.

В ноябре Алексей Дымовский, майор милиции из Новороссийска, опубликовал в Интернете видеообращение к премьеру Путину. Первой реакцией милицейского ведомства помимо увольнения Дымовского и возбуждения против него уголовного дела было заявление об «иностранном следе». В качестве довода приводилось то, что в «деле Дымовского» активное участие принимают «так называемые региональные правозащитные организации, в частности “Новороссийской городской комитет по правам человека” получивший грант от “Южного регионального ресурсного центра”, издательская деятельность которого финансируется, в том числе, Агентством США по международному развитию (USAID)»⁶². Другие конспирологические версии: дискредитация МВД со стороны ФСБ, борьба за место главы МВД, а также подготовка самой властью общественного мнения к масштабной реформе МВД.

Вслед за обращением Дымовского пошел целый вал видеообращений сотрудников МВД к руководителям страны: из Москвы, Коми, других регионов. После перерыва на новогодние праздники кампания продолжилась. В Томске в январе после издевательств в медвытрезвителе скончался известный журналист. За каждым скандалом вскрывалась целая череда аналогичных дел в разных регионах. Получило огласку множество фактов злоупотреблений, коррупции и даже преступности в рядах милиции.

1 февраля журнал 2010 г. «The New Times» опубликовал интервью с бойцами ОМОНа московского ГУВД, где они жаловались на нарушения со стороны начальства и невыносимые условия труда. Согласно этому материалу сотрудники отряда «Зубр» силой захватывали трудовых мигрантов и заставляли их бесплатно работать на дачах руководителей МВД, в частности, первого заместителя министра внутренних дел Михаила Суходольского.

Дмитрий Медведев, который в декабре подписал указ о реформе милиции, жестко выступил на коллегии Министерства внутренних дел в феврале 2010 г. и распорядился об увольнении 17 высокопоставленных сотрудников МВД в Москве и регионах (правда, часть из них уже была отстранена от должности, а часть уходила на пенсию по выслуге лет).

Наконец, в августе 2010 г. на общественное обсуждение был представлен законопроект «О полиции» (идея переименовать милицию в полицию появилась по предложению президента в самый последний момент). К основным недостаткам законопроекта, имеющим системную природу, можно отнести саму идею реформирования гигантского неэффективного и коррумпированного ведомства изнутри — его собственными силами, а также полное отсутствие механизмов действенного общественного контроля (как парламентского, так и непарламентского) за милицией-полицией.

Анализ более чем годичной бурной кампании позволяет сделать ряд выводов. Кампания проходила в основном в виртуальном пространстве и имела явные черты срежиссированности — регулярно подбрасывались новые информационные поводы, она была сфокусирована на скандалах и избегала серьезных содержательных обсуждений, главным образом причин нынешнего состояния

⁶² См., например: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/11/09/n_1422834.shtml.

правоохранительной системы. Отсутствовали диалог между властью и обществом, механизмы взаимодействия, конструктивная постановка проблем, их обсуждение и решение. При этом никак не проявил себя и декоративный Общественный совет при МВД (не путать с советом при ГУВД Москвы, который занимался «Стратегией-31»), в состав которого входит 60 человек во главе с поэтом-песенником Ильей Резником, равно как и многочисленные общественные советы на местах, сформированные самим ведомством абсолютно в советской стилистике⁶³.

«Общественное» обсуждение проекта по существу оказалось формальностью: несмотря на многочисленные негативные отклики экспертов, даже вполне лояльных власти (в частности, Ассоциация юристов России заявила, что проект нуждается в серьезной доработке и предложила перенести вступление закона в силу с 1 января 2011 г. на полгода⁶⁴), в сентябре Медведев подвел итог, сказав, что «мы обязаны принять его [проект] в самое ближайшее время»⁶⁵.

Выборы мэра Сочи с участием одного из лидеров «несистемной» оппозиции Бориса Немцова, против которого работал административный ресурс. Тем не менее он набрал порядка 12% голосов. Его протест против неравных условий на выборах не встретил общественной поддержки: по всей видимости, голосовавшие за него не верили, что он может пройти, и вообще большинство россиян исходит из того, что «против лома нет приема» и бессмысленно пытаться повлиять на исход выборов, поскольку он определяется «наверху».

Сочинские выборы, без сомнения, самые громкие в России при президенте Медведеве; они вызвали значительный интерес, причем не только в России, но и за рубежом. Можно предположить, что выборы в Сочи — показательные и что Кремль преследовал цель продемонстрировать и более либеральные подходы во внутренней политике, и контроль над ситуацией, способность одержать победу против самых сильных противников режима, которых только может выставить оппозиция. В Сочи, где уровень протестных настроений весьма высок, причем не только в силу экономического кризиса, но и вследствие многочисленных конфликтов горожан с властью по поводу проблем, связанных с реализацией олимпийского проекта, такая победа выглядит весомой вдвойне.

Май. В преддверии годовщины начала Второй мировой войны началась кампания в прессе, упреждающая очередные напоминания из-за рубежа о действиях СССР в 1939 г. (пакт Молотова-Риббентропа и секретный протокол к нему, раздел Польши и т. д.). В рамках этой кампании создана президентская межведомственная комиссия (в нее включены директора двух главных исторических институтов РАН, множество чиновников из разных ведомств включая Пограничную службу, ФСБ и т. д.) для «противодействия фальсификации истории в ущерб интересам России». Комиссию возглавил руководитель президентской администрации, но с самого начала члены комиссии высказывались вразнобой, а некоторые явно воздерживались от публичных высказываний.

Публикация материалов о доверии власти проводимых по заказу Кремля «закрытых» социологических опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). В марте впервые за шесть лет наблюдений доли оценивших руководителей регионов позитивно и негативно в целом сравнивались — по 36–37%. Аналогичным образом, согласно ФОМу, россияне оценивают и работу правительства: 38% считают, что оно работает хорошо, 36% — что плохо. Только в трех регионах (Татарстане, Ханты-Мансийском АО и Томской области) граждан, довольных положением дел, было больше, чем недовольных. Во всех трех случаях главы регионов весьма популярны.

Внесение инициативных президентом поправок к закону о местном самоуправлении, позволяющих губернаторам и депутатам отстранять избранных мэров. В 2009 г. эти полномочия были использованы лишь в нескольких случаях применительно к мэрам небольших городов: Чайковского в Пермском крае, Озерска в Челябинской области. В августе 2010 г. губернатор Алтайского края вопреки мнению депутатов отстранил от должности мэра Барнаула.

Июнь. *Приезд Владимира Путина в Пикалево (Ленинградская область), где социально-экономические проблемы копились еще со второй половины 2008 г.* В течение весны жители, потерявшие работу в связи с закрытием заводов, устраивали разнообразные акции протеста включая блокирование трассы и захват мэрии. Появление Путина на месте конфликта, где он

⁶³ Отчитываясь о работе Совета на заседании в октябре 2009 г. (в разгар антимилицейской кампании), И. Резник говорил о том, что «за два с половиной года многое сделано и по формированию объективного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, укрепления имиджа сотрудников органов внутренних дел в печатных и электронных СМИ». В качестве иллюстрации он приводил многочисленные публикации и телепрограммы, где «рассказывается о героизме и профессионализме сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России по защите конституционных прав и свобод граждан» (<http://www.mvd.ru/about/sovets/10000105/7174>).

⁶⁴ Гордеевская Н. Полиция должна появиться в России на полгода позже // Коммерсантъ. — 2010. — 16 сент.

⁶⁵ <http://news.kremlin.ru/transcripts/8996>.

публично отчитал владельца предприятий Олега Дерипаску, а также требование вновь открыть заводы и обеспечить людей работой, смягчило кризис. Созданная Путиным правительственная комиссия еще долго и без особого успеха пыталась решить проблемы Пикалева в режиме ручного управления (см. врезку «По примеру Пикалева»).

«По примеру Пикалева»

Через несколько дней после знаменитой поездки Владимира Путина в Пикалево Дмитрий Медведев в ходе видеоконференции с полпредами напомнил губернаторам об ответственности и предупредил, что будет отстранять от должности тех, кто не сможет самостоятельно решать проблемы безработицы и выплаты зарплат. Он назвал неприемлемой ситуацию, когда для решения проблем предприятий в регионах ждут начальства из Москвы. «Я хотел бы, чтобы вы обозначили эту позицию абсолютно четко и недвусмысленно главам субъектов Федерации. Или они сами будут разбираться с этими проблемами, или мне придется принять решения об их увольнении от должности безотносительно к их заслугам и безотносительно к тем экономическим процессам, которые идут. Это дело руководителей субъектов Федерации. ...Они должны вкалывать на своих местах, ездить по предприятиям, встречаться с трудовыми коллективами, вытаскивать собственников для разговора, а не ждать, пока эти решения будут приняты из Москвы или из столицы федерального округа. В противном случае у нас просто наступит паралич в управлении. <...> Нечего прятаться там под столами — надо выходить на предприятия, общаться с трудовыми коллективами. А то я смотрю, у нас уже по каждому такому случаю зовут начальство из Москвы», — заявил президент ⁶⁶.

События в Пикалеве породили опасения (у кого-то, возможно, надежды), что подобные протесты распространятся по стране и создадут для власти неразрешимую проблему, которая будет иметь глубокие политические последствия. Последователей у «пикалевцев», как, впрочем, и предшественников, в самом деле оказалось немало: на протяжении всего 2009 г. и особенно в первой его половине происходили перекрытия федеральных трасс в качестве способа привлечения внимания и принуждения власти к диалогу: Тутаев (Ярославская область) — январь 2009 г. (кризис на градообразующем предприятии, рост тарифов ЖКХ), Избербаш (Дагестан) — февраль 2009 г. (протест против действий милиционеров), Самара — апрель 2009 г. (протест против уплотнительной застройки), Алтай — июль 2009 г. (протест против прекращения работы дорожной компании, требования восстановления рабочих мест), Кафтанчиково (Томская область) — август 2009 г. (протест против работ в карьере по добыче гравия возле села).

В январе 2010 г. Минтранс внес в Госдуму законопроект об ужесточении уголовной ответственности «за незаконное вмешательство в работу транспорта», предусматривающий наказание за несанкционированное блокирование трассы в виде лишения свободы на срок до двух лет или штрафа до 100 тыс. руб. Верховный суд выступил против этих изменений, депутаты пока их не приняли. Однако в целом следует признать, что власть справилась со вспышками народного возмущения, и к серьезным политическим последствиям они не привели.

Внесение президентом Медведевым в Госдуму первого пакета поправок к закону о некоммерческих организациях, существенно облегчающих положение малых и средних отечественных НКО. Поправки были рассмотрены и приняты в рекордно короткие сроки (см. врезку «Изменение законодательства о некоммерческих организациях»).

Изменение законодательства о некоммерческих организациях

О чрезмерной жесткости закона 2006 г. о НКО, в том числе лежащем тяжелым финансовым бременем на некоммерческий сектор, регулируемый даже более строго, чем коммерческий, активисты Совета по содействию развитию институтов гражданского общества говорили еще Владимиру Путину в бытность его президентом. В апреле 2009 г. Дмитрий Медведев на втором после переутверждения Совета заседании этого органа заявил о необходимости исправить закон о НКО, сказав, что закон «не является идеальным» и «какие-то изменения в нем возможны и даже необходимы». Он назвал, в частности, положения закона, касающиеся налогообложения НКО и их отчетности, взаимодействия НКО с органами власти. При этом президент отметил, что в результате применения закона у значительной части чиновников возникло опасное ощущение, что «любые неправительственные организации — это враги государства, с которыми нужно бороться, чтобы через них не просочилась какая-нибудь зараза, которая подорвет устои нашего строя». «Такой цели никто не преследовал», — заверил он, добавив, что «настоящие преступники НКО не регистрируют».

Вскоре после этого для разработки предложений по корректировке закона о НКО была образована рабочая группа. Наряду с председателем Совета по гражданскому обществу Эллой Памфиловой и членом Совета, активным критиком законодательства о НКО Юрием Джигладзе в состав рабочей группы вошли руководитель правового управления президента Лариса Брычева, заместитель министра

⁶⁶ Стенографический отчет о видеоконференции с полномочными представителями Президента в федеральных округах 10 июня 2009 г. (<http://www.kremlin.ru/transcripts/4401>).

юстиции Алексей Величко, ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов, руководители профильных комитетов в Общественной палате (Владислав Гриб), в Госдуме (Сергей Попов) и в Совете Федерации (Борис Шпигель). Возглавил рабочую группу заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков. Группа начала работать над пакетами поправок, которые можно условно назвать политическим, экономическим и системным.

Политический пакет поправок, не требовавший согласования с правительственными ведомствами, был разработан в кратчайшие сроки, прошел Федеральное собрание и был подписан президентом уже в июле 2009 г. Его смысл состоял в том, чтобы исключить «чисто российские» НКО из жесткого режима, введенного в 2006 г., оставив его лишь для зарубежных и международных организаций. В пакет вошли запрет Минюсту и его подразделениям затребовать у «общественников» документы, не указанные в законе; исключение из перечня причин для отказа в регистрации иностранной НКО угрозы «национальному единству и самобытности, культурному наследию» (при этом в перечне причин для отказа в регистрации появились новые основания, в частности, если решение о внесении поправок в устав приняло не уполномоченное законом лицо). Вместо ликвидации НКО, если документы поданы в ненадлежащем виде, введена процедура «приостановления госрегистрации» на три месяца. С месяца до 14 дней сокращен срок рассмотрения заявки на регистрацию. Для некрупных НКО (с годовым бюджетом не выше 3 млн руб.), не имеющих в составе учредителей и среди спонсоров иностранцев, введен облегченный режим отчетности: они представляют лишь заявление в Минюст. Закон обязывает размещать ежегодно в Интернете или печатных СМИ отчет о работе в том же объеме, что и предоставляемый в Минюст. Проверки НКО будут осуществляться с той же периодичностью, что предусмотрена законом о защите прав малых предпринимателей, т. е. раз в три года, а не раз в год, как сейчас.

Второй пакет поправок — о поддержке социально ориентированных НКО органами госвласти и местного самоуправления — был утвержден в апреле 2010 г. К социально ориентированным отнесены НКО, созданные в организационно-правовых формах, предусмотренных законом «О некоммерческих организациях» (за исключением госкорпораций, государственных компаний, политических партий), и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в России. К числу социально ориентированных НКО были отнесены и религиозные организации.

К социально ориентированной работе предполагается отнести: решение социальных проблем; развитие гражданского общества в России; социальную поддержку и защиту граждан; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам; охрану окружающей среды; оказание юридической помощи на безвозмездной или льготной основе; благотворительную деятельность; работу в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни.

В 2010 г. планируется упорядочить организационно-правовые формы НКО и предусмотреть для них специальный налоговый режим. В частности, налоговые стимулы предусмотрены в основном для физических лиц, например, не будут считаться доходом волонтеров средства, которые потрачены на их проезд и размещение. Не будут считаться доходом оплаченные благотворительными организациями услуги по лечению и пожертвования детям-сиротам. Не будут включаться в налогооблагаемую базу средства, пожертвованные частными лицами благотворительным организациям и НКО, работающим в приоритетных общественно значимых направлениях, таких как наука, культура, образование, здравоохранение, социальная и правовая поддержка граждан. Не будут облагаться налогом на прибыль безвозмездно оказанные НКО услуги и субсидии из госбюджета. Жертвователи из числа юридических лиц смогут рассчитывать на вычеты из налогооблагаемой базы в случае, если жертвуют в целевой капитал: его нельзя трогать, а на уставную деятельность расходуются лишь проценты, что сокращает возможность злоупотреблений.

Июль. Похищение и убийство известной правозащитницы и журналистки Натальи Эстемировой, которая представляла в Чечне «Мемориал». После убийства Эстемировой президент Чечни Рамзан Кадыров отозвался о ней крайне враждебно и грубо. 17 июля правозащитный центр «Мемориала» решил временно приостановить работу в Чечне в связи с убийством Эстемировой. Глава «Мемориала» Олег Орлов публично заявил о личной или опосредованной вине Кадырова в гибели Эстемировой. Кадыров в связи с этим обратился в суд, который в октябре признал высказывания Орлова порочащими честь и достоинство главы Чечни.

В июле 2010 г. Кадыров публично заявил, что люди, причастные в работе «Мемориала», — «враги народа, враги закона, враги государства». «Мемориал» расценил это заявление как прямую и явную угрозу безопасности своих сотрудников.

«Стратегия-31». 31 июля прошла первая акция на Триумфальной площади в защиту 31-й статьи Конституции, гарантирующей гражданам свободу собраний. После этого активисты упорно пытаются провести свой митинг на Триумфальной площади в последний день каждого месяца, в котором есть 31-е число, а власти не менее упорно им в этом препятствуют. Количество участников варьирует от пары сотен до двух тысяч человек. По прошествии года ни та, ни

другая сторона по-прежнему не готова отступить. В преддверии акции 31 августа 2010 г. власти объявили, что Триумфальная площадь будет закрыта на длительную реконструкцию. Более подробно см. врезку «Стратегия-31».

«Стратегия-31»

Организаторы акций «несогласных» в Москве протестовали против того, что вопреки положению об уведомительном характере публичных митингов власти препятствуют им собираться в избранном ими месте, на Триумфальной площади. Организаторы назвали себя «Стратегия-31» и в знак протеста против нарушения ст. 31 Конституции, которая гарантирует свободу собраний, объявляют, что будут выходить на Триумфальную площадь в последний день каждого месяца, в котором есть 31-е число. Власти неизменно оказывают противодействие, однако воздерживаются от прямых запретов. Вместо этого всякий раз выясняется, что другая группа «активистов» зарезервировала ту же Триумфальную площадь раньше, чем это сделали участники «Стратегии-31». На этом основании акцию «31» объявляют «несанкционированной». При этом власть неоднократно пыталась склонить организаторов к компромиссу, предлагая им собраться на других площадях, кроме того, движение стараются расколоть и склонить его организаторов к уступкам через «посредников». Но организаторы непреклонны, и постепенно у них появляются последователи в других городах России.

В Москве на акции «Стратегии-31», как правило, собирается не более нескольких сотен человек. Количество милиции, ОМОНа, а в отдельных случаях и внутренних войск существенно превышает количество участников. Милиция до поры воздерживалась от жестких силовых действий: часть активистов задерживали и доставляли в милицию, но вскоре выпускали. Меры физического воздействия также были не очень суровыми, причем Людмилу Алексееву даже специально «оберегал» высокопоставленный сотрудник МВД.

31 декабря 2009 г. акция привлекла к себе внимание в связи с появлением Алексеевой в костюме Снегурочки и ее последующим задержанием. Был арестован Сергей Мохнаткин, случайный прохожий, попытавшийся вступить за женщину, с которой грубо обращались правоохранители. Позднее он был приговорен к двум с половиной годам лишения свободы.

Наиболее многочисленной стала акция 31 мая 2010 г., когда на площади собралось 2 тыс. человек. Власти ответили грубым и демонстративным насилием. Было задержано около 170 человек, участники подвергались грубым насильственным действиям. Журналисту интернет-издания «Газета.Ru» Александру Артемьеву в отделении милиции сломали руку.

Политика власти в отношении уличных протестов — по возможности минимизируя насилие, задуть их в зародыше, прежде чем инициатива приобретет больший размах и тем более превратится в массовую. Однако в конкретном случае акции на Триумфальной площади к этому добавляется «борьба самолюбий»: ни активисты, ни власть не хотят отступать. Кроме того, приближение выборного цикла 2011–2012 гг., а также вероятность осложнения социально-экономической ситуации до или после выборов усиливают стремление «задушить в зародыше».

За пределами Москвы и Петербурга отношение правоохранителей к акциям «Стратегии-31» более мягкое (Воронеж, Томск и пр.); при этом демонстративное насилие 31 мая 2010 г., когда в Москве акция была разогнана особенно жестко, не распространилось на Петербург: там милиция вела себя более сдержанно.

Интерес к акции 31 июля подстегнула пикировка между Владимиром Путиным и Юрием Шевчуком на встрече с организаторами благотворительного концерта в Петербурге. К 31 июля «Стратегия-31» оказалась в центре внимания независимых СМИ. О ней постоянно говорили и писали и в России, и за рубежом в течение нескольких дней. Общественный совет при МВД, активно обсуждавший события в Москве 31 мая, вел переговоры с правоохранительными органами с целью минимизировать милицейское насилие в отношении участников акции. Переговоры дали результат: уровень насилия явно снизился по сравнению с 31 мая, но 31 июля собралось значительно меньше участников (до 500 человек по разным оценкам; МВД сообщало о 200), уровень насилия в Москве вновь снизился. Задержано до сотни человек, но серьезно пострадавших не было. На этот раз в Петербурге, наоборот, разгон оказался более жестким.

Чтобы воспрепятствовать акции 31 июля, власть пошла на огромные затраты сил и средств. Площадь плотно оцепили двойным кордоном. «Конкурирующая акция» на сей раз была представлена автомобильными гонками, количество охраняющих — милиции и военнослужащих — больше, чем когда-либо. С одной стороны, можно отметить успех власти — самое эффективное противодействие за год при относительно незначительном насилии. С другой стороны, абсурдность зрелища автомобильных гонок на центральной площади с ревом двигателей, вонью и пылью на глазах и огромного количества репортеров наглядно как никогда продемонстрировала правоту активистов: россияне лишены свободы собраний.

15 августа была проведена акция протеста против приговора Сергею Мохнаткину; всего с десятков участников, но полицейские меры были непропорционально серьезны. Милиции было в несколько раз больше, чем активистов, площадь окружили автобусами. Даже несмотря на скромный масштаб митинга, двоих участников задержали. Кассационная жалоба, имевшая цель добиться смягчения приговора Мохнаткину, ничего не дала — приговор оставили в силе.

В преддверии 31 августа власти приняли радикальное решение — ликвидировать самый предмет конфликта. Триумфальная площадь была закрыта на длительную реконструкцию под предлогом строительства многоуровневой подземной парковки, хотя конкретных градостроительных планов этого сооружения не существует. Тем не менее «Стратегия-31» вновь попыталась провести митинг на подступах к Триумфальной площади. Реакция властей не изменилась: количество правоохранителей существенно превосходило число участников, десятки людей задержаны, в том числе Борис Немцов и Эдуард Лимонов.

Во время российско-американского саммита в Москве объявлено о создании *российско-американской рабочей группы «Гражданское общество»* во главе с первым заместителем руководителя администрации президента России Владиславом Сурковым и специальным помощником президента США и директором по России Совета национальной безопасности Майклом Макфолом (см. интервью с Майклом Макфолом). За этим последовало обращение правозащитников к президенту Медведеву в поддержку создания двусторонней рабочей группы, но с просьбой назначить другого координатора с российской стороны, поскольку «с именем В. Суркова ассоциируются многие негативные тенденции развития демократии в России последних лет: сворачивание свободы печати, ликвидация конкурентной политической системы и, наконец, целенаправленное выстраивание барьеров для развития гражданского общества». Рабочая группа в 2010 г. собиралась дважды: в январе в Вашингтоне (обсуждались борьба с коррупцией, преступления против детей и взаимные стереотипы в обеих странах) и в мае во Владимире (основная тема — положение заключенных).

Август. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС, крупнейшая в истории катастрофа на гидроэнергетическом объекте России. В результате аварии погибло 75 человек. Проведено ведомственное и парламентское расследование, названы виновные. Несколько высокопоставленных сотрудников были уволены, в частности, директор ГЭС, прекращены полномочия совета директоров компании «Русгидро», в ведении которой находилась ГЭС. Трагическая авария стала наглядным свидетельством управленческой неэффективности и угрожающего состояния российской инфраструктуры. За аварией на ГЭС последовала целая череда катастроф, повлекших человеческие жертвы: пожар на военных складах в Ульяновске и крушение «Невского экспресса» в ноябре 2009 г., пожар в клубе «Хромая лошадь» в Перми в декабре 2009 г., теракты в московском метро в марте 2010 г., взрыв на шахте Распадская в мае 2010 г., террористический захват и взрыв Баксанской электростанции в июле, наконец, масштабные лесные и торфяные пожары в августе. У каждой катастрофы своя причина, но все они свидетельствуют не только об обветшавшей советской технической инфраструктуре, но и о деградации системы управления.

Сентябрь. Введение поста уполномоченного по правам ребенка при президенте России с возложением обеспечения его деятельности на аппарат Общественной палаты. Уполномоченным стал Алексей Головань, несколько лет бывший уполномоченным по правам ребенка в Москве и возглавлявший Ассоциацию уполномоченных по правам ребенка в субъектах Федерации. Одновременно было рекомендовано ввести аналогичные посты во всех регионах. Уже в декабре Головань был освобожден от должности, а на его место назначен адвокат и телеведущий Павел Астахов, бывший одно время сопредседателем движения «За Путина».

Октябрь. Выборы в регионах с резкой активизацией административного ресурса, на сей раз против думской оппозиции. Демарш КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР в связи с грубыми нарушениями и фальсификациями в пользу «Единой России» на выборах в целом ряде регионов. Особо грязными были выборы в Мосгордуму, куда наряду с ЕР прошла лишь одна партия — КПРФ, мэров Астрахани, дагестанского Дербента, подмосковного Воскресенска, Волжского (Волгоградская область). Лидеры фракций потребовали встречи с президентом для обсуждения ситуации и отказались до этого участвовать в работе Госдумы. Такая встреча состоялась через неделю, и Медведев заявил там: «Не так давно были выборы (11 октября), которые в целом прошли вполне организованно. Тем не менее среди наших парламентских партий есть очень разные оценки. Оно и не мудрено, потому что, как правило, тот, кто побеждает, всегда относится к итогам абсолютно позитивно, а тот, кто выступает несколько иначе, как правило, дает другие оценки. Эмоций было немало. Я поэтому с вами и договаривался встретиться, обсудить итоги выборов в законодательные собрания и органы местного самоуправления с тем, чтобы все это у нас не превращалось в “похороны” демократии, избирательной системы». Было решено обсудить пути совершенствования политической системы на специальном заседании Госсовета в начале следующего года.

Всеобщая акция протеста автомобилистов против вступления в силу нового технического регламента, ограничивающего ввоз из Японии автомашин с правым рулем, а также против

повышения транспортного налога. Наибольшее количество участников собрал митинг во Владивостоке — около 1500 человек, в Красноярске — около 200, в Иркутске — около 300, в Новосибирске — 250 человек, а в Барнауле на митинг собрались 200 автолюбителей. В Санкт-Петербурге митинг протеста собрал около 500 участников, помимо отмены технического регламента они потребовали от правительства остановить рост цен на бензин. В Москве в санкционированной акции протеста у станции метро «Улица 1905 года» участвовали примерно 300 человек. После митинга лидер московского отделения Федерации автовладельцев России призвал собравшихся устроить автопробег по городу — его тут же забрали в милицию за незаконные призывы, однако группа автомобилей отправилась по Садовому кольцу. К Белому дому доехало всего 20 машин, водители которых «отдали дань» правительству — символический транспортный налог, собранный за время митинга.

Ноябрь. *Политический пакет-2*, оглашенный в послании 2009 г., представляет собой распространение конструктивных особенностей федеральной политической системы на региональный уровень. В пакет включено прежде всего формирование представительных органов исключительно по партийным спискам, что в российских условиях ведет к резкому усилению партийной бюрократии «Единой России», дальнейшему уменьшению публичной конкуренции и ослаблению механизмов прямой и обратной связи между гражданами и властью на всех уровнях.

Видеообращение милиционера Дымовского, распространенное в Интернете. Майор милиции Алексей Дымовский из Новороссийска сообщил премьеру Путину о злоупотреблениях в органах МВД. У Дымовского появились многочисленные последователи среди стражей порядка. Кампания против милиции развернулась с новой силой. В журнале «The New Times» 1 февраля 2010 г. была опубликована статья «Рабы ОМОНа» с рассказом бойцов одного из подразделений о злоупотреблениях, связанных с деятельностью ОМОНа. После выхода журнала на омовцев оказывалось давление, в журнале прошел обыск, но дело спустили на тормозах.

Продление Конституционным судом моратория на смертную казнь вплоть до ратификации Россией протокола о ее отмене (см. врезку «Отношение к смертной казни»).

Отношение к смертной казни

Смертная казнь не применяется в России с 1999 г., когда Конституционный суд постановил, что высшая мера наказания не может назначаться до тех пор, пока на всей территории России не будут действовать суды присяжных. С января 2010 г. суды присяжных были введены в Чечне, последнем регионе, где их не существовало. Таким образом, как будто возникли условия для возобновления применения смертной казни. Однако в связи с тем, что в 1997 г. Россия подписала протокол № 6 Европейской конвенции по правам человека, исключающий применение смертной казни в мирное время, решение о продлении моратория было неизбежно. Тем не менее соответствующему вердикту Конституционного суда предшествовало бурное обсуждение проблемы смертной казни в СМИ и среди политиков. Большинство россиян скорее поддерживает идею возвращения смертной казни, даже несмотря на то, что доверие к системе правосудия находится на низком уровне. Тем не менее опрос Левада-Центра, проведенный в ноябре 2009 г., показал, что за последние годы некоторое смягчение нравов все-таки произошло (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «С каким из следующих суждений по поводу смертной казни Вы бы согласились?», %

Вариант ответа	Февраль 2000 г.	Февраль 2002 г.	Март 2006 г.	Апрель 2007 г.	Июнь 2009 г.
Следует восстановить смертную казнь в прежних размерах (так, как это было в начале 1990-х годов)	54	49	43	39	37
Следует сохранить нынешнее положение (исполнение смертных приговоров приостановлено, суды перестали выносить смертные приговоры)	15	12	23	19	20
Смертную казнь следует полностью отменить	12	12	12	19	14
Следует расширить применения смертной казни	10	19	8	14	16
Затруднились ответить	10	8	14	10	13

Источник: Россияне о смертной казни: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2009. — 20 нояб. (<http://www.levada.ru/press/2009112001.html>).

Декабрь. *Объявление об отставках судей Конституционного суда Кононова и Ярославцева*, которым впервые в истории этого суда были предъявлены претензии в нарушении судейской этики в связи с их критическими выступлениями в прессе по поводу судебной системы.

В интервью испанской газете «El Pais» Владимир Ярославцев заявил, что «судебная власть в России за время президентства Владимира Путина и его преемника Дмитрия Медведева превратилась в инструмент на службе исполнительной власти... законодательные органы парализованы... центр принятия решений находится в администрации президента». Резко раскритиковал он и недавно принятое определение Конституционного суда об отказе в рассмотрении жалобы журналистки Натальи Морарь, которой ФСБ запретила въезд в Россию. Ярославцев, проголосовавший против этого решения, заявил «El Pais», что «это профанация правосудия», означающая, что «органы безопасности могут делать, что хотят, а судам остается только утверждать их решения».

Анатолий Кононов, на протяжении 18 лет резко критиковавший многие решения Конституционного суда, в интервью газете «Собеседник» под заголовком «Независимых судей в России нет» назвал «крайне недемократичным и неуважительным к КС» принятый летом президентский законопроект, который изменил порядок избрания председателя Конституционного суда и его заместителей: если раньше они избирались самими судьями, то новая процедура предусматривает их назначения Советом Федерации по представлению президента.

Акция протеста в Калининграде против повышения транспортного налога собрала по российским меркам значительное число участников — около пяти тысяч человек. Милиция не применяла жестких мер, никто не был задержан. Организатор митинга Константин Дорошок был вызван в суд за административное правонарушение (несанкционированное перекрытие дороги). Несмотря на то что по масштабам митинг был самым крупным за предшествующие несколько лет, федеральная власть никак на него не отреагировала. Впоследствии высказывались предположения, что в президентской администрации просто «проспали» калининградский протест.

2010

Январь. *Заседание Госсовета по политической системе*, обещанное лидерам партий во время «октябрьского кризиса». В выступлениях лидеров всех партий кроме ЕР содержались призывы к политической модернизации и конкретные предложения. В конце заседания Путин высказался весьма жестко, давая понять, что никакой политической либерализации/плюрализации не будет, как не будет и мер в связи с фальсификациями на выборах в октябре.

Острая фаза конфликта вокруг дачного поселка «Речник» в Москве, тлевшего по крайней мере с 2005 г. В ответ на демонстративно жесткий снос домов, предпринятый в сильный мороз, жители вступили в острое противостояние с властями. События вокруг «Речника» сопровождались бурной общественной дискуссией. К делу подключились депутаты Госдумы и члены Общественной палаты. Когда уже было снесено 22 дома, Дмитрий Медведев поручил Генеральной прокуратуре и Контрольному управлению президента разобраться с обстоятельствами конфликта. Созданная правительственная комиссия к лету решила, что все 320 домов поселка, который существует уже свыше 50 лет, — не просто самострой в природоохранной зоне Москворецкого парка, они представляют опасность, поскольку 90% их находится на территории дамбы. Попутно было вскрыто множество нарушений на всех уровнях управления.

Ратификация 14-го протокола Европейской конвенции по правам человека. Процедура ратификации растянулась на несколько лет, и Россия оставалась единственным исключением — до нее протокол ратифицировали 46 стран. По мнению юристов, это решение должно сделать более оперативным рассмотрение дел в Европейском суде по правам человека. Вместе с тем неожиданное смягчение позиции России спровоцировало разнообразные спекуляции, в частности, о некоем «компромиссе» со стороны Москвы, которая рассчитывала в ответ на «понимание» со стороны Европейского суда по правам человека при рассмотрении иска акционеров ЮКОСа, назначенного на март 2010 г.

Митинг в Калининграде против повышения пошлин на иномарки и роста жилищно-коммунальных тарифов собрал 10–12 тыс. человек, став самым многолюдным за последние несколько лет. Среди участников — представители разных групп, партий и движений (см. врезку «Калининград-2010», с. 76, а также подраздел «Демонтаж выборов» в разделе «Российское общество и его взаимоотношения с властью»).

Калининград-2010

Митинг в Калининграде 30 января 2010 г. собрал по разным оценкам 10–12 тыс. человек, что много для региона с менее чем миллионным населением. Это много и для России в целом, поскольку митинги протеста в последние годы редко собирают и несколько сот человек.

Многотысячный протест в конце января с антигубернаторскими, антипартийными (против «Единой России») и антипутинскими лозунгами возник не на пустом месте. Первый митинг с лозунгами против ЕР прошел в Калининграде еще в октябре 2009 г. в связи с банкротством авиакомпания «КД авиа», невыплатами зарплаты и т. д. Он был приурочен к визиту Владимира Путина в регион. Власти тогда предпочли его не заметить. В декабре в день Конституции на акцию собралось уже 5 тыс. человек. Среди требований были снижение транспортного налога, закон об отзыве депутатов областной думы, отставка губернатора и правительства области.

Администрация пыталась маневрировать и в последний момент — накануне третьего митинга — отказалась от увеличения транспортного налога, но было уже поздно. Масштабный митинг состоялся, причем с участием московских политиков Бориса Немцова, Владимира Милова, Ильи Яшина; о нем сообщил телеканал «Евроныюз». Теперь заметался уже не только губернатор-миллионер Георгий Боос (он в день митинга ушел в двухнедельный отпуск, потом вернулся; сначала пригласил на встречу организаторов митинга, затем отказался от нее, заявил о необходимости восстановления графы «Против всех» в избирательном бюллетене, а позже дезавуировал свои слова), но и федеральное начальство «Единой России» и Кремль. Попробовали было устроить альтернативный «митинг поддержки», затребовав для этого отовсюду людей по разнарядке, но быстро от этого отказались: область маленькая, все друг друга знают, к тому же Калининградская область представляет собой полукэскав, так что чужих не подвезешь.

Объективно, судя по экономическим критериям, ситуация в Калининградской области далеко не самая ужасная. Ее, однако, усложняют несколько факторов. Малый и средний бизнес в регионе связан с его пограничным положением — это ввоз из-за границы подержанных автомобилей, экспортно-импортные операции с использованием статуса особой экономической зоны. В результате действий федерального правительства, решением которого в регион был назначен губернатор-«варяг», эта деятельность оказалась во многом подорвана: губернатор привел собственных деловых партнеров и разрушил имевшиеся в местной элите бизнес-цепочки. К тому же возможности перепрофилирования бизнеса и пространственного маневра сильно ограничены эксклавым положением региона.

Важную роль сыграли субъективные факторы и прежде всего наличие целого слоя самостоятельных, достаточно независимых по отношению к власти граждан и их самоорганизация при отсутствии плотного присмотра со стороны как Москвы, так и местной администрации. Одним из главных организаторов митингов Константина Дорошка, основателя и главу местной организации «Справедливость»⁶⁷ и сопредседателя калининградской «Солидарности», называли даже калининградским Лехом Валенсой. Важной чертой социального протеста в Калининграде является его беспартийность и надпартийность. Политические партии здесь, как и при монетизационных протестах 2005 г., ни при чем. Соответственно и договариваться власти надо было с людьми, а не с партийными функционерами.

Немаловажным фактором, по-видимому, являлось и то, что польская и литовская заграница для Калининграда существенно ближе, чем Москва, сравнение с соседями оказывается невыигрышным для федерального Центра. Ситуация была в чем-то схожа с Владивостоком, только здесь в качестве базы для сравнения выступала Европа, а не Китай. К тому же добавился эффект губернатора-«варяга» в условиях кризиса и муссирование темы «оккупационной власти».

Заменить Бооса, чей срок истекал в августе 2010 г., Кремль не мог из опасения создать прецедент «бархатных революций». Было решено, с одной стороны, потребовать от него активных действий, а с другой — оказать помощь. Это было сделано. Была проведена и индивидуальная работа по «умиротворению зачинщиков», прежде всего Дорошка, разными методами включая как угрозы, так и посулы. Весеннюю волну протеста удалось сбить. Общественные настроения это не переломило, и новый оргкомитет стал готовить новые акции протеста. Тем более что технологии, примененные в январе, оказались просты, дешевы и эффективны: интернет-рассылка, специальный выпуск газеты стотысячным тиражом и «сарафанное радио». С приближением окончания срока полномочий Бооса «Единая Россия» выступила в поддержку его переизбрания, а местная общественность предложила президенту трех своих кандидатов на выбор. Было объявлено и о подготовке нового митинга протеста

⁶⁷ Вот как о ней говорит сам К. Дорошок: «Это организация была создана в 2007 г., была зарегистрирована в 2008 г. здесь, в Калининграде. Это наша родная калининградская организация. Собралась она из числа тех людей, которые попали под гнет нашей власти, когда по ним ударил кулак власти. Причем ударил незаконно, несправедливо, исподтишка. Когда задним числом были начислены несправедливые налоги за те автомобили, которые они ввели черт-те когда. Очутившись под давлением несправедливости, когда это тяжелое бремя незаконных, несуществующих долгов повисло на нас, мы стали замечать не только свои проблемы, но и что творится вокруг. Мы стали замечать проблемы других, поняли, что у них общий источник. Поэтому мы решили создать свою организацию. И назвали ее «Справедливость». Может, для кого-то это банально, кого-то это отталкивает. Но мы пытались выразить то, что хотим видеть. Мы могли бы, конечно, назваться «Клуб автолюбителей», но поняли, что должны заниматься не только автомобильной тематикой, пытаться отстаивать интересы целых слоев граждан, объединять их и выступать единым фронтом» (<http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/k1019005.html>).

в августе. Кремль решил по-своему: Бооса не оказалось даже в списке кандидатов на пост губернатора, переданном президенту единороссами, и новым, пятым, губернатором стал Николай Цуканов, местный, бывший глава одного из небольших муниципальных образований, сменивший после волны митингов прежнего секретаря регионального совета «Единой России».

Закончим февральской цитатой из одного местного блога: «Георгий Боос, спасибо тебе за то, что заставил нас задуматься, встать с колен, посмотреть в небо, сплотиться, почувствовать себя Гражданами и встать на путь эволюции к Гражданскому обществу».

Февраль. *Массовые протесты столичных автомобилистов* по поводу нарушения прав дорожного движения автомобилями со спецсигналами («мигалками»). Особенно большой резонанс вызвала история со столкновением «мерседеса» вице-президента ЛУКОЙЛа Анатолия Баркова с «ситроеном», в которой ехали две женщины-врача, в результате чего обе погибли. Расширению протестов способствовали неуклюжие попытки милиции замять инцидент и представить виновными двух погибших женщин. Широкое распространение получила песня известного и популярного рэпера Noize MC (см. об этом разделы «Интернет», с. 13, и «Музыкальная оппозиционность», с. 15) с обличением начальников и мигалок. 10 марта известные деятели культуры и искусства обратились с открытым письмом к президенту Медведеву, призвав его обратить внимание на двойные стандарты на дорогах. Впоследствии Медведев поручил министру внутренних дел Рашиду Нургалиеву взять расследование этого происшествия под личный контроль. В сентябре, когда страсти вокруг февральских событий улеглись, начальник ГУВД Москвы Владимир Колокольцев объявил, что по результатам расследования в аварии виновна женщина, находившаяся за рулем «ситроена», но поскольку она погибла, дело закрыто. Федерация автовладельцев России заявила, что не согласна с результатами расследования и будет добиваться возобновления следствия. Родственники погибших подали жалобу на закрытие дела.

Март. *«День гнева» – общероссийская акция протеста.* Митинги прошли более чем в 50 городах, в том числе в Иркутске, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Москве, Владивостоке, Кемерове, Нижнем Новгороде. Их инициаторы – «Солидарность», КПРФ, Федерация автовладельцев России, другие партии и движения. Основной мотив – повышение тарифов на услуги ЖКХ, но митингующие выдвинули и ряд политических требований. Хотя количество точек протеста довольно велико, а их география широка, сами митинги были немногочисленны (максимум 1–2 тыс. человек). Власти проявили умеренность и терпимость, избегая жестких действий. Митинги не производили впечатления нарастающей протестной волны, и действительно, по крайней мере летом и в начале осени подобные акции не повторялись.

Региональные выборы, прошедшие относительно честно по сравнению с октябрьскими 2009 г.

Теракты в московском метро. 29 марта в утренний час пик террористки-смертницы произвели два взрыва на людных станциях «Лубянка» и «Парк культуры». Погибли 40 человек, более 90 пострадали. Теракты стали свидетельством несостоятельности российской политики на Северном Кавказе. Местные администрации практически получали от руководства страны карт-бланш на насилие и вопиющие нарушения прав человека на своих территориях; Кремль рассчитывал, что с помощью жестких методов власти северокавказских регионов сумеют удержать насилие и терроризм в пределах своих территорий и таким образом будет обеспечена относительная безопасность в остальных частях страны. Но этот расчет не оправдался (см. раздел «Северный Кавказ», с. 29).

Теракты в столице оперативно освещались радио и сетевыми СМИ, которые давали поминутную информацию о происходящем. Между тем федеральные телеканалы, за последнее десятилетие превращенные в надежный политический ресурс Кремля, сообщили о терактах с большой задержкой и в течение дня не прекращали обычное вещание. Лишь вечерние выпуски новостей были полностью посвящены терактам. Оба парламентских спикера – Сергей Миронов и Борис Грызлов – давали понять, хотя и не говорили этого прямо, что негосударственные СМИ активно являются пособниками террористов. После московских терактов началась подготовка поправок к закону о ФСБ, которые носят откровенно полицейский характер и никоим образом не могут повысить качество борьбы с терроризмом (см. ниже, май 2010 г.).

Презентация доклада ИНСОРа «Образ желаемого завтра», в котором сделан упор на неразрывную связь между необходимыми преобразованиями и политической либерализацией. Доклад вызвал активное обсуждение и противоречивые оценки в экспертной среде и прессе. В тексте доклада содержалась очевидная фигура умолчания: кто адресат пожеланий, сформулированных авторами? Ориентируются ли они на президента Медведева, чьим аналитическим центром числится, или на обоих лидеров? Если нет, то свидетельствует ли доклад о полном разочаровании

в нынешнем руководстве страны, не способном приблизить «желаемое завтра»? Окружение первого заместителя главы администрации президента Владислава Суркова встретило доклад неодобрительно. Некоторые эксперты высказывали предположение, что доклад — «лебединая песня» ИНСОРа и его дальнейшее существование под вопросом. В последующие месяцы ИНСОР не представил никаких публичных инициатив.

Апрель. *Принятие поправок к закону о некоммерческих организациях*, предусматривающих, что органы государственной власти и местного самоуправления в приоритетном порядке оказывают экономическую поддержку социально ориентированным организациям, «осуществляющим деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации». Впоследствии к «социально ориентированным» добавились церковные организации.

В Интернете появились призывы бороться с мигалками; в знак протеста против начальственных привилегий на дорогах инициаторы предлагали прикреплять скотчем детское синее ведерко на крышу автомобиля. Две акции «синих ведерок» прошли в Москве в конце апреля на Триумфальной площади (собралось 50–60 автомашин с псевдомигалками) и около (порядка десяти машин). В конце мая колонна протестующих с ведерками проехала по Зубовскому бульвару в центре Москвы. Также санкционированный митинг Федерации автовладельцев России и «Общества синих ведерок» прошел на набережной Тараса Шевченко в Москве. Выступавшие, в частности, требовали исключить из правил дорожного движения пункт, позволяющий чиновникам использовать спецсигналы на автомобилях.

Начало массовой кампании в Перми против отмены прямых выборов мэра. В городе была создана коалиция «За прямые пермские выборы», в которую вошли многие представители гражданского общества — от «Мемориала» и «Голоса» до «Зеленой Эйкумены», проведены научная конференция, общественные слушания, создан специальный сайт <http://www.vyborpermi.ru>. Согласно опросу Левада-Центра 79% пермяков высказались за сохранение прямых выборов мэра. Однако, несмотря на противодействие со стороны гражданских активистов, депутаты Пермской городской Думы подавляющим большинством проголосовали за отмену общегородских выборов главы Перми (см. врезку «Демонтаж избираемых мэров»).

Демонтаж избираемых мэров

Под разговоры о проводимом Дмитрием Медведевым, пусть и не быстро, совершенствовании политической системы в 2010 г. резко активизировался процесс замены прямо избираемых мэров выдвиженцами из числа депутатов, все большая часть которых, в свою очередь, избирается не в округах, а по партийным спискам.

В последний год этот процесс охватил многие крупнейшие города-миллионники, где до сих пор сохранялись прямые выборы мэров. Лишены права избирать собственного градоначальника жители Нижнего Новгорода и Перми, Ульяновска и Пензы, Мурманска, Владимира, Смоленска. В Казани, Уфе и Саратове и прежде не было выборных мэров. Обсуждается вопрос об отмене «всенародных» выборов в Екатеринбурге, Волгограде, Барнауле. По разным оценкам, институт прямо избираемых глав ликвидирован уже более чем в трети всех муниципальных образований.

Интересы чиновников-губернаторов и функционеров «Единой России» при этом полностью совпадают. Не случайно еще в конце 2004 г., когда был впервые озвучен «Бесланский пакет» политических реформ, включавший отказ от прямого избрания глав регионов, многие губернаторы его поддержали, заявив, что им самим при этом должно быть дано право назначать и отстранять мэров. Союзником «властного заговора» против прямых выборов зачастую оказывается и действующий мэр, которому предлагается сделка: сохранение поста в обмен на отказ от прямых выборов.

Переход к новой системе находится в полном соответствии с политической логикой назначения губернаторов. Машина, запущенная в 2004 г., продолжает работу. Проблема, однако, заключается в том, что старая логика, имевшая под собой хоть какие-то основания до кризиса, теперь уже не работает. Управленческая система в ситуации кризиса должна быть куда более мобильной и устойчивой. Это значит, что ей необходима большая автономность отдельных элементов и гибкость в сочленениях и что в интересах устойчивости системы ее центр тяжести — и политический, и финансово-экономический — в целом должен быть ближе к земле.

Беда российской политической системы в том, что в ней в силу чрезвычайно слабых институтов и почти полного отсутствия разделения властей крайне слабы механизмы «защиты от дурака». Это ведет к тому, что некому остановить административный раж власти и отдельных ее представителей и таким образом предотвратить реализацию ошибочных решений, вредных как для общества, так и для самой власти. Именно поэтому многие процессы у нас развиваются по траектории маятника — от одной крайности к другой. Сталкиваясь с проблемами на выборах мэров вроде тех, что произошли в 2010 г. в Иркутске и Братске, власть решает, что наиболее легкий способ избежать их — отменить выборы вовсе. При этом не учитывается, что выборы помимо определения хозяина начальственного

кабинета выполняют ряд очень важных функций, в том числе и для нужд власти. Это механизм прямой и обратной связи между властью и обществом, способ выработки повестки дня и программы действий власти, школа участия для граждан и конкуренции для политических элит, наконец, способ разделения ответственности и «сброса пара». Отказываясь от всего этого, власть в угоду сиюминутной конъюнктуре действует в ущерб своим стратегическим интересам, пилит сук, на котором сидит.

Когда-то мэры были главными на местах союзниками Кремля в борьбе с чересчур самостоятельными «региональными баронами». Именно они, будучи наиболее сильными и самостоятельными фигурами в региональном политическом истеблишменте, обеспечивали в регионах некоторое пространство для маневра, уменьшали монополизм централизованной власти. Теперь, когда губернаторы по сути стали федеральными чиновниками, а на посты спикеров повсеместно ставятся секретари политсоветов «Единой России», именно мэры столиц оставались единственными относительно автономными эндогенными центрами политического влияния, опиравшимися на собственный, а не заемный ресурс. Сохранение выборности мэров давало бы системе в целом больший запас устойчивости.

Интересно, что как раз тогда, когда «Единая Россия» выкорчевывает последние ростки прямой демократии, инсценирует общественные слушания или вовсе их избегает, категорически противясь вынесению вопроса на референдумы, Медведев на встрече с партийным активом ЕР говорит о прямой демократии: «Я абсолютно уверен, думаю, вы со мной тоже согласитесь, что грядет эпоха возвращения в известной степени от представительной демократии к демократии непосредственной, прямой, при помощи интернета»⁶⁸.

Май. 1 мая «День гнева» в Москве. Организаторами выступили движения «За права человека», «Жилищная солидарность», Союз координационных советов, институт «Коллективное действие», Движение общежитий Москвы, Движение в защиту Химкинского леса, Координационный совет пострадавших соинвесторов. Участвовало около тысячи человек включая представителей Левого фронта, «Солидарности» и ОГФ, «Яблока», «Справедливой России», ЛДПР, экологических организаций, правозащитников.

Волнения в Междуреченске, где в результате взрывов на шахте «Распадская» погибли 66 горняков. В городе прошел ряд митингов с требованиями повышения зарплаты и улучшения условий труда; один из митингов вылился в перекрытие железной дороги. С рядом требований к власти выступил неизвестный ранее «Союз жителей Кузбасса». Приехавший в Кузбасс Владимир Путин поддержал требования профсоюзов и трудовых коллективов, предложив собственникам и Росуглепрофу пересмотреть федеральное отраслевое соглашение и гарантировать постоянную часть заработной платы горняков в размере не менее 70%.

Общественный резонанс, внимание прессы и властей к событиям в Междуреченске вызвали не столько взрыв, гибель шахтеров или социально-экономические проблемы угольной отрасли сами по себе, сколько протестные выступления, не санкционированные и не организованные. Таким образом, события в Междуреченске вновь подтвердили: добиться чего-то от власти можно, только обращаясь к ней напрямую, и лучше к власти федеральной, чем к региональной; при этом наибольший эффект имеют громкие массовые выступления.

Заседание Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при президенте, посвященное Северному Кавказу. По крайней мере часть правозащитников откровенно рассказывала о вопиющих нарушениях прав человека на Северном Кавказе. Протокол встречи без изъятий размещен на сайте президента.

Встреча Владимира Путина с участниками и организаторами пятого ежегодного концерта благотворительного фонда «Подари жизнь», который состоялся 29 мая на сцене Михайловского театра (Санкт-Петербург). *Пикировка с Юрием Шевчуком* (см. врезку «Стратегия-31», с. 72).

Митинг «Стратегия-31» 31 мая на Триумфальной площади в Москве, совпавший по времени с саммитом «Россия-Евросоюз», разогнан особенно жестко (см. врезку «Стратегия-31»).

Кампания против поправок к закону «О Федеральной службе безопасности» и к Кодексу об административных правонарушениях, расширяющих полномочия ФСБ «для противодействия терроризму и экстремистской деятельности» и наделяющих ее правом выносить гражданам и организациям предупреждения при отсутствии каких бы то ни было нарушений закона с их стороны. Обращения уполномоченного по правам человека Владимира Лукина, Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Правозащитного совета Петербурга, активистов ведущих российских неправительственных организаций и даже иностранных лидеров не помогли, и в июле поправки были подписаны президентом и обрели силу закона.

Июнь. Повсеместное проведение *праймериз в рамках подготовки «Единой России» к октябрьским выборам*. Это безусловное усиление публичности и политической конкуренции в рамках доминирующей партии, однако в отличие от своих западных аналогов российские праймериз

⁶⁸ <http://www.kremlin.ru/news/7885>.

не имеют обязательной силы и при необходимости могут быть проигнорированы. Это нагляднее всего проявилось на выборах в городское собрание Нижнего Новгорода, где вопреки результатам праймериз список ЕР был составлен на основе договоренностей между двумя противоборствующими элитными кланами: губернатора Валерия Шанцева (его люди доминируют в списочной части) и мэра Вадима Булавинова (его люди представлены по округам).

Конференция «*«Стратегия-2010»: итоги реализации и новые вызовы*», приуроченная к 10-летию Центра стратегических разработок и 10-летию с начала реализации «Стратегии-2010». Герман Греф, оценив степень реализации намеченного 10 лет назад в 40%, сказал, что начинать надо было не с экономики, а с политической системы, и назвал главными современными приоритетами реформу власти и реформу образования.

Учреждена партия «*Другая Россия*». Партия создана по инициативе Эдуарда Лимонова, лидера Национал-большевистской партии, которая была запрещена в 2007 г. как экстремистская. «Другая Россия» не была зарегистрирована. Борьба власти с НБП существенно отличалась от противодействия другим оппозиционным партиям и движениям. НБП рассматривалась властью как серьезная угроза, поскольку ее тактика — прямое насилие (налеты на административные здания, публичные нападения на политиков), а ее члены настроены революционно и готовы на жертвы. Харизматический лидер партии писатель Лимонов, отсидевший несколько лет в заключении за хранение оружия, легко увлекает левыми идеями (националистический компонент идеологии НБП постепенно отошел на второй план) молодых людей. Активисты НБП и не отказывались от борьбы, невзирая на то, что лимоновцев регулярно избивали, а некоторые получали длительные сроки лишения свободы. Молодые соратники Лимонова неизменно демонстрируют преданность своему лидеру и охраняют его во время публичных акций. Лимонов — один из главных инициаторов «Стратегии-31», возможно, в частности, по этой причине власть оказывает столь жесткое противодействие акциям на Триумфальной площади. Кремль неоднократно предпринимал попытки спровоцировать раскол среди организаторов «Стратегии-31», побуждая их отмежеваться от Лимонова.

Июль. Вынесен приговор Юрию Самодурову и Андрею Ерофееву, организаторам выставки «Запретное искусство-2006» — штраф в размере 200 тыс. и 150 тыс. руб. соответственно. Им вменялось в вину разжигание ненависти или вражды, но по существу обвинительный приговор был вынесен за художественное высказывание. Общественная кампания в защиту Самодурова и Ерофеева велась и в России, и за ее пределами, но добиться оправдания так и не удалось. Впрочем, для общероссийской аудитории преследование Ерофеева и Самодурова осталось незамеченным: всего два процента опрошенных Левада-Центром сообщили, что им известны обстоятельства дела, а 76% ничего о нем не слышали⁶⁹.

Июль-август. Резкая эскалация конфликта вокруг «Химкинского леса», погром городской администрации в Химках, аресты членов группы антифашистов, подозреваемых в участии в налете на здание администрации в Химках. Конфликт временно заморожен после видеозаявления Медведева о том, что вырубка леса будет приостановлена для проведения дополнительных слушаний и консультаций (см. врезку «Битва за Химкинский лес», с. 64).

Август. Уход Эллы Памфиловой с поста председателя Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при президенте. Уходу Памфиловой предшествовали несколько неудачных попыток Совета воспрепятствовать тем или иным решениям, в частности, принятию поправок к закону о ФСБ, строительству трассы через Химкинский лес, а также появление издевательских «инсталляций», направленных против членов Совета — Людмилы Алексеевой и других. Памфилова дала несколько интервью (например, журналу «Newsweek»⁷⁰), в которых говорила, что решения президента не выполняются. В октябре на должность председателя Совета был назначен Михаил Федоров, чья кандидатура, по всей видимости, устроила и членов Совета, и кураторов из президентской администрации.

Лесные, торфяные пожары, гарь в Москве. Подготовки к пожарам практически не было, притом что жаркая погода регулярно приводит к возгоранию торфяников (последний раз — в 2002 г.), а июль-август 2010 г. оказались беспрецедентно жаркими. В результате пожаров погибло более 50 человек. На фоне привычной неэффективности и безответственности государственных ведомств российские граждане продемонстрировали не только сочувствие и готовность помочь, но и отличные навыки организации, управления и обмена информацией (см. врезку «Пожары 2010 г.»).

⁶⁹ О суде над организаторами выставки «Запретное искусство»: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 7 июля (<http://www.levada.ru/press/2010070704.html>).

⁷⁰ A 'Hopeless' Cause // Newsweek. — 2010 — Aug. 9 (<http://www.newsweek.com/2010/08/09/a-hopeless-cause.html>).

Митинг-концерт в защиту Химкинского леса на Пушкинской площади собрал от 2 до 4 тыс. человек. Люди по часу стояли в очереди, чтобы пройти через рамку металлоискателя. Музыкантам не дали смонтировать усилительное оборудование, но Юрий Шевчук все равно пел, и хотя его было не слышно, люди не уходили. Шевчук набрал новые очки (после пикировки с Путиным) как народный герой, а спустя пару дней впервые приехавший с концертом в Москву ирландский рок-музыкант Боно и вовсе сделал его мировой знаменитостью. Встреча Боно с активистами борьбы за Химкинский лес выдвинула конфликт на первый план, вынуждая президента к обходным маневрам (см. врезку «Битва за Химкинский лес», с. 64).

Пожары 2010 г.

Лесные и торфяные пожары стали следствием беспрецедентной жары, которая обрушилась на центральные районы России летом 2010 г. Пожарами были охвачены 22 субъекта Федерации. Особенно тяжело пришлось Белгородской, Воронежской, Ивановской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской областям, Мордовии и Чувашии. В 14 регионах вводился режим чрезвычайной ситуации. По последним данным, из-за пожаров погибли 53 человека, более 3500 человек остались без крова. Пожары оказались в фокусе общественного внимания, когда дымом заволочено Москву и ряд других крупных городов. подскочила смертность, и люди начали спасаться бегством.

В этой катастрофе, как и в предыдущих, очередной раз проявились «родовые» дефекты российской системы управления. Система, построенная на централизации полномочий и отсутствии механизмов подотчетности, неизменно порождает безответственность, некомпетентность и крайнюю неэффективность государственных ведомств, что особенно пагубно в критических обстоятельствах.

Почти всякое жаркое лето сопровождается масштабными пожарами (последний раз это происходило в 2002 г.), тем не менее власти оказались к ним не готовы. В отдельных случаях местные (муниципальные) руководители приняли превентивные меры, но это скорее были исключения. В 2000 г. во время трагедии с подводной лодкой «Курск» оказалось, что в стране нет современного спасательного оборудования; десять лет спустя, когда пожары начали выжигать целые деревни, выяснилось, что в России не хватает оборудования для тушения пожаров — как сложного и дорогого вроде самолетов-амфибий (в России, стране с самой большой территорией в мире, их нашлось четыре, тогда как в Канаде — сотня, а в США — полторы), так и самого примитивного вроде лопат.

Масштаб и катастрофические последствия пожаров усугубились вследствие принятия в 2006 г. Лесного кодекса, пролоббированного лесопромышленниками и по сути разрушившего существовавшую ранее государственную систему защиты леса. Принятие Лесного кодекса вопреки аргументированным возражениям профессионалов и целого ряда регионов стало возможно в силу отсутствия работоспособного парламента и действенной системы выработки решений с учетом всех интересов.

Если что и усовершенствовалось за последние десять лет, так это контроль над федеральными телеканалами: независимое освещение трагедии «Курска» в 2000 г. вызвало бешеную ярость президента Путина, но к освещению пожаров в 2010-м у него не могло быть претензий. Весь острый период борьбы с пожарами Путин оставался главным ньюсмейкером: он выезжал на пожарища и утешал погорельцев, пилотировал самолет-амфибию, по телефону предлагал президенту список экстренных мер. Президент тоже не сходил с экрана, но в основном в роли строгого начальника, распекающего нерадивых подчиненных.

Репортажи негосударственных СМИ представляли картину отсутствия координации, недостатка людей, навыков и оборудования, «забытых» жителей деревень, тщетно дожидавшихся эвакуации, а потом вынужденных — кто успел — спасаться бегством. Но федеральное телевидение по давно отработанной модели сосредоточилось на собранных и энергичных руководителях страны, транслируя гражданам привычную установку: верховные правители — единственные, кто поможет своему народу в трудный час. Их действия и ранее принятые решения (в частности, упомянутый Лесной кодекс) не подвергались сомнению. Как и прежде, работа федерального телевидения в отличие от других государственных ведомств продемонстрировала исключительно высокую эффективность: рейтинги обоих лидеров и после разрушительных пожаров остались на том же высоком уровне, что и прежде. Согласно опросу Левада-Центра лишь 12% заявили, что их отношение к руководству ухудшилось, когда они увидели, как оно справляется с пожарами, 57% никак не пересмотрели свое мнение о правителях страны, а 27% стали относиться к власти даже лучше⁷¹.

Самый популярный в глазах граждан министр Сергей Шойгу смотрелся на этот раз бледно, ситуацию контролировал слабо, а возглавляемое им МЧС старалось занижать масштабы проблемы, рапортуя о своих успехах в борьбе с пожарами. Необычным был факт принятия иностранной помощи, в частности, США предоставили оборудование и иную помощь на общую сумму 4,5 млн долл.⁷² Впрочем, сообщения об американской помощи были крайне скупы и, по всей вероятности, прошли мимо российских граждан.

⁷¹ Россияне о лесных пожарах летом 2010 года: Пресс-выпуск Левада-Центра. — 2010. — 26 авг. (<http://www.levada.ru/press/2010082601.html>).

⁷² <http://en.rian.ru/world/20100814/160196001.html>.

Несмотря на многочисленные данные о том, что конкретные решения (в частности, принятие Лесного кодекса) и действия (точнее, бездействие) властей привели к тому, что последствия пожаров оказались столь масштабными, Государственная дума ограничилась мелкой критикой, всю ответственность свалила на погоду и отказалась признать неудовлетворительной работу правительства и отдельных ведомств по предотвращению пожаров и борьбе с ними ⁷³.

Выводы, сделанные федеральной властью по итогам борьбы с пожарами, небесспорны и паллиативны. Это еще большая централизация всей системы (с переподчинением Рослесхоза непосредственно правительству), масштабное техническое переоснащение противопожарной службы, увольнения нескольких начальников среднего уровня.

Между тем российские граждане активно взялись помогать своим соотечественникам, которые стали жертвой бедствия. Частная благотворительность бурно развивалась в последние годы, так что готовность помочь пострадавшим и беспомощным не удивительна. Неожиданной оказалась способность к организации, быстрому принятию решений, координации усилий и эффективному обмену информацией. Выяснив, что помощь нужна не только погорельцам, но и пожарным, добровольцы, среди которых были и сотрудники частных благотворительных организаций, и просто люди, пожелавшие потратить деньги, время, энергию и знания, наладили закупку нужного оборудования и доставку его в зоны пожаров, создали импровизированную диспетчерскую службу, которая оповещала добровольных спасателей о том, какая и где нужна помощь. Деятельное участие в помощи пострадавшим приняла и церковь: был создан пункт приема необходимых вещей, организован сбор пожертвований, открыт круглосуточный телефонный номер для лучшей координации помощи. За несколько дней в места бедствия отправились тонны гуманитарной помощи, собраны значительные денежные средства. Сбор средств по распоряжению патриарха Кирилла начался в каждой епархии.

В кратчайшее время люди, находившиеся в разных городах и даже странах, наладили взаимодействие и создали простой и удобный сайт «pozar_ru» (http://community.livejournal.com/pozar_ru), который обеспечил сбор актуальной информации и эффективное взаимодействие. Добровольцы, составившие «народную пожарную команду», — представители модернизированной части россиян, независимых граждан, привыкших самостоятельно принимать решения и свободных от иждивенчества и патерналистского мироощущения, свойственных большинству населения. По оценкам социологов, эта группа в нашей стране крайне невелика; директор Левада-Центра Лев Гудков полагает, что она составляет не более 5–6% населения. Однако в стране, где руководители твердят о модернизации, но воспринимают автономную гражданскую инициативу как угрозу и последовательно закрывают все возможности общественного участия в принятии решений, появление таких людей — свидетельство важного социального прогресса.

⁷³ См. стенограмму заседания Государственной думы 7 сентября 2010 г.

Интервью с Майклом Макфолом, сопредседателем российско–американской рабочей группы «Гражданское общество»

Интервью взяли в июне 2010 г. Мария Липман и Николай Петров

— Прошел год с начала работы вашей с Сурковым рабочей группы. В какой мере оправдались ожидания? Чего удалось и чего не удалось достичь?

— Первое, о чем я хотел бы сказать: администрация Обамы имеет гораздо более широкую, более всеобъемлющую стратегию, направленную на поддержку развития гражданского общества в России. Наша стратегия не ограничивается рабочей группой. Часто ошибочно полагают, что это наше единственное средство, единственный механизм взаимодействия с гражданским обществом в России и поддержки его усилий. Это совсем не так. Взять хотя бы тот факт, что мы встретились в Московском Центре Карнеги с представителями гражданского общества, которых пригласили *вы*, а не мы, не администрации Обамы, не администрация Медведева...

Это всего лишь один пример из сотни: для осуществления прямого взаимодействия с гражданским обществом мы предпринимаем самые разнообразные действия и вступаем в различные контакты. Это часть нашей «двухканальной» стратегии взаимодействия: мы работаем с правительством России и — параллельно и одновременно — с российским обществом. Что касается собственно рабочей группы, у нас было всего два заседания, мы обсудили четыре темы.

У нас было, на мой взгляд, несколько полезных и открытых дискуссий, затрагивающих те темы, которыми мы занимаемся. Из тем, которые мы обсуждали в ходе двух заседаний, по-моему, особенно интересными были те, что касались роли независимых СМИ в выявлении коррупции и случаев нарушения прав заключенных.

Мы попытались создать режим, который мог бы повысить эффективность защиты детей в рамках борьбы с торговлей людьми в наших странах. Это вполне конкретный проект, возникший в ходе первой дискуссии. Но пока еще он не осуществлен.

Общее соображение, которое я высказал в конце, состоит в том, что пока результаты у нас скромные. Это был всего лишь обмен мнениями и критикой. Если вы спросите, привело ли это к конкретным изменениям в политике, мой ответ — пока нет.

— Ожидаете ли вы таких изменений сейчас? Было ли это частью ваших ожиданий первоначально?

— Я не знаю. Между русскими и американцами постоянно происходит множество контактов. Иногда они приводят к изменениям, иногда нет. Как минимум, я думаю, целью должно быть разрушение стереотипов, в частности и относительно намерений американцев.

— В публикации журнала «Русский Newsweek»⁷⁴ отмечено, что Сурков не захотел говорить о выборах. Кроме того, в этом материале говорится, что Сурков сказал американцам (там не указано, вам ли или кому-то еще): «Не надо превращать заседание в допрос Минюста». Сталкиваетесь ли вы в ходе своих дискуссий с какими-либо ограничениями?

— Нет, я бы не стал называть это ограничениями. Скорее я бы сказал, что у наших русских коллег по рабочей группе есть свои соображения относительно того, что является эффективным взаимодействием, а что нет. Но мы обсуждаем любые темы. Я бы сказал так: ни американцы, ни русские, по-моему, никогда не говорили, что та или иная тема является закрытой. В частности, хотел бы подчеркнуть, что российские НПО (особенно на втором заседании) высказали наиболее глубокие и критические замечания в адрес российского правительства.

То, что у нас есть форум, на котором такие люди, как Светлана Ганнушкина и другие активные участники и уважаемые члены гражданского общества в России, имеют возможность открыто обсуждать эти вопросы с высшими российскими и американскими должностными лицами, мне представляется полезным начинанием. Но я не знаю, приведет ли это к каким-нибудь результатам.

У нас были также острые дискуссии между американскими и российскими официальными лицами по многим проблемам в области прав человека. Мы обсуждаем сложные вопросы, так что я не вижу в этом ничего плохого.

— Не могли бы вы обозначить, какие еще существуют механизмы помимо рабочей группы? Вы сказали, что есть сотня примеров. Что они собой представляют? Что еще вы могли бы назвать, кроме заседания, которое мы провели в Центре Карнеги?

— Ну, во-первых, все государственные должностные лица из Соединенных Штатов стараются осуществлять то, что мы называем «двухканальным» взаимодействием. Это означает, с одной

⁷⁴ Зыгарь М., Таратута Ю., Фишман М. Централ партнершип // Рус. Newsweek. — 2010. — 2 июня.

стороны, встречи с правительством, а с другой — встречи непосредственно с лидерами гражданского общества. Например, когда президент Обама находился в Москве, он встречался с президентом Медведевым и его администрацией, а также с премьером Путиным. А большую часть второго дня в Москве он провел с лидерами гражданского общества на проводившемся параллельно мероприятии с представителями деловых кругов в рамках саммита; он встретился с ведущими деятелями российской оппозиции, как левой, так и правой, а также со студентами. Кроме того, он также дал интервью «Новой газете». Таким образом, президент Соединенных Штатов вступал в прямые контакты с представителями российского общества, причем правительство России не участвовало в подборе участников и не контролировало эти встречи.

Так же поступила и госсекретарь Клинтон во время своего визита в Москву осенью прошлого года. Она встретилась с лидерами гражданского общества, дала интервью радиостанции «Эхо Москвы» и беседовала со студентами Московского государственного университета... И я, например, когда был в Москве на прошлой неделе, встречался с господином Сурковым и провел день с правительственными чиновниками и лидерами НПО. А днем раньше встретился с адвокатом господина Ходорковского, с матерью Сергея Магнитского и присутствовал на конференции, состоявшейся в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова, которую организовали Лев Пономарев и Валерий Борщев... Я также встречался с представителями независимых СМИ включая интернет-СМИ и с блогерами. Еще у меня была встреча с группой лидеров гражданского общества, приглашенных для участия в «круглом столе», организованном Московским Центром Карнеги, и с оппозиционными политическими деятелями. Вот это мы и называем двухканальной дипломатией.

Второе. У нас есть стратегия развития взаимодействия между американским гражданским обществом и российским гражданским обществом. Мы называем это взаимодействием коллег. Считаем, что это не менее важно, чем контакты между американскими правительственными чиновниками и гражданским обществом в России. У нас есть множество программ и новых проектов, которые призваны активизировать общение такого рода.

Третье. У нас есть программа «Инновации в гражданском обществе». Президент Медведев говорил об инновациях, и мы это поддерживаем. Но мы хотим реализовать инновации в административной сфере, в бизнесе, в гражданском обществе. Несколько месяцев назад мы привезли группу, в которую вошли представители компаний, занимающихся высокими технологиями. Они встречались не только с государственными должностными лицами (это само собой), но и с руководителями неправительственных организаций и говорили о том, как технологии могут повысить эффективность работы, которую они пытаются вести в отношении гражданского общества.

Четвертое. У нас есть программы обмена, ориентированные специально на активизацию связей между группами гражданского общества.

Пятое. Через Агентство США по международному развитию (USAID) мы продолжаем оказывать поддержку различным фондам и организациям, которые помогают институтам российского гражданского общества.

Шестое. Мы поддерживаем свободное продвижение информации через такие организации, как «Радио Свободная Европа/Радио Свобода».

Седьмое. Мы выступаем с критикой, когда видим нарушения прав человека в России. Как это было всего лишь пару дней назад — в ответ на аресты, имевшие место 31 мая.

Когда мы видим то, что расцениваем как нарушение прав человека, мы не боимся выступать с критикой.

Этот список можно продолжать.

Мы делаем много разных вещей, и группа Суркова-Макфола — лишь один из множества механизмов.

— Вы упомянули о двухканальной модели, которая практикуется американской стороной. Можете ли вы назвать какие-либо инициативы российской стороны, которые также строятся по двухканальной модели? Проявляет ли Россия интерес к таким контактам, чтобы встретиться с представителями американского общества, как это делаете вы, или госсекретарь Клинтон, или кто-то другой из американских чиновников, когда приезжаете в Россию?

— Во время моей последней поездки мне показалась любопытной одна идея. Я встречался с активистом гражданского общества в России, это было на прошлой неделе... Он говорил о том, как можно использовать флип-камеры — это новые недорогие видеокамеры, которые годятся для самых разных целей. С помощью таких видеокамер обычные граждане могут становиться

независимыми репортерами. А вчера один представитель американской неправительственной организации (не хочу называть имен) сказал мне, что это отличная идея, что мы в США тоже должны использовать флип-камеры таким же образом. Вот пример того, как контакты, обмен опытом и разговоры, в частности, о технологиях, способствуют распространению идей...

Но я хочу специально подчеркнуть один момент. Я работаю на президента Обаму и американское правительство. Не мое дело сводить между собой лидеров американских и российских неправительственных организаций, я не хочу этим заниматься. Я исхожу из того, что мы должны поддерживать такие контакты, будто то на символическом, политическом, дипломатическом, а иногда и на финансовом уровне. Но вообще это не наше дело — организовывать гражданское общество. Гражданское общество должно организоваться самостоятельно — в частности, для того, чтобы контактировать с американцами, русскими и другими людьми. Не дело правительства — организовывать гражданское общество.

— Но вопрос был не совсем об этом. Вы перечислили встречи, которые у вас состоялись во время нынешнего приезда в Россию. Как вы думаете, ваш коллега Владислав Сурков проявляет интерес к встречам с различными группами в США?

— Я не знаю. Вам нужно спросить об этом у него.

— Вы рассказали нам о связях между гражданским обществом в Америке и гражданским обществом в России. Как вы думаете, присутствует ли тут какая-то сущностная асимметрия в том смысле, что одни сегменты гражданского общества в России чрезмерно развиты, а другие — недостаточно?

— Я бы сказал так: существуют какие-то области, где руководители НПО США и России занимаются сходными проблемами и пытаются их решать. Это реформа пенитенциарной системы, в частности, права заключенных — пример, когда у американских и российских НПО есть общая почва для дискуссий.

Но есть и другие сферы, где общих тем для обсуждения вообще нет из-за разницы ситуаций в России и в Соединенных Штатах. Так что одна из трудностей в налаживании «диалога между коллегами» из Соединенных Штатов и России как раз и заключается в том, что необходимо осознать: в каких-то областях у нас просто нет никакой общей повестки дня, в наших странах эти сферы устроены совершенно по-разному. В этом нет ничего страшного: есть пределы того, что можно осуществить в рамках сотрудничества между коллегами. Мы просто должны осознать и признать это. Например, некоторые лидеры НПО в России жалуются, что сталкиваются с проблемами в отношении регистрации. А в Соединенных Штатах этой проблемы вообще не существует. Поэтому для обсуждения таких вопросов просто нет общей почвы... А вот в сфере сбора средств у российских и американских неправительственных организаций много общего, и эту тему имеет смысл обсуждать в ходе двусторонних дискуссий.

— Прекрасно. А вы бы могли совместить ваш сегодняшний опыт государственного должностного лица, которому приходится заниматься вопросами гражданского общества, и ваш прошлый опыт активного наблюдателя? Оглядываясь в прошлое, замечаете ли вы сейчас в постсоветском гражданском обществе у нас в России и, возможно, в некоторых других бывших советских республиках что-то, чего вы никак не могли ожидать двадцать или пятнадцать лет назад? Что-то, что вселяет надежду или разочарование, или просто какие-то интересные тенденции?

— Ну, я не могу обсуждать мою прошлую жизнь, потому что в настоящее время я работаю в правительстве... Оставим это для моих мемуаров. Я опубликовал много статей и книг по этой тематике, иногда в соавторстве с вами обоими. Эти публикации не исчезли просто из-за того, что я теперь работаю в администрации, так что, думаю, мои взгляды достаточно хорошо известны...

Я хотел бы сказать вот что: администрация Барака Обамы считает, что контакты и активные попытки участия в решении этих вопросов — это правильная стратегия.

Некоторые критикуют нас за это и говорят, что было бы лучше отмежеваться и протестовать, отказаться от взаимодействия. Подобные символические жесты позволяют таким людям испытать приятное чувство удовлетворения. Но вряд ли это можно считать эффективной стратегией, которая приближает нас к осуществлению наших задач и помогает продвижению общечеловеческих ценностей. Администрация Обамы считает, что активная вовлеченность по крайней мере создает возможность оказывать влияние и продвигать эти ценности, а если мы будем демонстративно отстраняться и протестовать, то лишимся этого шанса.

— Здесь в России то, что вы делаете в рамках этой рабочей группы, привлекает большое общественное внимание и вызывает большой резонанс. Есть ли что-нибудь подобное

в США? Я имею в виду — как общество реагирует на то, что происходит. И если такая реакция есть, видны ли какие-то изменения по сравнению с тем, что у вас говорили год назад (что не следует сотрудничать с Сурковым и некоторыми другими должностными лицами)?

— Это хороший вопрос, но у меня нет на него хорошего ответа. Я не знаю. Конечно, критика имела место. И фигура Суркова в США вызывает большие разногласия. Члены Конгресса критиковали эту группу. Это демократический процесс.

Но, опять же, администрация Обамы верит во взаимодействие, а диалог с кем-то, обмен мнениями не означает, что вы с ним согласны. И это вовсе не значит, что вы тем самым придаете легитимность взглядам, с которыми сами не согласны. Я думаю, именно подобное заблуждение — причина того, что нашу стратегию взаимодействия часто понимают неправильно. Даже если мы не согласны с нашими собеседниками, у нас наверняка больше шансов понять их, чем у тех, кто позволяет воображению заполнять информационную пустоту. Думаю, в том же духе развития контактов мы будем действовать и впредь, в том числе и в рамках рабочей группы, возглавляемой мной совместно с господином Сурковым.

— Что именно вы лично считаете самой полезной составляющей? Вы говорили о заполнении информационной пустоты; получаете ли вы в рамках рабочей группы больше информации из первых рук, чем могли бы получить иным образом в рамках своих служебных обязанностей?

— Как сопредседатель рабочей группы и как сотрудник администрации Обамы я могу сказать вот что. В рамках этой группы у нас было две встречи. У меня в день бывает по дюжине встреч. С некоторыми людьми я встречался сорок, а то и пятьдесят раз. А с господином Сурковым — только два заседания. Поэтому, думаю, пока рано судить, что из этого может получиться. Давайте будем скромны в наших ожиданиях.

Гражданское общество в России будет развиваться в результате действий его лидеров. А правительственные чиновники, которые сегодня говорят о развитии гражданского общества, смогут лишь очень ограниченно повлиять на этот процесс. Принципиально ошибочно мнение, будто их деятельность способна создать в России гражданское общество. Правительства не создают и не должны создавать гражданское общество.

— Можете ли вы сказать, что как минимум по этой причине создание рабочей группы было оправданно?

— Мы должны подождать с оценкой долгосрочных результатов ее деятельности. Однако в одном измерении — в части взаимопонимания — уже есть положительный результат. Мы провели ряд встреч, которые помогли правительствам обеих стран лучше понять друг друга. Лично я узнал кое-что новое. Я думаю, мои коллеги в правительстве России, американские и российские НПО также узнали кое-что новое.

Эта рабочая группа предоставляет возможность нашим американским НПО пообщаться напрямую с такими людьми, как господин Сурков. Например, «Transparency International» и «Human Rights Watch» — если взять пару самых известных международных НПО — в рамках этой рабочей группы смогли лично встретиться с ним. Иначе такой контакт — существенный для понимания взглядов господина Суркова и его правительства — едва ли был бы возможен.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги вышли:

2010

Выпуск 1. *Алексей Малашенко.* Выстраивая отношения с мусульманским миром.

Выпуск 2. Engaging History: The Problems & Politics of Memory in Russia and the Post-Socialist Space.

2009

Выпуск 1. *Анна Бессонова.* Нефтедобыча в России: государственная политика и инновационные перспективы.

2008

Выпуск 1. Внутренняя ситуация в Иране: «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 28 ноября 2007 г.

Выпуск 2. *Нина Пусенкова, Анна Бессонова.* Блеск и нищета российской нефтепереработки.

Выпуск 3. *Алексей Малашенко.* Россия и мусульманский мир.

Выпуск 4. *Андрей Рябов.* Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи.

2007

Выпуск 1. Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г.

Выпуск 2. *Мафрак Гүлдинг.* Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество.

Выпуск 3. *Алексей Арбатов.* Москва — Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики.

Выпуск 4. *Нина Пусенкова.* Восток есть восток: Новая нефтегазовая провинция России.

Выпуск 5. *Андрей Макарычев, Сэмюэл А. Грин.* Перспективы прозрачности в российском ресурсодобывающем секторе.

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

Выпуск 5. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества.

Выпуск 6. *Анна Бессонова.* Требования ВТО и российское законодательство.

